

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический институт

С.А. Елисеев

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**

Курс лекций

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

УДК 343.8
ББК 67.99(2)1
Е51

Серия основана в 2014 г.

Елисеев С.А.
Е51 Преступления против собственности : курс лекций. – Томск :
Издательский Дом Томского государственного универси-
тета, 2018. – 194 с. – (Библиотека магистранта).

ISBN 978-5-94621-679-1
ISBN 978-5-94621-686-9 (отд. кн.)

Курс лекций подготовлен на основе разработанной автором учебной программы. В лекциях раскрывается содержание юридических норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против собственности. Автор показывает эволюцию законодательных решений, анализирует суждения российских ученых по проблемам квалификации преступлений против собственности. В лекциях приводятся опубликованная судебная практика, постановления Пленумов Верховных Судов России и СССР.

Лекции адресованы студентам, обучающимся по направлению «юриспруденция» (квалификация – «магистр»).

УДК 343.8
ББК 67.99(2)1

Рецензенты:

Л.М. Прокументов, доктор юридических наук, профессор;
А.В. Архипов, кандидат юридических наук,
судья Томского областного суда

ISBN 978-5-94621-679-1
ISBN 978-5-94621-686-9 (отд. кн.)

© Елисеев С.А., 2018
© Томский государственный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Лекция 1. Преступления против собственности: общая характеристика	6
Лекция 2. Понятие хищения	27
Лекция 3. Кража и грабеж, присвоение или растрата	57
Лекция 4. Мошенничество	74
Лекция 5. Разбой	101
Лекция 6. Квалифицированные виды хищения	118
Лекция 7. Преступления против собственности, не образующие хищения	159
Лекция 8. Уничтожение или повреждение имущества	183

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статистика свидетельствует, что в России преступления против собственности на протяжении многих лет имеют наибольший удельный вес в структуре зарегистрированных преступлений. Так, в 1996 г. преступления против собственности составили 60,8% от общего числа зарегистрированных преступлений. В 2016 г. хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, грабежа и разбоя, составили 43,7% от общего числа зарегистрированных преступлений. Преступления против собственности в связи с их большой распространенностью определяют общий облик всей преступности. Они наносят ущерб государству, гражданам, другим собственникам, дестабилизируют социальные отношения, отрицательно влияют на нравственное состояние общества.

УК РФ 1996 г. преступлениям против собственности посвятил 17 статей (158–168), составляющих гл. 21. Предусмотренные ими составы преступлений образуют нормативно-правовую основу выполнения стоящей перед УК РФ задачи охраны собственности. Этот законодательный материал получил освещение в учебниках, комментариях УК РФ, статьях и монографиях. Вместе с тем многие важные вопросы, в том числе и общетеоретического характера, еще недостаточно исследованы. В литературе, у практиков отсутствует единая трактовка признаков преступлений против собственности, что приводит к неоднозначному применению уголовного закона. В связи с этим становится очевидной необходимость детального изучения особенностей системы преступлений против собственности, правовых конструкций и юридических понятий, предусмотренных гл. 21 УК РФ.

В лекциях раскрывается уголовно-правовая характеристика посягательств на собственность, приводятся суждения отечественных авторов, законодательный текст (по состоянию на 1 января 2018 г.), извлечения из постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Верховного Суда СССР, судебная практика как иллюстрация теоретических положений.

Лекция 1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Родовым объектом преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ, является собственность. Собственность как объект преступления представляет собой многогранное явление. Она имеет экономическую и правовую стороны. С экономической стороны собственность – это отношение между человеком, группой или сообществом людей (субъектом), с одной стороны, и любой субстанцией материального мира (объектом) – с другой, заключающееся в постоянном или временном, частичном или полном отчуждении, отсоединении, присвоении объекта субъектом. Отношения, возникающие между субъектом собственности и объектом собственности, характеризуют как меру обладания объектом со стороны субъекта, так и вид функции, реализуемой субъектом в процессе практического воплощения отношений собственности. Связи между субъектом собственности и объектом собственности включают в себя отношения владения, пользования, распоряжения. Отношения собственника к «своей вещи» (субъектно-объектные) служат материальной предпосылкой отношений между субъектами собственности, т.е. субъектно-субъектных отношений. Последние охраняют взаимосвязи между людьми по поводу средств производства и производимых ими благ, обуславливают формы распределения имущества, продукции, товаров, доходов, других ценностей между собственниками¹. Собственность немыслима без того, чтобы лица, не являющиеся собственниками, относились к ней как к чужой.

Социально-экономические отношения собственности получают юридическое закрепление в праве собственности. Право собствен-

¹ Курс экономики. М., 1989. С. 99–104.

ности предоставляет собственнику юридически обеспеченную возможность извлекать пользу из находящегося в его обладании имущества. Все иные лица обязаны не нарушать владения собственника, не препятствовать ему в пользовании и распоряжении имуществом. Государство охраняет и право владения лица, не являющегося собственником, но обладающего вещью на основании какого-либо права – вещного или обязательственного.

Общественная опасность преступлений против собственности определяется тем, что они нарушают отношения принадлежности вещи собственнику. В результате их совершения собственник утрачивает обладание своей вещью и тем самым терпит материальный (имущественный) ущерб, поскольку лишается возможности реально извлекать из нее те или иные полезные свойства. Собственник также теряет возможность принимать решения по поводу функционирования принадлежащего ему объекта собственности. При этом в одних случаях преступление может влечь за собой одно лишь уменьшение имущества потерпевшего, в других – к такому уменьшению присоединяется расширение сферы вещного владения на стороне виновного (он становится обладателем не созданного им имущества и получает возможность фактически использовать чужую вещь в зависимости от ее назначения, решать вопросы о ее изменении, прекращении ее существования или отчуждении).

Юридическая сторона преступления против собственности заключается в нарушении юридического содержания отношений собственности – субъективного права собственности. Преступление нарушает это право как юридическое благо, предоставляющее субъекту общую правовую власть над принадлежащей ему вещью. В результате совершения преступления происходит умаление меры правового господства, закрепленной за субъектом – собственником того или иного имущества. Конечно, право собственности как таковое у потерпевшего сохраняется. Как собственник он вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, потребовать возмещения причиненного ему вреда. Однако

очевидно, что ни о какой реализации потерпевшим прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом по своему усмотрению в этом случае говорить нельзя. Эти правомочия у него юридически существуют, но реально не исполняются.

Надо сказать, что именно в разрушении правовой связи собственника с его имуществом усматривали суть похищения, присвоения, истребления и повреждения чужого имущества русские и советские юристы. Так, Н.А. Неклюдов полагал, что «преступные деяния против собственности являются нарушением правовых норм, определяющих собою права по имуществу определенных лиц, общественных групп и всего государства»¹. И.Я. Фойницкий считал, что при совершении имущественных преступлений «преступная деятельность... направляется против правовых отношений лица к имуществу, и потому естественно, что уголовно-юридическая природа этой деятельности прежде всего определяется природой отношений, ею нарушаемых. Можно нарушить право на имущество или в полном его объеме, образующем право собственности, или только в одной из частей собственности – праве владения, пользования или распоряжения»². Н.С. Таганцев утверждал, что «воровство, мошенничество несомненно заключает в себе посягательство на субъективное имущественное право...»³. По мнению Б.С. Никифорова, «объектом кражи, разбоя, присвоения, истребления и повреждения имущества граждан, а также (в большинстве случаев) вымогательства и мошенничества является обеспеченная законом возможность в установленных пределах использовать имущество по своему усмотрению... обращаться с ним “как со своим”, в частности владеть, пользоваться и распоряжаться им»⁴.

¹ Неклюдов Н.А. Руководство Особенной части русского уголовного права. СПб., 1887. С. 540.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 162.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. СПб., 1902. Т. 1. С. 31.

⁴ Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 15.

Непосредственный объект преступлений против собственности совпадает с родовым. Нельзя согласиться с мнением, что непосредственный объект преступлений против собственности составляют конкретные формы собственности, определяемые принадлежностью имущества, – частная, государственная, муниципальная собственность, собственность общественных объединений. Такое представление о непосредственном объекте преступлений против собственности не имеет необходимого теоретического и нормативно-правового обоснования. Законодательством России предусмотрена равная защита всех форм собственности; поэтому для оценки содеянного как преступления против собственности не имеет значения субъектная принадлежность нарушенного права собственности.

Некоторые деяния, предусмотренные гл. 21 УК РФ, многообъектны. Основной непосредственный объект грабежа, совершенного с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, разбоя, вымогательства, угона транспортного средства, совершенного с применением насилия, – собственность; обязательный дополнительный объект – безопасность здоровья человека. Обязательный дополнительный объект кражи, грабежа, разбоя, совершенных с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, – неприкосновенность жилища, преступлений против собственности, совершенных виновным с использованием своего служебного положения, – нормальная деятельность управленческого аппарата¹.

К предмету преступлений против собственности УК РФ относят имущество. Мошенничество, как указано в УК РФ, своим предметом может иметь и право на имущество, а вымогательство, помимо этого, и «другие действия имущественного характера».

¹ В уголовно-правовой литературе об объекте преступлений против собственности высказано много суждений. Обстоятельный анализ этих суждений осуществила Н.А. Лопашенко (см.: Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012. С. 5–15).

Но это, как правильно заметила Н.А. Лопашенко, «скорее исключение, чем правило для всех преступлений против собственности и для вымогательства в частности»¹.

Уголовный закон не раскрывает понятия имущества как предмета преступлений против собственности. В ГК РФ под имуществом понимаются: отдельные вещи или их совокупность (ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 46 ГК РФ); вещи, деньги и ценные бумаги (ч. 1 ст. 302, ч. 1 ст. 307 ГК РФ); совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав и обязанностей субъектов (ч. 2 ст. 63 ГК РФ). Как видим, ГК РФ к «имуществу» отнес все виды материальных ценностей, как вещные, так и обязательственные права. Но право собственности составляет только часть вещных прав; оно, как отметил В.А. Дозорцев, неизмеримо уже имущественных прав, хотя и составляет их ядро². Такой вывод можно сделать, исходя из правомочий собственника (п. 1 ст. 209 ГК РФ), содержание которых во многом определяется натуральными свойствами объекта. О том, что право собственности может осуществляться исключительно в отношении материальной вещи, говорят и правила о риске случайной гибели вещи (ст. 211 ГК РФ), отнесение права собственности к вещным правам (ст. 216 ГК РФ), нормы о вещных способах защиты права собственности³. Поэтому под имуществом как предметом преступлений против собственности следует понимать вещи как предметы (объекты) материального мира, обладающие стоимостью, по поводу которых существуют отношения собственности.

В российской уголовно-правовой науке издавна принято выделять свойства, признаки имущества как предмета посягательств на собственность, в частности хищения. Так, И.Я. Фойницкий отме-

¹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 35–36.

² Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе России: Проблемы. Теория. Практика. М., 1998. С. 233.

³ По мнению Г.Л. Кригер, под вещью как предметом посягательств на собственность понимается «любой материальный (или телесный) объект (предмет), которым не является лицо. См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 314.

чал, что имущество как предмет похищения имеет три стороны: физическую, экономическую и юридическую. Со стороны физической, писал он, имущество «как объект похищения должно быть вещественным, телесным предметом внешнего мира, занимающим какое-нибудь место в пространстве и доступным нашим внешним чувствам». Со стороны экономической оно должно быть возможным предметом гражданского оборота, т.е. представлять собой ценность; со стороны юридической – «предметом правового обладания физического или юридического лица, составляя собственность его»¹.

Б.С. Никифоров, понимая под имуществом как предметом преступления «именно и только совокупность вещей, материальных, вещественных предметов внешнего мира», выделял экономическую и юридическую характеристики имущества². Физический, экономический и юридический признаки имущества как предмета похищения различал А.А. Пионтковский³. Современные российские авторы тоже выделяют три признака имущества как предмета хищения – физический, экономический, юридический⁴.

Физический признак имущества как предмета преступлений против собственности означает, что в его качестве могут выступать предметы внешнего мира, определенные в пространстве, до-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 168–171. Необходимо отметить, что некоторые из юристов того времени не относили экономическую сторону к числу обязательных признаков имущества как предмета преступления. Так, С.В. Познышев считал, что возможно похищение предметов, рыночной стоимости не имеющих. См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1905. С. 167.

² Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 32–36.

³ Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1. С. 687.

⁴ Курс уголовного права. Особенная часть. М., 2002. Т. 3. С. 410; Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 20–21; Герасимова Е.В. Предмет хищения в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15–16.

ступные объективному восприятию человека, имеющие такие характеристики, как масса, объем, плотность. При этом, как справедливо отмечал И.Я. Фойницкий, не имеет значения, «действию каких именно внешних чувств доступна данная вещь»¹. Поэтому не могут быть отнесены к предмету преступлений против собственности объекты интеллектуальной собственности, поскольку они нематериальны и не обладают признаком вещи. Незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности при определенных условиях может составлять преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина². Однако результаты творческой деятельности, имеющие объективную форму воплощения (в виде кинофильма, видеофильма, картины, эскиза, чертежа, макета, скульптуры, звукозаписи, фотографии и т.д.), как вещи, могут быть предметом преступления против собственности.

Не может быть предметом преступлений против собственности и информация (сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах), являющаяся нематериальным благом. В то же время материальные носители информации при определенных условиях могут выступать предметом посягательств на собственность.

Экономический признак имущества как предмета преступления против собственности предполагает, что им может быть вещь, имеющая экономическую ценность, выраженную в цене. Как пишет Н.А. Лопашенко, «вложенный в имущество человеческий труд олицетворяет собой его меновую стоимость, которая вместе со стоимостью потребительской, означающей, что данное имущество создано для удовлетворения потребностей человека, создает ценность имущества, в совокупном виде отражающуюся в его цене»³. Также следует отметить, что, по справедливому мнению И.Я. Фойницкого,

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 169.

² Курс российского уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 316.

³ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 189.

ценность имущества как его главный экономический признак «должна быть рыночная, а не только личная – с точки зрения потерпевшего или виновного, ибо она составляет признак того, что данная вещь имеет значение для общегражданского оборота»¹.

С экономической стороны предметом преступлений против собственности могут быть вещи как товарно-материальные ценности, а также деньги как средство платежа по товарным и нетоварным операциям, представляющие собой всеобщий эквивалент стоимости. Предметом преступлений могут быть и ценные бумаги (облигации, векселя, чеки, депозитивные и сберегательные сертификаты, акции и другие документы, которые отнесены законодательством к числу ценных бумаг).

Нельзя рассматривать в качестве предмета преступлений против собственности официальные документы, не обладающие экономической ценностью. Эти документы (в частности, паспорт, удостоверение личности военнослужащего, пенсионное удостоверение, свидетельство о рождении, служебное удостоверение, военный билет, трудовая книжка, аттестат, диплом об образовании), имея моральную, профессиональную и иную значимость, не удостоверяют имущественного права их обладателя. Соответственно, они не имеют и потребительской стоимости. Их похищение не нарушает отношений собственности, а составляет преступление против порядка управления (ст. 325 УК РФ). Поэтому завладение паспортом, другим важным личным документом в ходе разбоя образует совокупность преступлений – разбоя и похищения документов². Так, Центральным народным судом г. Кемерово за совершение разбоя (ч. 2 ст. 162 УК РФ) и похищение документов (ч. 2 ст. 325 УК РФ)

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 170.

² Общепринятая трактовка ч. 2 ст. 325 УК РФ предполагает совершение предусмотренного ею преступления только с прямым умыслом. Как представляется, такое толкование необоснованно ограничивает сферу применения ч. 2 ст. 325 УК РФ. Похищение у гражданина паспорта или другого важного личного документа, по нашему мнению, возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом.

были осуждены З., И., К., которые, незаконно проникнув с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, в жилище для завладения чужим имуществом, похитили паспорт и студенческий билет потерпевших. Кузнецким районным судом г. Новокузнецка за разбой (ч. 2 ст. 162 УК РФ) и похищение документов (ч. 2 ст. 325 УК РФ) был осужден Н., который, незаконно проникнув в жилище с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, в целях завладения чужим имуществом в крупном размере, похитил завещание, ордер на квартиру, договор на передачу квартиры в собственность, свидетельство об образовании.

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 325 УК РФ, посягает на установленный государством порядок обращения официальной документации. Его предметом являются официальные документы, т.е. документы, исходящие от государственных муниципальных органов, учреждений, организаций, которым государство придает юридическое значение. Известно, что документы давно прошедших лет в наше время, как правило, правового значения не имеют. Однако они могут иметь, в связи с их исторической, научной, художественной, культурной ценностью, стоимость и, соответственно, цену, нередко существенную. Такие документы надо относить к предмету преступлений против собственности, поскольку они представляют собой не что иное, как вещь, вовлеченную в гражданский оборот.

Предметом преступлений против собственности нельзя признавать вещи, изъятые из свободного гражданского оборота (ограниченно оборотоспособные, запрещенные к гражданскому обороту). Хотя они и обладают экономическим свойством стоимости и ее денежным выражением – ценой, совершаемые с ними общественно опасные действия нарушают, как отметил А.И. Бойцов, не столько имущественные отношения, сколько специальный правовой режим, установленный относительно указанных вещей¹. В числе вещей, изъятых из свободного гражданского оборота, УК РФ

¹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 187.

упоминает: оружие (его составные части), боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства; наркотические средства и психотропные вещества; сильнодействующие и ядовитые вещества; радиоактивные материалы и компоненты. За незаконные действия в отношении этих предметов ответственность предусмотрена УК РФ в гл. 24, 25.

Юридический признак имущества как предмета преступлений означает, что им может быть только чужое имущество, т.е. имущество, находящееся в чей-либо собственности или законном владении и чужое для виновного. Чужое имущество, как пишет В.В. Векленко, это «такие предметы и вещи, которые не только не принадлежат виновному, но и те, к которым последний относится как постороннее лицо, т.е. не может полностью распространить над ними свою власть. Иными словами, чужое имущество является таковым для лица, которое не вправе распоряжаться им по своему усмотрению»¹. Завладение собственным имуществом, находящимся во владении других лиц, уничтожение или повреждение собственного имущества не образует преступления против собственности. Не составляют преступления против собственности противоправные действия, направленные на завладение имуществом в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать по ст. 330 или по другим статьям УК РФ².

Не являются предметами преступлений против собственности «бесхозные» вещи, т.е. вещи, которые не имеют собственника или собственник которых неизвестен, либо вещи, от права собственности на которые собственник отказался (ст. 225 ГК РФ). Поэтому, например, завладение предметами, находящимися в могиле

¹ Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 76–77.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Российская газета. 2003. 18 января. № 9. П. 7

или на могиле, нельзя рассматривать как хищение, поскольку эти предметы являются выбывшими по воле собственника (родственников, друзей) из гражданского оборота¹. От «бесхозных» вещей следует отличать вещи, оставленные их собственником без присмотра (в автомобиле, в ячейке для хранения вещей в магазине, в служебном помещении и т.д.). Такое имущество – предмет посягательств на собственность.

Предметом преступлений против собственности могут быть государственные награды (ордена, медали, знаки отличия). Известно, что многие ордена и медали Российской империи, СССР, РСФСР, РФ изготовлены из драгоценных металлов, а потому они имеют значительную экономическую ценность. Именно она, как отмечает Н.А. Лопашенко, должна быть основой определения размера хищения². Следует сказать, что наряду с экономической ценностью ордена и медали, знаки отличия могут иметь и особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Предметом такого преступления, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), может быть, наряду с имуществом как вещью, и энергия (газовая, тепловая, электрическая и др.). Небезынтересно, что УК РСФСР 1926 г. предусматривал ответственность за кражу электрической энергии (ст. 163). Однако впоследствии советский законодатель отказался от оценки случаев противозаконного пользования электрической, тепловой, газовой энергией как хищения. По УК РСФСР 1960 г. (в ред. до 28 мая 1986 г.) ответственность за такие действия предусматривалась ст. 94 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием);

¹ Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 2002. С. 32; Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2001. С. 382. По мнению В.В. Векленко, А.Г. Безверхова, содеянное в этих случаях следует квалифицировать как хищение. См.: Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 214; Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 78.

² Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 190.

в 1986 г. этот кодекс был дополнен ст. 94² «Нарушение правил пользования энергией или газом в быту».

Говоря о предмете преступлений против собственности, следует отметить, что им может быть как движимое, так и недвижимое имущество. В уголовно-правовой литературе недвижимое имущество обычно рассматривается (применительно к хищению) в качестве предмета мошенничества и вымогательства. Но, как обоснованно заметил А.В. Наумов, земельный участок как сам по себе, так и вместе с возведенным на нем жилым домом или другим строением может быть предметом и разбоя. В отношении дома или другого строения кража, как полагает А.В. Наумов, может произойти и путем перевода такой недвижимости в «движимое» имущество¹.

Объективную сторону большинства преступлений против собственности, предусмотренных УК РФ, образует действие (тайное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц при краже, завладение автомобилем или иным транспортным средством при угоне). Некоторые преступления могут быть совершены путем бездействия (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности). Большая часть преступлений против собственности имеет так называемый материальный состав, их объективная сторона состоит из трех элементов: общественно опасного деяния; общественно опасного последствия в виде имущественного ущерба; причинной связи между деянием и наступившим последствием. Разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения отнесены законодателем к «формально-материальным» преступлениям – в их основные составы не включено последствие в виде причинения имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Формальный состав

¹ Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктрин, толкование. М., 2005. С. 345.

имеет вымогательство; это преступление окончено с момента совершения образующих его объективную сторону действий.

Субъективная сторона преступлений против собственности, предусмотренных ст.ст. 158–167 УК РФ, предполагает вину в форме умысла. Преступление, предусмотренное ст. 168 УК РФ, характеризуется неосторожной виной. Обязательным признаком субъективной стороны кражи, мошенничества, присвоения или растраты, грабежа, разбоя, хищения предметов, имеющих особую ценность, является корыстная цель.

Субъектом преступлений против собственности является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста, с которого наступает уголовная ответственность. За кражу, грабеж, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (ст.ст. 158, 161–163, 166, ч. 2 ст. 167 УК) ответственность наступает с 14-летнего возраста; за мошенничество, присвоение или растрату, хищение предметов, имеющих особую ценность, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное уничтожение или повреждение имущества без отягчающих обстоятельств, уничтожение или повреждение по неосторожности (ст.ст. 159–160, 164, 165, ч. 1 ст. 167, ст. 168 УК РФ) – с 16 лет.

Преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ, подразделены законодателем на две группы: преступления против собственности, образующие хищение (кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, хищение предметов, имеющих особую ценность – ст.ст. 158–162, 164 УК РФ); преступления против собственности, не образующие хищение (вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное, неосторожное уничтожение или повреждение имущества – ст. ст. 163, 165–168 УК).

В уголовно-правовой литературе предложены разные классификации преступлений против собственности. Так, Н.А. Неклюдов, выделяя среди имущественных преступлений истребление и повреждение чужого имущества и корыстные против имущества деяния, писал, что вторую группу образуют все те деяния, которые «влекут за собой обогащение преступника, т.е. заключают в себе перенос имущества или имущественных прав потерпевшего в состав имущественной сферы преступника»¹. И.Я. Фойницкий подразделял имущественные преступления на совершенные без корыстного намерения (повреждение имущества) и на преступления с корыстным намерением, к числу которых, наряду с присвоением чужого имущества, завладением чужим недвижимым имуществом и другими преступлениями, отнес и похищение чужого движимого имущества². Сходная группировка преступлений против собственности существовала и в науке советского уголовного права³. Разделяют преступления против собственности на корыстные и некорыстные и современные авторы. В частности, на такие группы делят преступления против собственности З.А. Незнамова, А.Н. Игнатов, С.М. Кочои и др.⁴

Г.Н. Борзенков выделил корыстные преступления, связанные с неправомерным извлечением выгоды, и преступления против собственности, не связанные с извлечением имущественной выгоды⁵. А.Г. Безверхов различает: посягательства, выражающиеся в изъятии чужого имущества; посягательства, совершаемые путем обма-

¹ Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2: Преступления и проступки против собственности. СПб., 1876. С. 4.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 31.

³ Тенчов Э. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности. Иваново, 1980. С. 39–41; Гельфер М.А. Преступления против личной собственности граждан. М., 1987. С. 8.

⁴ Уголовное право. Особенная часть. М., 1997. С. 192; Уголовное право России. Т. 2: Особенная часть; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 98.

⁵ Российское уголовное право : в 2 т. М., 2006. Т. 2: Особенная часть. С. 173.

на и с использованием доверия; посягательства, состоящие в уничтожении и повреждении чужого имущества¹.

Эти группировки преступлений против собственности, в основу которых положены такие критерии классификации, как способ совершения преступления, цель преступления, так или иначе отражают объективные моменты: в одних случаях вред собственности причиняется умышленными действиями (насильственными или ненасильственными), направленными на противоправное завладение чужим имуществом, на обращение этого имущества в обладание виновного, иных лиц; в других – повреждением или уничтожением чужого имущества (умышленным – корыстным или некорыстным; неосторожным).

Нельзя не отметить, что в УК РФ названы практически те же преступления против собственности, что и в УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 1 июля 1994 г.), за исключением неправомерного завладения чужим недвижимым имуществом, присвоения найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества. Систематика преступлений против собственности, приводимая в УК РФ, имеет в своей основе много общего и с группировкой имущественных преступлений в УК РСФСР 1922, 1926 гг. Те кодексы, в свою очередь, воспроизвели основную классификацию имущественных преступлений из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Такую преемственность в конструировании нормативно-правовых положений, на первый взгляд, можно только приветствовать. С одной стороны, УК РФ называет давно известные российскому уголовному праву формы противоправного посягательства на собственность. С другой стороны, законодателем обозначены определенные уголовно-правовые понятия общепризнанными и устойчивыми терминами. Однако нельзя не заметить, что группировка преступлений против собственности, приведенная в УК РФ, несовершенна в технико-юридическом плане. Прежде всего, обращает

¹ Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 174–179.

на себя внимание многосложность основания деления преступлений против собственности на те или иные виды. В этом качестве законодатель использовал, порой одновременно, несколько признаков (способ, цель, субъект, последствия преступления). При этом, подразделяя преступления по способу совершения, он принял во внимание разные их стороны. Так, краже как тайному хищению чужого имущества в УК РФ противостоит грабеж как открытое хищение. Грабеж, в свою очередь, подразделен на два вида (насильственный и ненасильственный), определения которых объединены в одной статье. Мошенничество как хищение путем обмана или злоупотребления доверием выделено с учетом специфики психологического воздействия, оказываемого на волю потерпевшего. Разбой противопоставлен грабежу, исходя из большей опасности применяемого при нападении насилия. Причем разбой представляет собой, в отличие от грабежа, как открытое, так и тайное для потерпевшего действие. Вымогательство из числа насильственных преступлений против собственности выделено с учетом функционального назначения насилия (психического, а порой и физического).

По предмету преступления УК РФ различает хищение предметов, имеющих особую ценность, и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством. Как хищение предметов, имеющих особую ценность, так и завладение автомобилем могут быть совершены любыми способами (тайно, открыто, путем обмана, посредством насилия). Однако завладение автомобилем должно совершаться без «цели хищения».

В составах кражи, мошенничества, грабежа, разбоя обязательным признаком является корыстная цель (что следует под ней понимать, в УК РФ не сказано). Корыстная цель обязательна и при присвоении, растрате. Последние отличаются от иных хищений наличием у виновного правомочий в отношении чужого имущества, находящегося в его обладании. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием по способам совершения сходно с мошенничеством, однако не имеет, как сказано

в УК РФ «признаков хищения» (каких именно, в ст. 165 УК не уточняется). Уничтожение или повреждение чужого имущества отличается от иных преступлений против собственности характером внешнего воздействия на материальные предметы и его последствиями.

Такая усложненность деления преступлений против собственности на те или иные виды не позволила провести четкого разграничения между некоторыми составами преступлений, в частности составом неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и составами преступлений, образующими по УК РФ хищение чужого имущества. Анализ законодательной обрисовки состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, показывает, что по объективным признакам угон, по существу, не отличается от завладения транспортным средством с целью хищения. Единственный признак, который отличает, по мысли законодателя, угон от хищения транспортного средства, – отсутствие цели хищения (надо полагать, корыстной цели; в ином случае диспозиция нормы, включенной в ст. 166 УК РФ, утрачивает смысловую определенность). Однако ни наука уголовного права, ни судебная практика не смогли до настоящего времени найти однозначного, исчерпывающего ответа на вопрос, в чем, собственно, состоит отличие цели неправомерного завладения транспортным средством от цели его хищения. Поэтому не случайно Верховный Суд РФ в своем постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» вынужден был сказать, что угон от хищения транспортного средства отличает содержание умысла лица, совершившего завладение транспортным средством – при угоне виновного нет намерения присвоить чужой автомобиль или другое транспортное средство целиком или по частям. При этом Верховный Суд РФ отметил, что целями угона являются цель поездки на угнанном автомобиле (транспортном средстве) или «иные цели без корыстных побуждений» (что это за цели, в постановлении, к со-

жалению, не объясняется). Из этого разъяснения видно, что основное отличие угона от хищения автомобиля заключается в следующем: угон представляет собой преступление, в состав которого не входят корыстные побуждения; субъективная сторона угона предполагает цель противоправного временного пользования чужим автомобилем (транспортным средством). Хищение автомобиля, соответственно, представляет собой его изъятие и обращение в пользу виновного или других лиц, направленное на постоянное пользование этим автомобилем. В связи с этим хотелось бы сказать, что корыстные побуждения, как далее подробно будет сказано, не являются обязательным признаком субъективной стороны хищения, они находятся за рамками его состава. Для понятия хищения безразличны как форма противоправного пользования чужим имуществом, так и длительность владения им. Кроме того, нельзя не отметить, что уголовный закон не выделяет (не выделял он и ранее) такой черты хищения, как намерение лица постоянно пользоваться чужим похищенным имуществом.

Надо сказать, что проблемность разграничения угона и хищения автомобиля или иного транспортного средства предопределена криминализационной избыточностью общественно опасных деяний, посягающих на собственность. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения является искусственной законодательной конструкцией, неосновательно усложняющей систему преступлений, предусмотренных гл. 5 УК РФ. Поэтому его следует исключить из числа посягательств на собственность. Исключение угона из числа преступлений против собственности не создает нормативного пробела, не сузит объема криминализации посягательств на собственность ни по объективным, ни по субъективным признакам.

Законодательная группировка преступлений против собственности упречна и в другом существенном моменте. Определяя круг этих преступлений, законодатель не выдержал критерий структурирования Особенной части УК РФ. К числу преступлений против собственности он отнес деяние, во многом таковым не являющее-

ся, – причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Как известно, специфика этого преступления заключается в причинении собственнику или иному владельцу имущественного ущерба в виде упущенной выгоды (неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота). В такой ситуации собственник (иной владелец имущества) именно как обладатель принадлежащего ему имущества ни с фактической, ни с юридической стороны реального ущерба не претерпевает, поскольку изъятия имущества из его владения не происходит. Будущие вещи и имущественные права, составляющие юридическое содержание обязательственного правоотношения, не относятся к имуществу, образующему объект права собственности. Поэтому есть все основания утверждать, что норма, изложенная в ст. 165 УК, охраняет не собственность как экономико-правовую реалию, а имущественные интересы участников обязательственных правоотношений. Соответственно, ее следует отнести к числу норм, охраняющих общественные отношения, складывающиеся в той или иной сфере экономической деятельности. Конечно, можно и согласиться с отнесением имущественного ущерба к числу преступлений против собственности. Но тогда надо признать, что собственность (как экономическая категория) – это вся совокупность общественно-производственных отношений, включающая в себя и отношения по «формированию фондов собственности», «отношения, неразрывно связанные с отношениями собственности», а право собственности (в субъективном смысле) включает в себя правомочие собственника требовать передачи ему чужого имущества.

Законодателю необходимо определиться и в отношении места нормы об ответственности за уничтожение или повреждении памятников истории и культуры в системе Особенной части УК РФ. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры в УК РФ отнесено к числу преступлений против общественной нравственности (ст. 243). Законодатель, надо полагать, исходил из

того, что это преступление причиняет вред главным образом интересам охраны исторического и культурного наследия РФ, исторической памяти народа и государства. В то же время нельзя не отметить, что хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, классифицировано в УК РФ как преступление против собственности. Между тем очевидно, что и это преступление причиняет, так или иначе, аналогичный вред. Поэтому логику существующего законодательного решения нельзя признать убедительной; его умозрительность несомненна.

Законодательный материал в гл. 21 УК РФ излагается непоследовательно: статья о присвоении расположена за статьей о мошенничестве. Однако кража и присвоение более близки по юридической характеристике преступления, чем кража и мошенничество. В числе статей о хищениях законодатель поместил статью о вымогательстве. Но поскольку вымогательство – не хищение, то и статью, предусматривающую ответственность за его совершение, следовало разместить вслед за статьями о хищениях.

В статьях гл. 21 УК РФ нет единообразия формы выражения правовых предписаний. В одних статьях квалифицирующие признаки имеют буквенное обозначение, в других – не имеют такового. «Примечательна» юридическая графика ст. 162 УК, в которой текст дифференцирован без какого-либо намека на соблюдение элементарных правил юридической техники (такое же замечание можно сделать и в отношении ст. 166 УК РФ).

Сказанное, несомненно, убеждает в необходимости существенной переработки нормативных предписаний главы «Преступления против собственности». Они должны стать ясными, свободными от двусмысленности, четкими по форме изложения, что позволит адресату юридической нормы точную информацию о содержании уголовно-правового запрета. Для этого объективную сторону преступлений, охватываемых в УК РФ понятием «хищение», целесообразнее обозначать словом «завладение». Это слово достаточно точно и ясно обрисовывает как действие в составе пре-

ступления, так и момент окончания преступления. Не случайно теория, объясняющая момент окончания кражи, получила в свое время наименование «теория завладения». В новой редакции гл. 21 УК РФ необходимо отказаться от избыточной усложненности деления преступлений против собственности на те или иные виды. Система преступлений против собственности должна включать в себя такие деяния, как кража, присвоение, мошенничество, грабеж, разбой, вымогательство, завладение предметами, имеющими особую ценность, уничтожение или повреждение чужого имущества.

Возможен и иной вариант построения системы преступлений против собственности – подразделение их на две группы (завладение чужим имуществом; уничтожение или повреждение чужого имущества); дифференциация завладения имуществом на насильственное и насильственное, уничтожения или повреждения чужого имущества на простое и опасное. В этом случае гл. 21 УК РФ будет включать статьи, предусматривающие ответственность за кражу, присвоение вверенного имущества, мошенничество, разбой, завладение предметами, имеющими особую ценность, вымогательство, уничтожение или повреждение имущества (умышленное и неосторожное). Кража будет представлять собой тайное или открытое завладение чужим имуществом, разбой – завладение чужим имуществом посредством насилия или с угрозой его применения (основной состав). Квалифицированные виды разбоя составят завладение чужим имуществом с причинением средней тяжести вреда здоровью, завладение чужим имуществом с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

В новой редакции УК РФ технико-юридическое оформление систематики норм, предусматривающих ответственность за преступления против собственности, должно стать четким и единообразным. Такие структурные единицы текста, как части статей, должны иметь цифровое обозначение, пункты (при их наличии) – буквенное. Схема построения гл. 21 УК РФ должна быть согласована со схемой построения других глав Особенной части УК РФ.

Лекция 2. ПОНЯТИЕ ХИЩЕНИЯ

Собирательное понятие «хищение» охватывает такие преступления против собственности, как кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой. Оно раскрывает общие и, в совокупности, обязательные признаки составов этих преступлений. В п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ сказано: «Под хищением... понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». Это определение хищения воспроизводит, с некоторыми редакционными уточнениями, формулировку хищения из УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 1 июля 1994 г.), в примечании к ст. 144 которого хищение определялось как «совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества».

Надо сказать, что уголовному законодательству России давно известны родовые понятия, объединяющие разные формы корыстного посягательства на собственность. Первоначально таким понятием было «воровство». В Указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» упоминались «воровство-грабеж», «воровство-кража», «воровство-мошенничество». Эти сложные термины были использованы для обозначения имущественных преступлений и в Своде законов уголовных 1832 г.¹ В первой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. понятийный аппарат был видоизменен. В ней речь шла о разбое, грабеже, воровстве-

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. С. 20, 45.

краже, воровстве-мошенничестве. В последующих редакциях Уложения (1866 и 1885 гг.) родовым понятием для разбоя, грабежа, кражи и мошенничества стало понятие «похищение». Под похищением понималось изъятие чужой движимой вещи из чужого владения с намерением присвоить ее, умышленный корыстный захват чужого движимого имущества¹. В Уголовном уложении 1903 г. были выделены такие преступления, как воровство, разбой, мошенничество и вымогательство. В объяснениях к проекту этого кодекса говорилось: «...несмотря на расчленение понятия имущественного похищения на несколько отдельных видов, между ними сохраняется прочная связь. Все они совпадают по условиям субъекта, предмета и внутренней стороны деяния...»² Поэтому комиссия по разработке проекта Уголовного уложения первоначально предполагала объединить в нем все случаи похищения чужого имущества в одно общее понятие имущественного хищничества. Однако во избежание слишком резкого изменения существовавшей тогда системы имущественных преступлений это предложение было снято.

В советском законодательстве корыстные преступления против собственности (государственной, общественной) получили наименование «хищение». Термин «хищение» употреблялся в первых декретах советской власти, в уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. Использовался он и в постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», а также во многих поздних уголовно-правовых нормативных актах. При этом понятие «хищение» законодатель не определял. Признаки хищения раскрывали наука уголовного права, судебная практика (Верховные Суды СССР и

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 188; Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против личности и имущества. М., 1905.

² Журнал Высочайше утвержденного Особого Совещания при Государственном Совете для предварительного рассмотрения проекта уголовного уложения. СПб., 1901. С. 480–481.

РСФСР в своих постановлениях, разъяснениях по конкретным уголовным делам). Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. № 5 говорилось, что «умышленное незаконное обращение в свою собственность государственного и общественного имущества, независимо от форм и способов его совершения, должно рассматриваться как хищение»¹. В п. 11 постановления от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что хищением следует считать незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, имеющее целью незаконное завладение государственным или общественным имуществом².

В уголовно-правовой литературе существовало много вариаций определения понятия «хищение». Их обобщение показывает, что под хищением понималось незаконное безвозмездное изъятие имущества из владения социалистических организаций, завладение социалистическим имуществом с корыстной целью (с целью обращения в свою собственность, в пользу отдельных лиц)³.

Нельзя не увидеть, что судебные и доктринальные определения понятия «хищение» в той или иной мере легли в основу существующей законодательной дефиниции. Определяя в тексте УК РФ понятие хищения, законодатель, несомненно, стремился решить несколько задач: указать существенные признаки хищения (в целях более точной квалификации преступлений против собственности,

¹ Уголовный кодекс РСФСР : официальный текст с изменениями на 1 марта 1957 г. и с приложением статей систематизированных материалов. М., 1957. С. 112.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4.

³ Куринов Б.А. Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества. М., 1954. С. 19; Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 13; Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 4. С. 307; Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 88; Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 175; Ефимов М.А. Преступления против социалистической собственности. Горький, 1975. С. 8–9; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М., 1979. С. 21 и др.

их отграничения от других преступлений и от действий, не являющихся преступлениями); усовершенствовать технику конструирования отдельных составов преступлений против собственности¹.

Легальный анализ определения хищения показывает, что ему (законодателю) в целом удалось решить эти задачи. Из текста примечания 1 к ст. 158 УК РФ следует, что хищение (в любых его формах) представляет собой: 1) противоправное деяние; 2) изъятие имущества из владения собственника или иного лица; 3) обращение имущества в пользу виновного или других лиц; 4) безвозмездное изъятие имущества, обращение его в пользу виновного или других лиц, причиняющие ущерб собственнику или иному владельцу имущества; 5) изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, совершаемые с корыстной целью.

Противоправность хищения – это его запрещенность уголовным законом. Кроме того, признак противоправности говорит о том, что у виновного нет какого-либо права на имущество, которым он завладел. Поэтому нет хищения, если лицо имело определенное право на чужое имущество, но самовольно нарушило порядок получения этого имущества. Противоправность также означает, что виновный завладевает чужим имуществом без согласия собственника или иного владельца этого имущества, т.е. помимо или вопреки воле этих лиц.

Изъятие чужого имущества означает его исключение (обособление, отторжение) из сферы вещественного, имущественного обладания потерпевшего. Юридический аспект изъятия предпола-

¹ Предложение о необходимости определения в УК понятия хищения в свое время высказали многие авторы. Они отмечали, что наличие в кодексах (РСФСР и других союзных республик) исчерпывающего перечня форм хищения и определений большинства из них отнюдь не характеризует полностью все признаки этих преступлений – в законе не сказано о корыстном характере поведения виновного, о безвозмездности обращения имущества в пользу отдельных лиц, из текста статей УК не вполне ясен момент признания хищений окончанным преступлением. См.: Тенчов Э.С. О целесообразности общих дефиниций в главе Особенной части УК РСФСР о преступлениях против социалистической собственности // Уголовное право в борьбе с преступностью. Свердловск, 1987. С. 45 и др.

ет, что в результате преступления происходит умаление меры юридической власти, правового господства, закрепленной за собственником, законным владельцем того или иного имущества.

Обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц – это перевод имущества в чужое пользование. Оно означает, что виновный фактически владеет этим имуществом, извлекает из него полезные свойства, распоряжается им как своим собственным. Этот признак говорит и о том, что извлекать пользу из похищенного имущества могут и лица, которым виновный передает похищенное имущество. Изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц представляют собой не два самостоятельных действия, а два элемента одного действия одного процесса – завладения чужим имуществом.

Безвозмездность изъятия чужого имущества, его обращения в пользу виновного или других лиц означает, что собственник (иной владелец) имущества не получает от виновного соответствующего эквивалента в момент противоправного завладения его имуществом. Частичное возмещение стоимости похищенного не исключает ответственности за хищение. Хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.

Хищение причиняет имущественный ущерб собственнику или владельцу имущества. Ущерб в хищении заключается в реальном уменьшении массы имущественного владения потерпевшего (говоря иначе, хищение причиняет реальный материальный ущерб). Упущенная выгода, иные возможные виды экономического вреда не образуют ущерба как общественно опасного последствия хищения. Размер имущественного ущерба определяется стоимостью похищенного, выражающейся в его цене. УК РФ не называет минимальной величины причиняемого хищением ущерба. Сопоставление статей УК РФ, предусматривающих ответственность за хищение чужого имущества, со ст. 7.27 КоАП РФ («Мелкое хищение») показывает, что минимальная величина ущерба, причиняемого кражей, мошенничеством, присвоением или растратой, при

отсутствии квалифицирующих признаков этих преступлений должна превышать 2 500 руб.

Хищение чужого имущества стоимостью не более 2 500 руб., совершенное путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты без квалифицирующих признаков, влечет ответственность по ст. 7.27 КоАП РФ. Если стоимость имущества, похищенного путем кражи, мошенничества (за исключением ч. 5 ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты, составляет не более 2 500 руб., а виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1 000 руб., но не более 2 500 руб., и в его действиях отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных чч. 2, 3 и 4 ст. 159, чч. 2, 3 и 4 ст. 159¹, чч. 2, 3 и 4 ст. 159², чч. 2, 3 и 4 ст. 159³, чч. 2, 3 и 4 ст. 159⁵, чч. 2, 3 и 4 ст. 159⁶, чч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации по ст. 158¹ УК РФ.

В то же время уголовный закон позволяет не оценивать как преступление квалифицированные кражи, присвоения или растраты, мошенничества, не причинившие существенного вреда, в случаях, когда лицо желало совершить именно такое деяние (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Так, по приговору Октябрьского районного суда г. Барнаула от 10 апреля 2013 г. С. осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Он признан виновным в хищении вверенного ему чужого имущества с использованием своего служебного положения. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Государственной жилищной инспекцией на С. как на руководителя предприятия (МУП) за неисполнение ранее вынесенного предписания наложен штраф в размере 1 000 руб., который оплачен не был. Постановлением мирового судьи С. признан виновным по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ с обязательством уплатить штраф в двукратном размере от неуплаченной суммы.

С целью погашения штрафа, наложенного на него как на должностное лицо, С. дал указание главному бухгалтеру предприятия о его оплате за счет денежных средств, находящихся на балансе предприятия. Главный бухгалтер составил авансовый отчет, к которому прилагался чек банка на сумму 2 060 руб., на основании

которого данная сумма была списана и отнесена на расходы предприятия. В апелляционном порядке уголовное дело не рассматривалось. Постановлением президиума Алтайского краевого суда от 23 сентября 2014 г. приговор оставлен без изменения. В кассационной жалобе адвокат осужденного просил отменить состоявшиеся судебные решения и прекратить производство по уголовному делу в отношении С. с учетом положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 22 апреля 2015 г. отменила приговор и последующие судебные решения в отношении С., производство по делу прекратила, указав следующее.

При решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности необходимо учитывать, что по смыслу закона деяние, формально подпадающее под признаки того или иного вида преступления, должно иметь достаточную степень общественной опасности, которая выражается в причинении деянием существенного вреда общественным отношениям. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, т.е. не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству. Анализ обстоятельств совершенного С. деяния, небольшой размер материального ущерба, отсутствие в материалах дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред интересам предприятия, не позволяют сделать вывод о том, что содеянное обладает признаками общественной опасности, которые позволили бы признать содеянное преступлением. Сам по себе способ совершения С. присвоения с использованием служебного положения, которое является квалифицирующим признаком вмененного ему в вину деяния, без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признан основанием, свидетельствующим о невозможности признания деяния малозначительным. Действия С. формально подпадают под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, однако, учитывая, что ими не причинен суще-

ственный вред интересам предприятия, а также какие-либо иные общественно опасные последствия, они в силу малозначительности не представляют общественной опасности и не являются преступлением.

Предмет хищения составляет чужое имущество. Термин «чужое имущество» как уже говорилось, означает, что виновный не имеет правомочий собственника, эти правомочия принадлежат другому лицу. Определяя в примечании 1 к ст. 158 УК РФ 1996 г. понятие хищения, законодатель указал, что хищение является деянием, причиняющим ущерб собственнику или иному владельцу имущества. Однако законодатель не объяснил, какой именно смысл он вложил в термин «иной владелец имущества». Это вызвало разные трактовки понятия «иной владелец имущества». Одни авторы (Н.А. Лопашенко, З.А. Незнамова, М.В. Фролов, И.Я. Казаченко) под иным владельцем имущества понимают законного (титульного) владельца¹. Другие считают, что определение хищения дает основание утверждать, что иной владелец имущества – это любое лицо, фактически обладающее, в том числе и противозаконно, имуществом. А.Г. Безверхов, например, пишет: «В примечании 1 к ст. 158 УК законодатель говорит о владельце имущества, которому причиняется ущерб хищением, но при этом особо не оговаривает вид (категорию) владения. Данное обстоятельство позволяет заключить, что для квалификации хищений не имеет значения, законно или незаконно владение, на которое посягает данное деяние»². По мнению А.И. Бойцова, «хищение образует изъятие имущества не только у его собственника и не только у законного обладателя, например у лица, ранее похитившего это имущество»³. Такого же мнения придерживаются Г.В. Верина, Г.Н. Борзенков⁴.

¹ Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 45; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2004. С. 360 и др.

² Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 110

³ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 197.

⁴ Верина Г.В. Дифференция преступлений против собственности: проблемы теории и практики. Саратов, 2003. С. 101; Российское уголовное право. Т. 2: Особенная часть. М., 2006. С. 172.

Надо сказать, что вторая позиция не нова. Еще в 1881 г. Кассационный по уголовным делам департамент Правительствующего Сената в своем разъяснении по одному из дел отметил: «Для наказуемости кражи необходимо лишь, чтобы похищаемое посредством кражи имущество было по отношению к похитителю чужим, при этом совершенно безразлично, каким путем имущество это дошло в руки лица, у которого оно похищено, так как всякое, даже и незаконное, владение охраняется от насилия самоуправства»¹. Такого же мнения придерживались в те годы и видные российские юристы. Так, Н.С. Таганцев полагал, что понятие воровства «сводится к посягательству против фактического держателя вещи, совершенно независимо от прав, ему по отношению к данной вещи принадлежащих; будет ли то собственник, арендатор или даже недобросовестный владелец, безразлично; похитить имущество можно даже у вора»². И.Я. Фойницкий считал, что похищение «может быть непосредственно направленно не только против собственника вещи, но и вообще против всякого фактического держателя ее, и притом независимо от того, имело ли такое обладание место по воле владельца юридического или против его воли»³.

Н.Н. Розин отмечал, что «характерным моментом для похищения служит изъятие чужого владения... Владение в уголовно-правовом смысле гораздо шире владения в смысле гражданского права. Для состава похищения не требуется, чтобы потерпевший владел вещью *cum animo rem sibi habendi*, достаточно фактического обладания или держания, легального или противозаконного,

¹ Это разъяснение относится к 1881 г. Примечательно, что в разъяснении, данном по одному из дел в 1872 г., говорилось иное: «Существенным признаком кражи считается непосредственное изъятие похитителем из обладания его законного владельца». См.: Волков Н.Т. Новое Уголовное уложение. С сенатскими решениями, разъяснениями и указателями: сравнительным статей с уложением и уставом о наказаниях и предметным (алфавитным). М., 1906. С. 288.

² Таганцев Н.С. Уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 854.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 176.

безразлично»¹. Их взгляды в начале XX в. разделял А.А. Жижиленко. Он, в частности, писал: «...похищение похищенного имущества есть все же похищение, так как для второго похитителя это имущество, несомненно, является чужим, раз оно находится в фактическом обладании другого лица»².

Хищение в «хищении похищенного» усматривали и такие известные советские юристы как Б.С. Никифоров, Г.А. Кригер, В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов, Г. Анашкин, З. Вышинская. Так, Б.С. Никифоров утверждал, что в случаях, когда имущество похищается у лица, завладевшего им посредством преступления, содеянное составляет преступление против личной собственности, поскольку и в этих ситуациях «остается посягательство на личную собственность первоначального обладателя вещи. Интерес собственника заключается в том, чтобы имущество было ему возвращено или использовано в его интересах». Кроме того, отмечал Б.С. Никифоров, опасность преступлений против личной собственности определяется еще и тем, что преступник, их совершающий «грубо нарушает закрепленный Советской Конституцией социалистический порядок распределения материальных благ»...³

Г.А. Кригер, предлагая квалифицировать как хищение изъятие ранее похищенного имущества, объяснял такую оценку тем, что «вторичное изъятие» «осложняет, если не полностью исключает, возможность возвращения этого имущества, и тем самым ущерб социалистической собственности причиняется как бы совокупными действиями обоих правонарушителей»⁴. В.А. Владимиров считал, что при «похищении имущества у незаконного владельца потерпевшим является «собственник имущества, ибо причиненный

¹ Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. [Б.м.], 1904. С. 668.

² Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. М., 1928. С. 63–64.

³ Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 22.

⁴ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 47–48.

ущерб, в конечном счете, причиняется именно ему»¹. Г. Анашкин, З. Вышинская полагали, что квалификация похищения имущества у лица, добывшего его преступным или иным неправомерным путем, как похищения личного имущества диктуется тем, что в таких ситуациях закон охраняет не интересы неправомерного собственника, а общие установленные для всех собственников условия реализации принадлежащих им имущественных прав².

В советское время и судебная практика усматривала преступление против собственности в «хищении ранее похищенного». В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 10 февраля 1944 г. по делу З. и др. было сказано: «В действиях осужденных содержатся все признаки кражи как тайного хищения чужого имущества: они действовали тайно и, как они сами признали, спирт они взяли с целью его присвоения. Весь вопрос, таким образом, сводится к вопросу о наличии третьего признака кражи, а именно изъятия имущества из чужого владения. Если считать, что спирт уже был изъят из владения теми лицами, которые вывезли его на паровозе и спрятали в уголь вне территории завода, то, тем не менее, осужденные совершили изъятие этого спирта из чужого обладания, но в этом случае уже не из обладания завода, а тех лиц, которые его похитили с завода».

По другому уголовному делу Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 13 июня 1952 г. указал, что осуждение Л. по ч. 2 ст. 168 УК РСФСР (присвоение находки. – *С.Е.*) по тем мотивам, что он якобы не похищал, а только присвоил золото, спрятанное другим лицом, необоснованно. Из материалов дела видно, подчеркнул Пленум Верховного суда, что Л. присвоил золото во время служебного обхода в районе жилой зоны работников, связанных с добычей золота. Он видел, как неизвестное лицо спрятало узелок с золотом в снег. Следовательно, Л. знал, что это золото похищено у

¹ Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 32.

² Анашкин Г., Вышинская З. Уголовно-правовая личной собственности граждан // Советская юстиция. 1987. С. 17, 19.

государства. При указанных обстоятельствах его действия следует рассматривать как хищение государственного имущества¹.

Дореволюционные и советские юристы, усматривавшие хищение в завладении имуществом, ранее похищенным другим лицом, несомненно, учитывали существовавшие в их время законодательные определения преступлений против собственности. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были даны формальные определения имущественных преступлений. Кража определялась как «всякое... но в тайне... похищение чужих вещей, денег, иного движимого имущества» (ст. 1644). Грабежом признавалось «всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества...» (ст. 1637). Схожая формулировка содержалась и в определении разбоя (ст. 1627). Очевидно, что эти дефиниции позволяли дореволюционным авторам утверждать, что в случае хищения похищенное имущество должно быть чужим по отношению к похитителю, находиться в чужом обладании; чужое обладание при похищении предполагает такое отношение к вещи, которое представляет собой простое фактическое обладание или держание вещи.

УК РСФСР 1926 г. определял кражу как «тайное хищение чужого имущества...» (ст. 162); грабеж – как «открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им...» (ст. 165). К разбою этот кодекс относил «открытое с целью завладения чужим имуществом нападение...» (ст. 167). В УК РСФСР 1960 г. кража была определена как тайное похищение государственного, общественного, личного имущества граждан (ст.ст. 89, 144); грабеж – как открытое похищение такого имущества (ст.ст. 90, 145); под разбоем понималось нападение с целью завладения социалистическим, личным имуществом (ст.ст. 91, 146). Буквальное толкование этих определений говорило, что суть хищения (похищения личного имущества) заключается в противо-

¹ Утевский Б.С., Вышинская З.А. Практика применения законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества. М., 1954. С. 32, 63.

законном изъятии чужого имущества; для квалификации деяния как хищения (похищения) достаточно установить, что виновный противозаконно завладел чужим для него имуществом.

Оценка советскими юристами «похищения похищенного» как преступления против собственности отвечала и преобладавшему в то время представлению об антисоциальной сущности хищения чужого имущества. Как известно, в советское время считалось, что хищения социалистического имущества, похищения личного имущества представляют собой проявления паразитических стремлений уклониться от общественно полезной трудовой деятельности, жить за чужой счет; поэтому для всякого хищения социалистического имущества, похищения личного имущества характерно наличие посягательства на социалистический принцип распределения материальных благ по труду, эти посягательства причиняют вред всей социалистической системе хозяйствования, подрывают личное благосостояние отдельных граждан¹.

Небезынтересно, что, по сути, сходными доводами обосновывают свою позицию и современные авторы, предлагающие квалифицировать как преступление против собственности «хищение похищенного». Так, Г.Н. Борзенков утверждает, что в качестве родового объекта преступлений собственность включает в себя общественные отношения в сфере распределения материальных благ, предназначенных для индивидуального или коллективного потребления либо для осуществления производственной деятельности. Распределительные отношения, по его мнению, нарушаются имущественными преступлениями как в своей динамике (процесс распределения), так и в статике (конечный момент распределения, состояние принадлежности, «присвоенности» материальных благ, обладание ими). Хищение имущества у лица, приобретшего его неправомерным путем, – пишет Г.Н. Борзенков, – называется не потому, что государство берет под защиту интересы

¹ Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 16; Курс советского уголовного права. М., 1971. Т. 5. С. 287.

неправомерного собственника, а потому, что любое хищение нарушает общие для всех собственников условия реализации принадлежащих им имущественных прав¹.

По мнению А.Г. Безверхова, в случае хищения у вора ранее им похищенного имущества «уголовный закон не обеспечивает охрану незаконным интересам владельцев, а запрещает совершение общественно опасных посягательств на владение вообще... всякое хищение нарушает имущественный правопорядок (общие для всех принципы и правила поведения в имущественной сфере)»². А.И. Бойцов полагает, что «с точки зрения уголовного права в “краже краденного” нет ничего парадоксального. И дело не только в том, что в этих случаях в конечном счете нарушается право собственности первоначального обладателя имущества – его собственника. Хищение имущества у недобросовестного владельца по своей социальной природе столь же опасно для общества, нарушая общие условия функционирования отношений собственности в обществе и приводя к паразитическому обогащению виновного за счет других лиц»³.

Казалось бы, с их суждениями можно и согласиться. Однако нельзя не отметить, что собственность как объект преступлений, предусмотренных гл. 27 УК РФ, представляет собой сложное, но в то же время конкретное социальное явление. Она имеет экономическую и правовую стороны. Собственность как экономическая категория – это отношение между людьми и любой субстанцией материального мира (объектом), заключающееся в постоянном или временном, частичном или полном отчуждении, отсоединении, присвоении объекта субъектом⁴. Связи между субъектом собственности и объектом собственности включают в себя отношения владения, пользования, распоряжения. Отношения собственника к «своей вещи» (субъектно-объектные) служат материальной

¹ Российское уголовное право. Т. 2: Особенная часть. М., 2006. С. 171.

² Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 111.

³ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 197–198.

⁴ Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 40; Словарь философских терминов. М., 2004. С. 250–251.

предпосылкой отношений между субъектами собственности, т.е. субъектно-субъектных отношений. Последние представляют экономические отношения, возникающие в связи с собственностью, отражают взаимосвязи между людьми по поводу средств производства и производимых или материальных благ. Субъектно-субъектные отношения обуславливают формы распределения, обмена имущества, продукции, товаров, доходов, других ценностей между собственниками¹.

В любом обществе с государственно-правовой надстройкой экономические отношения неизбежно получают юридическое закрепление, поскольку право есть не что иное, как необходимая форма экономических отношений. Юридическую форму – в праве собственности – имеют и отношения собственности. В субъективном смысле право собственности – определенная мера юридической власти, правового господства, закрепленная за субъектом, являющимся обладателем того или иного имущества как носителя овеществленного труда, придающего ему стоимость. Право собственности предоставляет собственнику юридически обеспеченную возможность удовлетворять потребности, интересы (материальные, духовные), извлекать пользу из находящегося в его обладании имущества. Государство берет субъективное право собственности под свою охрану, запрещая совершение кем-либо действий, нарушающих правомочия собственника. Все иные лица обязаны не нарушать владения собственника, не препятствовать ему в пользовании и распоряжении имуществом.

Поэтому в антисоциальной сути преступления против собственности следует различать два аспекта – социально-экономический (фактический) и юридический. С фактической стороны преступление против собственности является деянием, нарушающим отношения принадлежности объекта собственности его собственнику. В результате совершения преступления собственник утрачивает фактическое обладание своей вещью и тем самым терпит матери-

¹ Курс экономики. М., 1997. С. 99, 104.

альный (имущественный) ущерб, поскольку лишается возможности реально извлекать из нее те или иные полезные свойства. Собственник также теряет возможность принимать решения по поводу функционирования принадлежащего ему объекта собственности. Юридическая сторона преступления против собственности заключается в нарушении юридического содержания отношений собственности – субъективного права собственности. Преступление нарушает это право как юридическое благо, предоставляющее субъекту общую правовую власть над принадлежащей ему вещью. В результате его совершения собственник практически не может осуществлять свои права в отношении имущества, вышедшего из его обладания. Конечно, право собственности как таковое у потерпевшего сохраняется. Как собственник он вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, потребовать возмещения причиненного ему вреда. Однако очевидно, что о какой-либо реализации потерпевшим «по своему усмотрению» правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, противозаконно вышедшим из его обладания, в этом случае говорить нельзя.

В связи со сказанным нельзя не увидеть, что «хищение похищенного» не образует преступления против собственности. Как таковое, оно не причиняет вреда всей системе отношений, образующих объект преступлений против собственности. В частности, «вторичное изъятие» чужого имущества не нарушает субъектно-объектных отношений собственности, так как его предметом является имущество, уже вышедшее из обладания собственника (законного владельца)¹. «Хищение похищенного» не нарушает и правомочий собственника, поскольку он уже лишен возможности реально осуществлять правовую власть над принадлежащей ему вещью. «Хищение похищенного» также не нарушает общественного отношения, защищающего отношение собственности, в содержание которого входит «потреб-

¹ На это обстоятельство в свое время обращали внимание С.И. Тихенко, А.А. Пинаев См.: Тихенко С.И. Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов. Киев, 1959. С. 64; Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 18.

ность государства обеспечить имеющимися в его распоряжении средствами безопасность отношений собственности)¹.

К средствам обеспечения безопасности отношений собственности относится уголовный закон. Но уголовный закон, как известно, призван защищать позитивные, социально полезные общественные отношения, охранять права и законные интересы субъектов этих отношений. Негативные социальные отношения, противозаконные имущественные интересы он не охраняет и не должен охранять. «Хищение похищенного» не становится преступлением против собственности и потому, что такие обстоятельства как «общие для всех собственников условия реализации принадлежащих им имущественных прав», «имущественный правопорядок (общие для всех принципы и правила поведения в имущественной сфере)», «общие условия функционирования отношений собственности в обществе», нарушаемые, по мнению Г.Н. Борзенкова, А.Г. Безверхова, А.И. Бойцова «вторичным изъятием» имущества, находятся за рамками отношений собственности как объекта уголовно-правовой охраны. За рамками составов преступлений против собственности находится и такое их отдаленное последствие, как «паразитическое обогащение виновного за счет других лиц».

Следует отметить, что «хищение похищенного», а также имущества, полученного кем-либо иным преступным путем (в результате совершения преступлений против личности, против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преступлений в сфере экономической деятельности и др.), может быть сопряжено с применением физического или психического насилия к незаконному обладателю этого имущества. Такого рода деяние следует квалифицировать как преступление против личности. Так, в случае причинения тяжкого вреда здоровью лица, незаконного владевшего имуществом, содеянное следует квалифицировать по ст. 111 УК РФ, в случае причинение ему смерти – по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 27.

Необходимо заметить, что речь идет об уголовно-правовой оценке действий лица, знающего, что он завладевает имуществом, приобретенным кем-либо преступным путем. В ситуации, когда «вторичный приобретатель» этого обстоятельства не осознает, содеянное необходимо квалифицировать в соответствии с направленностью умысла как покушение на хищение чужого имущества.

В связи со сказанным нельзя не привести мнения Н.А. Лопашенко, полагающей, что современное уголовное законодательство, направленное на охрану собственности, пробельно, поскольку не предусматривает защиту законного порядка приобретения права собственности в полном объеме. Поэтому и проблема с квалификацией «хищения похищенного», полагает она, может быть преодолена только путем введения нового состава преступления – состава нарушения законного порядка приобретения права собственности или законного владения имуществом, не связанного с хищением чужого имущества, но совершенного его способами (тайным, открытым насильственным, путем обмана или злоупотребления доверием, присвоения или растраты)¹.

Хищение (в любых его формах) – умышленное преступление. Оно совершается с прямым умыслом. О прямом умысле говорит цель завладения чужим имуществом – корыстная цель. Из философии известно, цель – это финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс². Корыстная цель как элемент субъективной стороны хищения – это идеальный (субъективный) образ желаемого результата преступления в виде присвоения, захвата чужого имущества, получения реальной возможности обращаться с ним как со своим собственным. Для субъективной стороны хищения необходимо (и достаточно), чтобы виновный намеревался завладеть чужим имуществом для обращения его в свое владение или владение других лиц. Уместно отметить, что теория уголовного права, судебная практика связывают момент оконча-

¹ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012. С. 27–28.

² Словарь философских терминов. М., 2004. С. 659.

ния кражи, мошенничества, присвоения, грабежа с моментом изъятия чужого имущества и противоправного завладения им виновным, т.е. с моментом неправомерного замещения собственника или владельца имущества незаконным владельцем. Для квалификации названных преступлений как оконченных деяний не имеет значения, распорядился ли чужим имуществом завладевший им преступник и какие именно свои потребности он намеревался удовлетворить этим имуществом.

Следует сказать, что в уголовно-правовой литературе по-разному истолковывается понятие корыстной цели: корыстная цель – это и цель извлечения незаконной наживы, и цель безвозмездного обращения похищенного в свою пользу и причинения тем самым ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества, и цель извлечения материальной выгоды путем передачи похищенного другим лицам, и представление о потребности, которая будет удовлетворена в случае обращения преступником в личную пользу, и стремление удовлетворить тем или иным путем имущественный интерес¹.

Не обошел своим вниманием проблему интерпретации понятия «корыстная цель» и Верховный Суд РФ. Однако его суждения по этой проблеме не отличаются должной ясностью. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» сказано, что «кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распорядиться по своему усмотрению (например, обратиться

¹ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 144; Кочои С.М. Преступления против собственности. М., 2001. С. 41; Комментарий к Уголовному кодексу РФ с постановочными материалами и судебной практикой. М., 2001. С. 469; Курс российского уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 325; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 292–294; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 227–232; Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 246; Уголовное право. Особенная часть : в 2 т. / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2017. Т. 1. С. 158 и др.

похищенное в свою пользу или пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)».

Из этого разъяснения видно, что, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, корыстная цель как обязательный признак субъективной стороны хищения представляет собой не идеальный (мысленный) образ желаемого результата поведения (действия) человека, а его фактический результат. При этом Пленум Верховного Суда РФ поставил перед практикой вопрос, на который, по существу, невозможно ответить: что такое распоряжение похищенным имуществом «с корыстной целью иным образом» (наряду с обращением похищенного имущества в свою пользу или пользу других лиц)? Конечно, можно предположить, что имеется в виду или обращение похищенного в пользу каких-то иных, помимо преступника и других лиц, субъектов или же уничтожение, повреждение похищенного, отказ от него. Но очевидно, что эти утверждения применительно к трактовке признаков субъективной стороны хищения не имеют смысла, поскольку хищение – это совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Также следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ, противопоставив корыстной цели завладения чужим имуществом «цель временного использования с последующим возвращением собственнику» (п. 7 постановления от 27.12.2002 г.) наделил хищение такой чертой, как его направленность на постоянное использование чужого имущества. Но такой черты хищения УК РФ не выделяет (она не была известна ни российскому, ни советскому уголовному законодательству). Нельзя не увидеть, что произвольное толкование Пленумом Верховного Суда РФ понятия «корыстная цель» предлагает практике проблематичное решение – состав кражи или грабежа не будут образовывать противоправные действия (изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц), направленных на использование чужого имущества в течение какого-то времени неопределенной продолжительности.

В постановлении от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного Суда РФ, определив корыстную цель хищения как «стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен» (п. 28), по существу, сказал о содержании корыстной цели следующее: корыстная цель как признак хищения представляет собой стремление лица совершить хищение. В чем же собственно заключается ее корыстный характер? – конкретного ответа на этот вопрос Пленум Верховного Суда РФ в своем разъяснении не дал. Также следует сказать, что определение корыстной цели как стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу возрождает давний, во-многом схоластический, спор о том, какой элемент субъективной стороны преступления – мотив или цель – является обязательным признаком хищения.

Разночтения в интерпретации понятия «корыстная цель» не случайны, они предопределены законодателем, использовавшим для обрисовки цели хищения многозначную категорию «корысть». Как известно, в обыденном понимании корысть – это страсть к приобретению, наживе, жадность к деньгам, стремление к любой, не только имущественной, выгоде. Такое же представление о корысти встречается в публицистике, философской литературе. В литературе также можно встретить утверждения, что корысть – один из самых сильных двигателей человеческих действий, по своей сути она не является абсолютной нравственной антиценностью. Очевидно, что такое многоаспектное понимание корысти имеет значение для интерпретации этиологии преступного поведения. Однако на его основе трудно решать вопросы квалификации деяний, в которых корысть признается обязательным признаком состава преступления, поскольку он акцентирует внимание на выгоде как личностной детерминанте преступного поведения и результате не столько преступления, сколько следующих за ним

действий, предполагает, так или иначе, корыстность (корыстолюбие) как субъективное качество преступника.

Надо сказать, что в российском уголовном праве термину «корыстная цель» легальное значение (применительно к составам преступлений против собственности) придал советский законодатель. Российский законодатель в XVII–XIX вв. не применял его в описании субъективной стороны похищения чужого имущества. Российские юристы прошлого для характеристики субъективной стороны похищения чужого имущества употребляли более конкретные, по сравнению с корыстной целью, понятия: «намерение противозаконного захвата»; «намерение распорядиться чужим имуществом»; «с целью обращения в свое владение»; «с целью употребления по своему собственному распоряжению»; «намерение присвоить чужое имущество»; «цель присвоения»¹. Они обоснованно полагали, что цель преступления является признаком «сокровенным, трудно распознаваемым и потому неудобным для построения на нем юридических понятий». Как писал И.Я. Фойницкий, определение «того специального намерения, которое необходимо для похищения, как цель корыстная», не отвечало бы требованиям конструирования составов преступлений².

Однако в советском уголовном праве эти доводы не были признаны существенными. Советские авторы полагали, что уголовно-правовая оценка мотива алчности, корысти в буржуазной теории права, не называющей корысть (корыстную цель) в качестве конструктивного признака похищения имущества, «служит только средством затушевывания той вполне “законной” алчности, кото-

¹ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. СПб., 1860. С. 412; Неклюдов Н. Руководство к Особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. 2. С. 110; Белогриц-Котляровский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев ; Петербург ; Харьков, 1903. С. 145, 403–404; Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против личности и имущества. М., 1905. С. 131; Пусторослев П. Русское уголовное право. Особенная часть. Юрьев, 1913. Вып. 1. С. 206.

² Фойницкий И.Я. Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916. С. 182.

рая является движущей силой всякого эксплуататорского общества». Поэтому в советском уголовном праве, поставившем перед собой задачу «нелицемерно заклеить» корысть как «грубую алчность», как «стремление к грабежу общего достояния», как «цель преступного обращения чужого имущества в пользу отдельных лиц для их незаконной наживы»¹, выражение «корыстная цель» вошло в законодательные формулировки, доктринальные определения тех или иных преступлений против собственности. Этот термин восприняло и современное российское уголовное право.

Но очевидно, что в современных условиях подход к построению законодательных конструкций должен быть иным. Законодателю необходимо абстрагировать уголовно-правовое понятие хищения от такого личного качества виновного, как корыстность (корыстолюбие). Дело в том, что состав преступления как юридическое понятие об определенном общественно опасном деянии должен нести в себе информацию о его наиболее типичных, существенных признаках, одинаково присущих всем преступлениям того или иного вида.

Как известно, хищение в любой его форме влечет за собой уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, сопровождающееся соответствующим увеличением имущественного обладания виновного. Поэтому для субъективной стороны хищения достаточно, чтобы виновный намеревался посредством изъятия чужого имущества увеличить сферу своего имущественного обладания. Именно представлением виновного о желаемом результате преступления в виде присвоения чужого имущества, получения возможности обращаться с ним как со своим должно ограничиваться содержание цели в преступлениях, именуемых в УК РФ хищением. Соответственно, в УК РФ при описании субъективной стороны хищения следует использовать вместо термина «корыстная цель» словосочетание «цель присвоения». При такой

¹ Исаев М.М. Имущественные преступления. С. 19; Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 62–65 и др.

обрисовке цель хищения приобретает в его составе характер признака, доступного объективному восприятию и оценке. Термин «цель присвоения» устранит предположение, что для наличия состава хищения обязательна корыстность преступника.

Нельзя не напомнить, что «корыстная цель» как законодательный признак состава хищения известна российскому уголовному праву сравнительно недавно – с июля 1994 г. До этого на страницах юридической печати десятилетиями шел спор о содержании субъективной стороны хищения. Одни авторы считали, что обязательными признаками субъективной стороны хищения являются корыстная цель и корыстный мотив, другие необходимым признаком хищения признавали лишь корыстный мотив, третьи полагали, что только корыстная цель является конструктивным признаком хищения. Высказывалось и суждение, что цель и мотив хищения могут и не иметь корыстного характера. о-разному наполняла содержание субъективной стороны хищения и судебная практика прошлых лет. Так, Верховный Суд СССР в одних решениях обязательным признаком хищения признавал корыстную цель, в других – корыстный мотив. В ряде определений он ограничивался констатацией, что хищения представляют собой корыстные преступления¹.

Такая разногласия в суждениях о признаках субъективной стороны хищения, безусловно, не способствовала единообразному применению уголовного закона. Поэтому законодатель, определяя в УК РФ понятие «хищение», счел нужным отнести корыстную цель к числу конструктивных признаков его состава. Это законодательное решение, казалось бы, должно было прекратить давнюю дискуссию. Однако изучение уголовно-правовой литературы показывает, что некоторые современные авторы вслед за авторами прошлого утверждают, что в составе хищения мотив является обязательным признаком его субъективной стороны, при этом мотив хищения непременно должен быть корыстным. С позицией этих

¹ См.: Елисеев С.А. Определение цели хищения в российском уголовном праве // Российский ежегодник уголовного права. СПб., 2007. № 2. С. 354–366.

авторов согласиться нельзя. Во-первых, к числу конструктивных признаков хищения законодатель отнес именно цель, а не мотив преступления. Мотив он оставил за рамками состава хищения. Во-вторых, необходимо разграничивать понятия: цель – признак состава хищения; цель – элемент психологического механизма отдельного преступления (хищения).

Цель как признак состава хищения – понятие юридическое, отвлеченное от тех конкретных целей, которые ставят перед собой преступники, совершающие кражи, грабежи, разбои, мошенничества, присвоения и растраты. Состав преступления, как уже было сказано, несет в себе информацию о его наиболее типичных, существенных признаках. В связи с этим становится очевидным, что содержание цели как признака субъективной стороны хищения ограничивается тем общим, что одинаково присуще каждому из хищений – представлением виновного о желаемом результате преступления в виде присвоения чужого имущества, получения возможности распоряжаться им как своим. Именно этот момент присутствует во всех конкретных ситуациях преступного завладения чужим имуществом. Именно он характеризует кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежи и разбои как корыстные преступления, т.е. как преступления, направленные на извлечение виновным имущественной выгоды. Соответственно, цель в составе хищения есть не что иное, как идеальный образ желаемого результата преступления в виде присвоения чужого имущества, получения возможности распоряжаться им как своим. Цель как элемент психологического механизма отдельного преступления (хищения) – явление единичного конкретного уровня. Эта цель заметно объемнее цели как признака состава хищения. Она не ограничивается идеальным образом желаемого результата преступления в виде присвоения чужого имущества; в нее включается и модель конкретизированной выгоды (в том числе и неимущественной), к которой стремится преступник и которую он может получить, совершив последующие за преступлением действия. Но несомненно, что для юридического понятия о хищении не имеет (и не должно иметь)

значения, какие собственно потребности намеревался удовлетворить чужим имуществом завладевший им преступник (в спиртном, наркотиках, предметах повседневного обихода, деньгах, в улучшении взаимоотношений с нужными ему людьми, в самоутверждении и др.).

Нельзя не отметить, что цель как составная часть психологического механизма отдельного преступления является необходимой предпосылкой принятия решения о совершении преступления. В связи с принятием такого решения цель преступления выступает в качестве концентрированного выражения интересов субъекта и модели потребного ему будущего¹. Поэтому цель как идеальный образ желаемого результата преступного действия становится побудительным представлением (как порой говорят, «целью-мотивом», «целевой причиной»). Но это не означает, что цель действия преобразуется в иную категорию – мотив преступления.

Цель и мотив преступления – самостоятельные психологические явления. Мотив – это то, что побуждает деятельность, то, ради чего она совершается². Его содержательную сторону образует определенная потребность, в которой заложен личностный смысл поведения индивида. Не являясь потребностью, мотив тем не менее неразрывно связан с нею, он как бы опирается на потребность³. Цель, как уже говорилось, – это мысленный, субъективный образ некоторого результата, на достижение которого направляет свои действия субъект. К постановке цели приводит тот или иной мотив, но сам мотив не является целью. Мотив – стимулятор, побудительная причина, лежащая «впереди» акта поведения. Цель – это мысленный результат поведения, который лежит «позади», в конце поведения⁴. Уместно заметить, что содержание понятий

¹ Механизм преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев М., 1982. С. 146.

² Психологический словарь. М., 1983. С. 198; Словарь философских терминов. М., 2004. С. 341.

³ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1983. С. 307.

⁴ Механизм преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. С. 42–43.

мотива и цели в русском языке не случайно раскрывается при помощи разных выражений: мотив – «побудительная причина», «повод к какому-либо действию», «стимул», «внутреннее побуждение к действию, поступку»; цель – «мысленный, идеальный, субъективный образ...», «мысленно представляемый предмет...», «внутренний образ предмета...», «идеальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта», «финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс» и т.д.

К сожалению, некоторые авторы не учитывают отмеченные выше обстоятельства и утверждают, что цель и мотив хищения – совпадающие категории. При этом понятие корыстной цели как признака состава хищения они наполняют характеристикой цели иного уровня – уровня конкретного преступления. Потому и появляются в уголовно-правовой литературе определения цели хищения как стремления, желания к обогащению, наживе, имущественной выгоде, как стремления удовлетворить имущественный интерес и, соответственно, сентенция, что отсутствие корыстного мотива в содеянном исключает его квалификацию как хищения. Несомненно, что такая трактовка понятия «корыстная цель», не отвечающая как «букве», так и смыслу законодательного определения хищения, способна породить у правоприменителя искаженное представление о содержании субъективной стороны хищения, приводить к ошибкам в применении уголовно-правовых норм.

Законодательное определение хищения как деяния, причиняющего ущерб собственнику или иному (законному) владельцу имущества, дает общее представление о моменте окончания хищения. Хищение окончено с момента причинения имущественного ущерба вследствие изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Верховный Суд СССР, объясняя момент окончания хищения, обращал внимание судов, что для оконченого преступления необходимо, чтобы виновный не просто овладел социалистическим имуществом, а, изъяв его из фондов государственной или общественной организации, получил реальную возмож-

ность распоряжаться или пользоваться похищенным по своему усмотрению (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях государственного или общественного имущества» от 11 июля 1972 г. № 4). Верховный Суд РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что «кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению... Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества...» (п. 6).

Как видим, и Верховный Суд СССР, и Верховный Суд РФ связывают момент окончания хищения не с фактическим использованием (распоряжением) чужим имуществом, а с появлением реальной возможности совершать такие действия. Разумеется, для определения момента окончания хищения в том или ином конкретном случае необходимо учитывать особенности той или иной формы хищения (об этом подробнее будет сказано в последующих лекциях). Здесь же заметим, что появление реальной возможности означает, что для пользования или распоряжения похищенным имуществом нет препятствий.

И.Я. Фойницкий, утверждая в свое время, что похищение признается оконченным с момента перехода имущества из владения потерпевшего во владение виновного, уточнял, что «только с прекращением владения на одной стороне и установлением на другой можно сказать, что имущество похищено, до этого же момента хищническая деятельность еще не закончена». Наличие владения вещью, писал он, не прекращается, «пока лицо обладает вещью, а это, в свою очередь, зависит от способов обладания, которыми могут быть не только держание в собственных руках, но также находящиеся под нашей властью помещения (карман сюртука, квартира, огороженный или неогороженный двор) или посредством третьих лиц. Вещь не похищена, пока она не вышла из наших рук или из того помещения, на которое распространяется наша исключитель-

ная власть физического господства, а это в значительной степени зависит и от самого свойства вещи». В результате похищения владение должно быть установлено по отношению к той же вещи на стороне похитителя. Обыкновенно выход из владения потерпевшего и переход во владение виновного совпадают. Но иногда между этими моментами, отмечал И.Я. Фойницкий, «возможен некоторый промежуток (вор выбросил вещи из чужой квартиры на улицу, следовательно, изъял их из владения потерпевшего, но задержан ранее, чем успел сам выйти из квартиры и овладеть вещами); в этих случаях еще нет совершения, а лишь окончено покушение...»¹

Н.Д. Сергиевский писал, что понятие оконченной кражи не требует пользования вещью, а «довольствуется одним завладением предметов». Понятие завладения состоит из двух элементов: изъятия вещи из обладания прежнего обладателя и перехода вещи в обладание похитителя. Определить ближайшие признаки завладения вещью можно только при рассмотрении отдельных случаев. Если речь идет о краже кошелька, часов и тому подобного, то достаточно, чтобы похититель взял вещь в руки, положил в карман; если же речь идет о вещах большого размера, то для понятия оконченной кражи необходимо удаление вещи из той сферы, на которую распространяется господство хозяина².

Нельзя не увидеть, что слова И.Я. Фойницкого и Н.Д. Сергиевского не утратили своего значения и в наше время. В них мы находим как общую, так и детальную обрисовку решения вопроса о моменте окончания хищения.

В российской и советской уголовно-правовой литературе теория, по которой похищение (хищение) признается оконченным с момента причинения ущерба вследствие изъятия имущества и обращения его в пользу виновного, получила наименование «теория

¹ Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1916. С. 187.

² Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Особенная. Калуга, 2008. С. 158–159.

завладения». Ей предшествовали теория прикосновения и теория уноса. По теории прикосновения похищение считалось оконченым с момента, в который виновный противозаконно прикоснулся к чужому имуществу. Теория уноса отводила окончание похищения к моменту удаления виновным чужого имущества из того помещения (места), в котором оно находилось. От этих теорий практика отказалась в силу их неопределенности: теория прикосновения усматривала преступление в действиях, не создающих изменений в имущественной сфере; теория уноса не объясняла, на какое расстояние имущество должно быть перенесено со своего места, кроме того, она не учитывала, что похищенным виновный может воспользоваться и в том месте, где оно находилось.

В современной уголовно-правовой литературе, наряду с теорией завладения, предлагается теория «реальной возможности», а также концепция «момент окончания хищения зависит от формы хищения»¹. Основные положения как теории «реальной возможности», так и теории «вариативности» определения момента окончания хищения показывают, что они не имеют принципиального отличия от теории завладения. Эти теории представляют собой не что иное, как уточнение основных положений «теории завладения».

¹ Об этом см.: Третьяк М., Волошин В. Определение момента окончания хищения // Уголовное право. 2007. № 3. С. 60–64.

Лекция 3. КРАЖА И ГРАБЕЖ, ПРИСВОЕНИЕ ИЛИ РАСТРАТА

Кража (ст. 158 УК РФ). Это преступление давно известно российскому уголовному праву. В древнерусском законодательстве оно именовалось «татьбою». Современное наименование это преступление получило в законах Российской империи. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. отнесло к краже «всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащего к свойству разбоя или грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 1644 Уложения в ред. 1885 г.).

В УК РФ кража определена как «тайное хищение чужого имущества» (ч. 1 ст. 158). В этом определении указан отличительный признак объективной стороны кражи – тайный способ совершения преступления. Тайность хищения означает, что при краже изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц происходит скрытно, незаметно для собственника, иного владельца имущества либо других лиц. Эти лица либо не видят действий виновного, либо не осознают их противозаконности. Тайным является хищение, совершенное: 1) в отсутствие собственника, иного владельца имущества, других лиц; 2) в присутствии кого-либо из этих лиц, но незаметно для них; 3) в присутствии собственника или иного владельца имущества, других лиц, наблюдающих действия виновного, но не осознающих их преступного характера в силу сложившейся обстановки (например, в присутствии очевидцев, полагавших, что виновный берет свою вещь); 4) в присутствии лица, не способного правильно воспринимать происходящее в силу физического или психического состояния (в присутствии малолетнего, лица, страдающего психическим расстройством, лица, находящегося в сильной степени опьянения).

Кражу образуют и действия лица, незаконно изъявшего чужое имущество в присутствии близких родственников, на согласие, молчание, попустительство, одобрение которых это лицо рассчитывало. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29, в этом случае содеянное образует кражу, поскольку виновный полагает, что в ходе изъятия чужого имущества он не встретит противодействия со стороны близкого родственника.

Тайность хищения является объективной чертой кражи. Однако для оценки содеянного как тайного хищения определяющее значение имеет не объективный, а субъективный признак – оценка деяния самим виновным. Поэтому хищение следует признавать тайным и в случае, когда потерпевший или иные лица, посторонние виновному, видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, был убежден, что действует скрытно, незаметно.

Такое решение, вытекающее из принципа субъективного вменения, давно было найдено в науке уголовного права. Так, Н.Н. Розин писал: «Похищение тайно, когда оно производится без ведома и согласия хозяина, ни для кого не заметно, ни для хозяина, ни для посторонних лиц, присутствующих при похищении (но не соучастников преступления)... независимо от того, желал ли похититель действовать тайно или считал свои действия явными... В этих случаях объективная сторона выполняет содержание тайного похищения и поглощает субъективную, хотя бы с ней и не совпадала. Однако похищение остается тайным, если похититель хотел действовать тайно, т.е. так, чтобы его никто не заметил, но на деле действовал открыто и заметно и был задержан на месте преступления... Здесь субъективная сторона поглощает объективную, хотя и не совпадает с ней. Таким образом, противоположное тайному – открытое похищение – будет налицо лишь тогда, когда совпадают обе стороны, и субъективная, и объективная, – именно когда виновный хотел действовать явно, открыто и действительно действовал открыто, заметно для окружающих. Но и в этих случаях субъективно и объективно

открытое похищение не перестает быть тайным, если потерпевший не сознает факта похищения (а посторонних лиц нет или они и присутствуют, но также не сознают)...»¹

Из приоритета субъективного признака исходит и судебная практика. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу П. указала: «Народный суд обоснованно пришел к выводу о виновности П. в хищении двух бутылок водки, однако ошибочно квалифицировал совершенное им преступление как грабеж. Рассказывая об обстоятельствах хищения, П. утверждал, что при отсутствии продавца винного отдела и кого бы то ни было другого возле прилавка, он незаметно взял водку, спрятал бутылки под одеждой и покинул магазин, считая, что его действий никто не видел. Эти утверждения виновного не опровергаются материалами дела. Как видно из показаний свидетеля Г., находившейся в момент совершения преступления в магазине, он не видел ее и не знал, что она за ним наблюдает». При таких данных, отметила судебная коллегия, надлежит признать, что П. должен нести ответственность за хищение государственного имущества, совершенное путем кражи.

Аналогичное решение было принято Президиумом Верховного Суда Республики Бурятия по делу Т., полагавшего, что он тайно завладевает лежавшим на прилавке калькулятором. Октябрьским районным судом г. Улан-Удэ 24 мая 2000 г. Т. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Он признан виновным в грабеже с причинением значительного ущерба потерпевшей. 10 февраля 2000 г. Т. пришел в киоск, чтобы купить хлеб. Воспользовавшись тем, что продавщица Б. отвернулась к лоткам с хлебом, он открыто похитил лежавший на прилавке возле окошечка киоска калькулятор, принадлежащий Б., и скрылся. В кассационном порядке приговор не обжалован и не опротестован. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос о переквалификации действий осужденного с п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ на п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Прези-

¹ Розин Н.Н. Конспект лекций по уголовному праву. [Б.м.], 1904. С. 673–674.

диум Верховного Суда Республики Бурятия 26 июля 2002 г. протест удовлетворил, указав следующее. Как следует из материалов дела, Т. и в ходе предварительного следствия, и в судебном заседании утверждал, что взял калькулятор с прилавка в тот момент, когда продавщица отвернулась и не видела его действий, после этого сразу же ушел, никаких окликов не слышал; совершил хищение ввиду тяжелого материального положения, так как ему нужны были деньги в связи с рождением в январе 2000 г. дочери. Потерпевшая Б. показала, что калькулятор был похищен, когда она отвернулась к лоткам с хлебом. Она окликнула парня, но он скрылся. Таким образом, объективных доказательств того, что Т. знал, что потерпевшая видела его действия, по делу не имеется. Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации все сомнения, устранить которые не представляется возможным, толкуются в пользу обвиняемого. Согласно закону, виновный при грабеже сознает, что изъятие имущества происходит открыто. Если субъект преступления ошибочно считает, что совершает хищение тайно, хотя в действительности его действия замечены потерпевшим или посторонними лицами, то содеянное нельзя считать грабежом. Изъятие имущества при таких обстоятельствах квалифицируется как кража. Поэтому действия Т. следует квалифицировать как тайное хищение чужого имущества¹.

Действия, начатые как тайное хищение чужого имущества, в процессе их совершения нередко становятся очевидными для потерпевшего, иных лиц. Если преступник доводит их до конца, сознавая, что действует открыто, содеянное образует не кражу, а грабеж. Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником имущества и виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества и применяет при этом насилие, опасное для жизни или здоровья, содеянное следует квалифицировать как разбой.

¹ Здесь и далее приводятся судебные решения опубликованные в печатных изданиях (сборниках судебной практики, бюллетенях Верховного Суда РФ), электронных ресурсах (<http://sud-praktika.ru/precedent/category>) и др.

Так, действия К. суд квалифицировал по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Осужденный К. в апелляционной жалобе оспаривал квалификацию его действий по ст. 162 УК РФ. Утверждал, что он проник в дом потерпевшей М. с целью тайного хищения ее денежных средств. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а жалобу осужденного без удовлетворения, мотивировав свое решение следующим.

По смыслу положений ст. 162 УК РФ, если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия содеянное следует квалифицировать как разбой. Обстоятельства дела, установленные судом, свидетельствуют, что К. с целью хищения денежных средств потерпевшей М. незаконно проник в ее жилище. Когда во время поиска денег потерпевшая обнаружила К., он, желая лишить ее жизни, напал на нее и при помощи электропровода и подушки задушил М. Убедившись в наступлении смерти потерпевшей, К. продолжил действия по реализации умысла на завладение денежными средствами М. При таких данных суд обоснованно расценил действия К. как нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни, с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, квалифицировав содеянное им в данной части по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Установив, что убийство совершено К. в ходе разбойного нападения, суд правильно квалифицировал его действия также по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т.е. как убийство, сопряженное с разбоем.

Действия лица, не принимавшего участия в совершении кражи, но присвоившего себе часть похищенного имущества, следует квалифицировать по ст. 175 УК РФ. Так, по приговору Канашского районного суда Чувашской Республики от 9 октября 2000 г.

Ч. был осужден по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В приговоре было сказано, что 9 марта 1997 г. в 5 час. 30 мин. Ч. и В. встретились на улице и решили совершить кражу денег в автобусе. С этой целью они сели в автобус, и в пути следования В., находясь на задней площадке, вытащил из хозяйственной сумки Ш. кошелек с деньгами в сумме 234 600 руб. (неденоминированных), о чем жестом дал знать Ч. После этого В. и Ч. на остановке вышли из автобуса и поделили похищенные деньги, при этом В. взял себе 115 500 руб. (неденоминированных), а Ч. – 119 100.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об изменении приговора. Президиум Верховного Суда Чувашской Республики 4 мая 2001 г. протест удовлетворил, приговор изменил, указав следующее. Признавая Ч. виновным в совершении кражи у Ш., суд первой инстанции указал, что Ч. совершил преступление по предварительному сговору с В. Однако объективную сторону данного преступления суд изложил в приговоре так, что она содержит лишь описание действий В., непосредственно совершившего хищение кошелька у Ш. В описательной части приговора нет указания на то, в чем заключалось соисполнительство Ч. в краже, какую роль он выполнил для достижения совместно с В. единой преступной цели. Как показал допрошенный по делу Ч., в соответствии с договоренностью он встретился с В. на остановке общественного транспорта и вместе они доехали на автобусе до автовокзала. Здесь они пересели в другой автобус. При подъезде к железнодорожному вокзалу В. жестом указал ему о необходимости выйти. На улице он сказал ему, что украл кошелек. Деньги они поделили между собой.

Из оглашенных в судебном заседании показаний потерпевшей Ш., данных на предварительном следствии, видно, что в момент обнаружения пропажи кошелька она находилась в автобусе. Незадолго до пропажи она видела рядом с собой парня в желтой куртке, он вышел на остановке «Железнодорожный вокзал», а следом за ним – и парень в черной куртке. По словам свидетеля В. (осужденного по приговору от 7 декабря 1999 г.), встретившись на оста-

новке общественного транспорта, они договорились с Ч. совершить кражу кошелька кто как сумеет – или он, В., или Ч. В автобус они зашли на разные площадки, на своей площадке он совершил кражу кошелька из сумки женщины, о чем жестом сообщил Ч. Выйдя на остановке, они поделили похищенные им деньги между собой. Других доказательств, которые могли бы свидетельствовать о совершении Ч. действий, способствовавших совершению В. преступления, в приговоре не приведено. Более того, из показаний В. следует, что вместе с Ч. они договорились совершить карманные кражи каждый в отдельности.

При таких обстоятельствах оснований для вывода, что Ч. виновен в хищении имущества, принадлежавшего потерпевшей Ш., не имеется. В то же время действия Ч., связанные с дележом похищенного и обращением части его в свою собственность, содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, устанавливающей ответственность за заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда Чувашской Республики действия Ч. переквалифицировал с пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 на п. «в» ч. 2 ст. 175 УК РФ¹.

С субъективной стороны кража – умышленное преступление. Виновный сознает, что тайно, незаконно, безвозмездно завладевает, не принадлежащим ему имуществом, предвидит, что своими действиями причиняет ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, и желает завладеть чужим имуществом. При этом виновный должен преследовать корыстную цель – присвоить чужое имущество. Если виновный руководствовался не корыстной целью, а предполагаемым правом на то или иное имущество, содеянное не образует кражи. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже или разбое» разъяснил, что «в зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по ст. 330 УК или другим статьям УК РФ».

¹ Судебная практика по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. М., 2005. С. 563.

Грабеж (ст. 161 УК РФ). В средневековом российском законодательстве под грабежом понимались как насильственное завладение чужим имуществом с целью отомстить за личную обиду, так и награбленное имущество. Законы Российской империи определили грабеж как открытое отнятие (похищение) какого-либо имущества «в присутствии самого хозяина или других людей», не соединенное с угрозами или насильственными действиями, опасными для жизни, здоровья или свободы лиц (ст. 1637 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). УК РСФСР 1926 г. к грабежу относил открытое похищение чужого имущества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, совершенное без насилия или соединенное с насилием (не опасным для жизни и здоровья). Как открытое похищение государственного общественного, личного имущества определял грабеж УК РСФСР 1960 г.

УК РФ (ч. 1 ст. 161) определяет грабеж как открытое хищение чужого имущества. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что «открытым хищением чужого имущества, предусмотренным ст. 161 УК РФ (грабеж), является такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет». Таким образом, хищение имущества является открытым, совершается на виду у собственника, законного владельца имущества, посторонних лиц, которые сознают противозаконность действий виновного и могут помешать ему совершить преступление. Изъятие имущества при грабеже должно быть открытым не только объективно, но и субъективно – виновный должен сознавать, что он действует заметно, открыто для окружающих. Из сказанного следует, что одно лишь присутствие тех или иных лиц при совершении хищения не превращает содеянное в грабеж.

Оценка способа завладения чужим имуществом как открытого строится, как и при решении вопроса, является ли хищение тайным, на основе учета объективных и субъективных признаков содеянного. Однако для оценки деяния как грабежа решающую роль играет объективный момент – грабеж образуют действия, противоправность которых очевидна для потерпевшего, других лиц. Поэтому мнение виновного, что совершаемое им хищение видят и сознают другие, в случае, когда этого на самом деле не было, не превращает хищение из тайного в открытое¹.

В литературе по этому вопросу высказаны и иные суждения. Так, В.А. Владимиров утверждал, что в таких случаях содеянное образует открытое похищение². А.И. Бойцов предлагает квалифицировать содеянное в такого рода ситуациях как похищение на грабеж (в действиях виновного он усматривает ошибку в способе совершения преступления)³. Представляется, что убедительнее выглядит позиция Н.Н. Розина, И.Я. Фойницкого, полагавших, что при квалификации грабежа предпочтение следует отдавать объективному моменту. Во-первых, открытость хищения (завладения чужим имуществом) – объективная реальность, а не суждения, желания виновного. Во-вторых, открытость завладения – это ситуация, обстановка совершения преступления, а не характеристика его способа. В-третьих, квалификация содеянного в рассматриваемом случае как грабежа представляет собой фикцию; утверждается, что явление (преступление) существовало в таком именно виде, хотя в действительности такого именно вида у явления не было. В-четвертых, утверждение, что содеянное представляет собой покушение на грабеж, противоречит реальности – имущество у потерпевшего изъято, этим ему причинен ущерб, однако в юриди-

¹ Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. С. 189.

² Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. С. 108.

³ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 425.

ческой оценке говорится иное – ущерб, по сути, не причинен, поскольку преступление не было доведено до конца по не зависящим от виновного обстоятельствам (имущество не было изъято, не было и его обращения в пользу виновного или других лиц).

Как уже было сказано, открытое хищение – это хищение, совершаемое в присутствии собственника, законного владельца имущества, посторонних лиц. Встает вопрос: кого именно следует относить к числу посторонних лиц? Наука уголовного права на этот вопрос дала такой ответ: посторонние лица – это лица, посторонние к похищаемому имуществу, за исключением соучастников преступления, лиц, заранее обещавших не донести о преступлении, либо родственников или близких, со стороны которых виновный не ожидает противодействия изъятию имущества. Поэтому преступление, совершаемое в присутствии таких лиц (не посторонних для виновного, а поэтому не создающих препятствия в совершении преступления), представляет собой тайное хищение имущества¹. Соучастников преступления, знакомых, близких виновного в советское время не относил к числу посторонних лиц и судебная практика. В наши дни она изменила свой взгляд – Пленум Верховного Суда РФ к непосторонним лицам отнес лишь соучастников и близких родственников виновного (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г.). Такое решение, как представляется, не согласуется с действительностью. Известно, что нередко у людей, не состоящих в родстве, существуют более тесные межличностные отношения, чем у родственников. Кроме того, проблематично суждение, что виновный не может рассчитывать на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны дальнего родственника. Соглашаясь с этим суждением, следует согласиться и с посылкой, что дальний родственник – всегда «не друг, не так – а враг».

¹ Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. С. 100; Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 424.

При грабеже изъятие имущества является открытым, как правило, с начального момента действий виновного. Но в некоторых случаях грабеж, как уже отмечалось, образуют действия, начавшиеся тайно, но ставшие открытыми (до их завершения) для потерпевшего или посторонних лиц.

Субъективная сторона грабежа характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что открыто завладевает чужим имуществом, предвидит, что своими действиями причиняет собственнику или иному владельцу имущества ущерб, и желает открыто завладеть чужим имуществом. Как и при краже, виновный преследует корыстную цель – цель присвоения чужого имущества.

Присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ). Впервые постановления об уголовной ответственности за присвоение чужого имущества были введены Воинским уставом 1716 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность за присвоение, растрату имущества, вверенного «для какого-либо употребления или назначения». Ответственность за присвоение или растрату чужого имущества, вверенного для определенной цели, предусматривали первые советские УК.

УК РФ определяет присвоение или растрату как хищение чужого имущества, вверенного виновному. Предмет присвоения или растраты – чужое имущество, вверенное виновному. Вверенное имущество – это имущество, находящееся в правомерном владении или ведении виновного, переданное ему собственником или законным владельцем для осуществления полномочий распоряжения, управления, доставки, пользования или хранения. Лицо, которому имущество вверено, может быть наделено в его отношении как рядом полномочий, так и одним из них. Имущество, как правило, передается виновному для продажи, обмена, ремонта, хранения, пользования, доверительного управления и т.д. Основанием перехода чужого имущества в правомерное владение виновного может быть договор, предполагающий передачу имущества для определенного назначения; основанием для признания имущества вверенным может быть поручение, принимаемое виновным в по-

рядке служебного задания или возлагаемое на него законом, распоряжением органов власти или управления. Определенные полномочия в отношении имущества лицо может иметь в силу занимаемой должности. Вверение имущества, как правило, документально оформляется (договором, приказом, распоряжением).

С объективной стороны преступление состоит в противоправном обращении с чужим имуществом, вверенным виновному, как со своим собственным. Такое обращение выражается в присвоении или растрате чужого имущества.

Присвоение – это перевод чужого имущества в противозаконное владение виновного. При присвоении виновный присоединяет вверенное имущество к своему и незаконно удерживает его. Присвоение окончено с момента перехода вверенного имущества в противозаконное владение виновного. В судебной практике присвоение считается оконченным с момента неисполнения виновным обязанности передать вверенное имущество, предъявить или возвратить собственнику или законному владельцу в установленный последним срок (например, с момента неисполнения лицом обязанности поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства, возвратить имущество по требованию собственника или законного владельца).

Присвоение как преступление имеет место в случае, если присвоенное имущество имеется в натуральном виде и может быть возвращено собственнику. Ответственность за присвоение не наступает в ситуации, когда невозвращение имущества явилось результатом его утраты, порчи, уничтожения, похищения другими людьми¹.

Растрата состоит в противоправном издержании вверенного имущества. В отличие от присвоения, предполагающего присоединение вверенного имущества к имущественной массе виновного, при растрате имущество отчуждается, расходуется, потребляется виновным. Так, виновный может продать, подарить вверен-

¹ Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002. С. 347.

ную ему вещь, передать ее в счет погашения долга, дать чужое имущество взаймы, израсходовать чужие деньги на свои нужды, потребить продукты питания и т.д. Растрата окончена с момента противоправного отчуждения, израсходования или потребления имущества, в отношении которого виновный был наделен определенными полномочиями.

В том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Так, Д. был осужден за присвоение и растрату вверенного имущества в особо крупном размере при следующих обстоятельствах. Д., работая в ООО «Парфюм-Надежда» в должности торгового представителя, с 30.09.2008 г. по 29.10.2008 г. получил в двух торговых точках денежные средства в общей сумме 1 602 299 руб. 73 коп. Эти деньги в установленном порядке в кассу он не сдал и распорядился ими по своему усмотрению. Оценив в совокупности исследованные доказательства, суд пришел к выводу о виновности Д. в совершении преступления и квалифицировал его действия как единое преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ – присвоение и растрата, т.е. хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершенные в особо крупном размере.

Субъективная сторона присвоения или растраты характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что противоправно присваивает или растрачивает вверенное ему имущество, предвидит, что своими действиями причиняет собственнику или законному владельцу имущественный ущерб, и желает присвоить или растратить вверенное имущество. Для оценки содеянного как присвоения необходимо установить, что удержание чужого имущества было совершено с целью присоединить чужое имущество к своему. При растрате о корыстной цели (как цели распорядиться чужим имуществом как своим собственным) говорят сами действия лица,

противоправно истратившего, потребившего, передавшего другим лицам вверенное имущество.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. разъяснил, что «разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц. Направленность умысла в каждом подобном случае должна определяться судом исходя из конкретных обстоятельств дела, например таких, как наличие у лица реальной возможности возвратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия. При этом судам необходимо учитывать, что частичное возмещение ущерба потерпевшему само по себе не может свидетельствовать об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества» (п. 25).

Присвоение следует отличать от «временного позаимствования» имущества, при котором лицо незаконно пользуется вверенным ему имуществом, намереваясь в дальнейшем возместить его стоимость либо возвратить это имущество собственнику.

Субъектом присвоения или растраты может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которому чужое имущество было вверено юридическим или физическим лицом на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности. Им может быть частное лицо, наделенное собственником или законным владельцем теми или иными полномочиями в отношении имущества. Им может быть и должностное лицо, а также лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Последние, в случае использования для совершения преступления своего служебного положения, несут ответственность по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Лица, не обладающие полномочиями по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого

имущества, но имеющие к нему доступ в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, в случае тайного хищения имущества несут ответственность по ст. 158 УК РФ (п. 23). Так, органами предварительного следствия У. и В., работавшие контролерами КПП, обвинялись в совершении присвоения и растраты, т.е. хищения чужого имущества, вверенного виновному, группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения. В судебном заседании государственный обвинитель отказался от обвинения подсудимых по чч. 1, 2, 3 ст. 160 УК РФ, просил действия подсудимых переквалифицировать на п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку подсудимыми была совершена кража имущества, которое им не было вверено. Исследовав материалы дела, суд установил, что данным лицам не передавались полномочия по владению, пользованию или распоряжению похищенным имуществом. Обосновывая этот вывод, суд отметил, что подсудимые на склад проникали через крышу, отогнув лист железа, что подтверждает тот факт, что каких-либо полномочий по поводу похищенного имущества У. и В. не передавалось, свободного доступа к имуществу подсудимые не имели. Приговором Новокузнецкого районного суда от 23.07.04 г. У. и В. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Заводский районный суд г. Новокузнецка (приговор от 27.10.04 г.), при рассмотрении уголовного дела по обвинению М. и Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, установил следующее. М. с целью хищения чужого имущества, работая плавильщиком металла, находясь на своем рабочем месте, пытался похитить 5,04 т ферросилиция, находящихся в пяти мешках, которые с помощью крана погрузил в автомашину ЗИЛ под управлением водителя Г. для вывоза с территории. Однако автомобиль с погруженным ферросилицием за пределы территории предприятия не выехал, поскольку был задержан сотрудниками охраны территории завода.

Суд переквалифицировал действия М. на ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 158 УК РФ, а действия Г. – на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Квалифицируя действия обоих подсудимых как кражу по ст. 158 УК РФ, суд исходил из того, что М., работая плавильщиком стали, не являлся специальным субъектом, связанным с материальной ответственностью за продукцию, находящуюся в цехе и используемую им в производстве работ. На М. были возложены обязанности бригадира без вменения обязанностей по учету ферросилиция. Данные обязанности были вменены иному лицу – мастеру Б.

Г. объективную сторону преступления не выполнял, его умысел был направлен на оказание помощи М. на вывоз продукции за территорию предприятия, в связи с чем суд квалифицировал действия Г. как пособничество.

В заключение следует сказать, что значительная часть постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. посвящена решению вопроса о моменте окончания растраты и присвоения. С большей частью рекомендаций Пленума, относящихся к этой проблеме, можно согласиться. Однако некоторые положения постановления, как представляется, требуют уточнения. Так, в п. 19 постановления сказано, что «присвоение считается окончательным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу». Как видим, момент окончания присвоения Пленум Верховного Суда РФ связывает с двумя обстоятельствами – противоправным владением вверенным имуществом и совершением виновным действий, направленных на обращение этого имущества в свою пользу. Но можно ли говорить о том, что противоправное владение вверенным имуществом является начальным этапом присвоения чужого имущества, предшествующим обращению этого имущества в пользу виновного? Очевидно, что нельзя. Противоправное владение вверенным лицу имуществом есть не что иное, как итог действий преступника, обратившего это имущество в свою пользу.

Также следует отметить, что в своем разъяснении Пленум Верховного Суда РФ отошел от сложившегося за многие десятилетия

в теории уголовного права, судебной практике представления о моменте окончания присвоения. В уголовно-правовой литературе всегда утверждалось (утверждается и в настоящее время), что присвоение окончено, когда чужое вверенное имущество изъято виновным и у него имеется реальная возможность пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению¹. Аналогичное суждение высказывали ранее и Верховные Суды СССР, РСФСР². Однако Пленум Верховного Суда РФ как бы забыл это принципиальное решение и предложил судам рассматривать в качестве окончательного преступления деяние, направленное на изъятие имущества (присвоение окончено, когда лицо начало совершать действия, направленные на обращение имущества в свою пользу). Надо сказать, что эта рекомендация не только не согласуется с решением, найденным ранее в науке уголовного права, судебной практике, но и противоречит действующему уголовному закону, определяющему хищение как преступление, причинившее ущерб собственнику или владельцу этого имущества.

¹ Исаев М.М. Имущественные преступления. М., 1938. С. 37–38; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М., 1979. С. 30; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. М., 2005. С. 296 и др.

² Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1979 гг. М., 1980. С. 117–118, 131–133.

Лекция 4. МОШЕННИЧЕСТВО

Мошенничество (ст. 159 УК РФ). В русском праве термином «мошенничество» в средние века обозначали ловкие, изощренные, обманные действия по завладению чужим имуществом («мошной» – кошельком с деньгами). В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. мошенничество определялось как «всякое, посредством какого-либо обмана учиненное, похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества». УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 1 июля 1994 г.) определял мошенничество как завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 147). УК РФ определяет мошенничество как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием»¹.

Объективная сторона преступления включает в себя деяние – изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного, других лиц или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, последствие – имущественный ущерб собственнику или законному владельцу, а также причинно-следственную связь между деянием и последствием. Мошенничество от иных форм хищения отличают способы совершения преступления – обман или злоупотребление доверием.

¹ Разделение законодателем в определении мошенничества хищения и приобретения права на чужое имущество вызвало различное толкование нормы, предусмотренной ст. 159 УК РФ. Одни авторы полагают, что в ней речь идет о двух преступлениях: о мошенничестве-хищении и мошенничестве-приобретении права на чужое имущество. Другие считают, что в ст. 159 УК РФ говорится об одном преступлении – хищении чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Право на чужое имущество как предмет преступления в составе мошенничества выделено с учетом специфики способов его совершения, а также для более четкого определения момента окончания мошенничества.

Обман – это умышленное искажение истины или умолчание о ней, побуждающие потерпевшего передать виновному имущество. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям. Искажение истины («активный» обман) по форме может быть словесным (устным или письменным) либо заключаться в тех или иных поведенческих актах (предоставление фальсифицированного предмета сделки, обмеривание, обвешивание, обсчет при расчетах за товары или услуги, применение шулерских приемов в азартных играх, имитация кассовых расчетов). При мошенничестве словесный обман обычно сочетается с обманом действием.

Умолчание об истине («пассивный» обман) заключается в умолчании тех или иных юридически значимых обстоятельств, о наличии которых виновный должен был поставить в известность потерпевшего.

Обман, порождая иллюзию существования законных оснований для передачи имущества виновному, обуславливает переход имущества в незаконное владение этого лица. От мошеннического обмана необходимо отличать обман, направленный не на завладение чужим имуществом, а на получение, облегчение доступа к нему. В таких случаях содеянное образует не мошенничество, а иное преступление против собственности (например, кражу с проникновением в жилище).

Второй способ совершения мошенничества – злоупотребление доверием. Злоупотребление доверием заключается в использовании виновным доверительных отношений с собственником имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче кому-либо имущества собственника. Доверие может обусловливаться служебным положением виновного, его личными или родственными связями с потерпевшим. Как отметил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г., злоупотребление доверием имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно не намеривалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства). При злоупотреблении доверием, как и при обмане, собственник или законный владелец имущества, заблуждаясь в намерениях виновного, сам передает ему имущество или право на имущество. При этом он в той или иной мере наделяет виновного юридическими полномочиями в отношении имущества (владения, пользования, распоряжения). Поэтому не образует мошенничества завладение чужим имуществом, переданным виновному не для осуществления каких-либо полномочий, а для осмотра, примерки, оценки, временного присмотра, временного использования.

Пленум Верховного суда РФ подчеркнул, что обман или злоупотребление доверием являются способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.). При совершении преступления обман и злоупотребление доверием могут сочетаться.

Так, Первомайский районный суд г. Ижевска установил, что П. совершила преступление при следующих обстоятельствах. В один из дней у П. возник умысел на хищение денежных средств путем

обмана и злоупотребления доверием в крупном размере. Реализуя свой умысел, П., зная о действующем запрете директора ООО в приеме денежных средств, пользуясь доверительными отношениями с гражданами, сложившимися в силу сопровождения ею сделок купли-продажи земельных участков, сообщила неограниченному кругу лиц заведомо ложные сведения о том, что имеет право получить платеж по договору с ООО о создании уличной сети водопровода, заверив собственников земельных участков в том, что имеет на это полномочия от ООО и данные платежи будут внесены в кассу ООО, вводя тем самым собственников земельных участков в заблуждение относительно своих преступных намерений. После чего П. в своем офисе получила от собственников земельных участков денежные средства, которыми распорядилась по своему усмотрению, истратив их на личные нужды, в кассу ООО деньги не внесла. Суд квалифицировал действия П. по ч. 3 ст. 159 УК РФ – мошенничество, совершенное в крупном размере.

Состав мошенничества – материальный; преступление окончено с момента перехода чужого имущества во владение виновного или других лиц и получения ими реальной возможности пользоваться или распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению. В случае приобретения виновным права на чужое имущество преступление окончено с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение чужим имуществом или распорядиться им как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения).

В постановлении от 30 ноября 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ отметил, что если предметом преступления при мошенничестве

являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб (п. 5). Представляется, что позиция Пленума требует уточнения; Пленум Верховного Суда РФ как бы забыл, что хищение – это не только изъятие, но и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц – перевод имущества в чужое владение. Оно (обращение) означает, что виновный или другое лицо становятся фактическими владельцами чужого имущества, получающими возможность извлекать из него полезные свойства, распоряжаться им как своим собственным. Обращение – это не составляющая изъятия, а отдельный элемент (этап) процесса завладения чужим имуществом.

Уместно вспомнить слова И.Я. Фойницкого: «Всякое имущественное похищение слагается из имущественной потери на одной стороне и имущественной прибыли на другой, и между ними должно существовать по предмету соотношение тождества, так, чтобы имущество, приобретаемое виновным, было именно то, которое вследствие деяния его утрачено потерпевшим... Прибыль на стороне виновного должна состоять в прибавлении к имущественной сфере его самого или другого лица, в интересах которого он действует, того именно имущества, которое утрачивается потерпевшим... При отсутствии прибыли в означенном смысле нет и похищения»¹.

Поэтому нельзя не увидеть, что рекомендация рассматривать хищение безналичных денежных средств, в том числе электронных денежных средств, как оконченное преступление с момента их изъятия предлагает практике в ряде случаев вводить в оценку содеянного фикцию. Предлагается, в частности, утверждать, что преступление представляет собой оконченное хищение и тогда,

¹ Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. С. 171.

когда деньги не поступили (порой и не могли поступить) на банковский счет виновного или лиц, в интересах которых он действовал. Очевидно, что такое суждение противоречит как юридической конструкции хищения, так и здравому смыслу. Изъятие денежных средств с банковского счета их владельца, не сопряженное с их переходом во владение виновного, представляет собой не что иное, как покушение на преступление, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 327 и ч. 3 ст. 30, а также соответствующей части ст. 159 УК РФ.

Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требуют дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Если лицо подделало официальный документ, однако по не зависящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось этим документом, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения преступлений, предусмотренных чч. 3, 4, 6 или 7 ст. 159, чч. 3 или 4 ст. 159¹, чч. 3 или 4 ст. 159² УК РФ либо чч. 3 или 4 ст. 159⁵ УК РФ.

По мнению Верховного Суда РФ, в том случае, когда лицо использовало изготовленный им самим поддельный документ в целях хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако по не зависящим от него обстоятельствам не смогло изъять имущество потерпевшего либо приобрести право на чужое имущество, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ, а также ч. 3 ст. 30 УК РФ и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей от-

ветственность за мошенничество. Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватываются составом мошенничества и не требуют дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Неправомерное завладение денежными средствами, иным чужим имуществом или приобретение права на него путем предъявления (представления) чужих личных или иных официальных документов (например, паспорта, пенсионного удостоверения, свидетельства о рождении ребенка) квалифицируется как мошенничество соответственно по ст.ст. 158¹, 159, 159¹, 159², 159³, 159⁵ УК РФ. Если виновным указанные документы были предварительно похищены, то его действия должны быть дополнительно квалифицированы по ч. 1 ст. 325 УК РФ (когда похищен официальный документ) либо по ч. 2 этой статьи (когда похищен паспорт или другой важный личный документ) (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Как известно, в постановлении от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что получение должностным лицом (лицом, выполняющим управленческие функции) ценностей за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, образует мошенничество (при наличии умысла на приобретение ценностей). Пленум Верховного Суда РФ к мошенничеству отнес и действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Мошенничество также составляют действия лица, обещавшего либо

предложившего посредничество во взяточничестве, однако заведомо не намеревавшегося передавать ценности в качестве взятки и обратившего полученное от взяткодателя в свою пользу. Владелец ценностей, переданных этим лицам несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп (пп. 24, 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г.)¹.

Казалось бы, позиция Пленума Верховного Суда РФ убедительна. В названных постановлением от 9 июля 2013 г. случаях действительно есть получение «лжевзяткополучателем», «лжепосредником» имущественной выгоды за счет взяткодателя. Эту выгоду они извлекают посредством обмана. Обман заключается в ложных уверениях совершить нужные взяткодателю действия (бездействие), в умолчании своих действительных намерений. В содеянном просматривается и причинение имущественного ущерба взяткодателю – он передаст ценности, составляющие взятку, но не получает взамен нужных ему действий от «лжевзяткодателя», «лжепосредника». Последние, обращая взятку в свою пользу, преследуют корыстную цель.

Однако возникает вопрос, какому же объекту уголовно-правовой охраны причиняет вред содеянное в этих случаях? Пленум Верховного Суда РФ, несомненно, полагает, что «лжевзяткополучатель», «лжепосредник» своими действиями причиняют вред общественным отношениям собственности, правомочиям собственника по владению, пользованию, распоряжению имуществом. Но можно ли признавать использование имущества в качестве средства совершения преступления (дачи взятки) правовым благом, охраняемым уголовным законом? Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что уголовное законодательство (как это следует из содержания ч. 1 ст. 2 УК РФ) призвано защищать от преступных посягательств значимые для личности, общества и государ-

¹ Такое же, по существу, разъяснение содержалось в пп. 20, 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе».

ства общественные отношения, охранять права и законные интересы субъектов этих отношений. Объект преступления – то или иное общественное отношение, как справедливо отмечает В.Д. Филимонов, может сформировать лишь такое благо, которое имеет общественную ценность; в качестве объекта «благо может выступать в тех случаях, когда оно, во-первых, выражается в социально-полезном общественном отношении, во-вторых, является объектом социально-полезного общественного отношения»¹.

На позиции защиты прав и законных интересов субъектов именно социально-полезных общественных отношений стоит и гражданское законодательство РФ. Так, в ГК РФ сказано, что совершаемые собственником действия не должны противоречить закону и иным правовым актам (п. 2 ст. 209 ГК РФ). ГК РФ не защищает право собственности лица, осуществляющего его ненадлежащим образом, злоупотребляющего им. Согласно ст. 169 ГК РФ сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, являются ничтожными. К таким сделкам относятся сделки, нарушающие основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои². В случае исполнения сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, все полученное по ней сторонами взыскивается в доход Российской Федерации.

Уместно напомнить, что советские уголовные законы ставили своей задачей защиту от всяких посягательств советского строя, прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР, конституциями союзных республик, прав и охраняемых законом интересов учреждений, предприятий, организаций³. В науке советского уголовного права не вызывало сомнений утверждение,

¹ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 23–24.

² См.: Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 ГК РФ».

³ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 135–137.

что собственник, по своему усмотрению выходящий в использовании имущества за установленные законом пределы, не может претендовать на то, чтобы закон охранял его интересы; за установленными законом пределами использование собственником имущества есть не что иное, как акт фактического распоряжения им, который сам по себе является правонарушением, исключающим возможность признания такого лица потерпевшим¹.

Судебная практика советского времени не относила злоупотребление правом собственности к числу правовых благ, охраняемых уголовным законом. Верховный Суд СССР, в частности, не усматривал мошенничества в действиях лица, получившего от взяточдателя деньги либо иные ценности якобы для передачи должностному лицу и присвоившего их. Содеянное этим лицом он предлагал квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, как подстрекательство к даче взятки либо пособничество во взяточничестве².

В русском уголовном праве к объекту преступного деяния относили «правоохраняемый интерес». Посягательство на интерес, лишенный правоохраны, рассматривалось как деяние неприступное³. В уголовно-правовой литературе утверждалось, что «закон государственный не должен выступать ни гражданским, ни уголовным порядком на защиту... преступных сделок, и обман, совершенный при их заключении или исполнении, должен просто игнорироваться»⁴. Таким правилом руководствовалась в XIX в. и судебная практика. Правительствующий Сенат в то время неоднократно высказывался о ненаказуемости подобных обманов. Так, он

¹ Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 16.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16. П. 8 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977). М., 1978. Т. 2. С. 240.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 186.

⁴ Сергеевский Н.Д. Мошенничество по русскому действующему праву // Юридическая летопись. 1890. Ноябрь. С. 389.

не признал наказуемым обман при исполнении сделки о продаже золотого песка, вместо которого были проданы медные опилки, так как сама по себе такая сделка запрещена¹.

Пленум Верховного Суда РФ как бы забыл историю российской уголовно-правовой мысли, правоприменения, не обратил внимание на социальное предназначение действующего российского уголовного закона, на принципиальные положения ГК РФ и рекомендовал судам привлекать к уголовной ответственности как совершивших мошенничество лиц, не исполнивших обещание совершить преступление (в случае «лжепосредничества» – передать взятку, предмет коммерческого подкупа) или иные действия, обусловленные получением взятки (при получении ценностей «лжевзяткополучателем»). Соответственно, лиц, злоупотребивших правом собственности, использовавших свое имущество для совершения преступления – дачи взятки, Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал признавать потерпевшими.

Однако сказанное, думается, убеждает, что содеянное «лжепосредником», «лжевзяткополучателем» не образует мошенничества, поскольку посягает на имущественные интересы взяткодателя, выразившиеся в общественно опасном поведении, не имеющем, говоря словами Н.С. Таганцева, правовой охраны. Вместе с тем в действиях этих лиц нельзя не увидеть признаки преступлений: в действиях «лжевзяткополучателя» при наличии определенных условий – подстрекательства к даче взятки²; в действиях «лжепосредника» – преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Субъект сознает, что завладевает чужим имуществом или приобретает право на него путем обмана или злоупотребления доверием, предвидит, что собственнику или законному

¹ Сергеевский Н.Д. Сергеевский Н.Д. Мошенничество по русскому действующему праву // Юридическая летопись. 1890. Ноябрь. С. 389.

² По мнению В.Н. Боркова, действия должностного лица-«лжевзяткополучателя» следует квалифицировать как превышение должностных полномочий. См.: Борков В.Н. Квалификация получения взятки. Омск, 2005. С. 73.

владельцу будет причинен имущественный ущерб, и желает безвозмездно завладеть чужим имуществом. Обязательным элементом субъективной стороны является корыстная цель безвозмездного обращения в свою пользу или пользу других лиц чужого имущества или приобретения права на него. Содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел на завладение чужим имуществом возник заранее, до получения чужого имущества или приобретения права на него.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. указал, что о наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие (п. 4).

Субъект мошенничества – физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Преступление с объективной стороны представляет собой мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (ст. 2 ГК РФ). Договорные обязательства – это возникающие на основе заключенного договора обязательства по реализации имущества, предоставлению имущества в пользование, выполнению работ, оказанию услуг, страхованию и т.д. Для квалификации не имеет значения, кто именно явля-

ется управомоченной стороной обязательства – коммерческая организация и (или) предприниматель. Слово «сопряженное» в определении мошенничества, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, указывает на особый способ его совершения: хищение чужого имущества происходит путем (посредством) преднамеренного неисполнения договорных обязательств.

Для квалификации содеянного как мошенничества в сфере предпринимательской деятельности необходимо установить, что виновный для извлечения имущественной выгоды изначально не намеревался исполнять договорное обязательство. О наличии прямого умысла на хищение путем неисполнения обязательства могут говорить: отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство; использование подложных гарантийных писем; отсутствие лицензии, необходимой для осуществления деятельности, направленной на исполнение обязательств по договору, и т.д.

Для оценки содеянного не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности).

Так, по ч. 5 ст. 159 УК РФ был осужден С., который, осуществляя предпринимательскую деятельность, похитил чужое имущество при следующих обстоятельствах. С. занимал должность директора ООО «Кузбасскровлясервис» и, не имея намерения по оплате товара, заключил с ООО «Поволжская шинная компания» в лице ее генерального директора договор поставки. ООО «Поволжская шинная компания», произвело поставку автошин на сумму 3 498 000 руб. в адрес С. С. принял от перевозчика автошины в количестве 18 штук. После этого С. по устной договоренности передал их Н. для реализации. Получив от Н. за реализованные автошины денежные средства в размере 2 700 000 руб., С. свои обязательства по оплате поставленных ему автошин не выполнил, чем причинил ООО «Поволжская шинная компания» значительный ущерб в сумме 2 843 251 руб. 52 коп. Похищенные деньги использовал в личных целях.

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, образует преступление при условии, что оно повлекло причинение ущерба индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации в размере 10 000 руб. и более. Размер причиненного ущерба следует исчислять исходя из стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления. Исходя из положений п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ, можно сделать вывод, что значительный ущерб, причиненный потерпевшему в результате преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, определяется без учета его имущественного положения.

Если умысел лица был направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или другой деятельности, которую лицо фактически не осуществляло, содеянное, в зависимости от обстоятельств дела, образует мошенничество (чч. 1–4 ст. 159 УК РФ) или мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5–7 ст. 159 УК РФ). В этом случае дополнительной квалификации по ст. 172² либо 200³ УК РФ не требуется.

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, осуществляющее предпринимательскую деятельность (индивидуальный предприниматель или член органа управления коммерческой организации).

Мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ). Преступление совершается в сфере кредитования, в сфере предоставления кредитором денежных средств заемщику. Пленум Верховного Суда указал, что для целей статьи 159¹ УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица (п. 13 постановления Пле-

нума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.). Отношения между кредитором и заемщиком находят закрепление в кредитном договоре, согласно которому банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик – возратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за нее (п. 1 ст. 819 ГК РФ). Перед заключением договора кредитор просит заемщика предоставить документы, подтверждающие платежеспособность последнего. При наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок, кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику кредита (полностью или частично).

Предмет мошенничества в сфере кредитования – денежные средства (средства в отечественной и иностранной валютах, ценных бумагах, платежных и денежных документах).

С объективной стороны мошенничество в сфере кредитования представляет собой хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений и (или) недостоверных сведений об обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога). Представление заведомо ложных сведений – это передача в распоряжение лица, принимающего решение о кредите, сведений, заведомо для виновного не соответствующих действительности (искажающих или скрывающих истинное состояние дел). Эти сведения могут содержаться в фальсифицированных бухгалтерских документах, фиктивных гарантийных листах, договорах поручительства и т.д. Недостоверные сведения – это неполные, неточные сведения, которые показывают лишь часть реальных событий.

Совершая это преступление, виновные в большинстве случаев представляют кредитору как заведомо ложные, так и недостовер-

ные сведения. Подтверждением этому может служить приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 10 мая 2017 г., который признал Ч. С., Ч. М. виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159¹ УК РФ. В приговоре суд указал, что у Ч. С., являвшегося индивидуальным предпринимателем – главой крестьянско-фермерского хозяйства, возник умысел, направленный на хищение денежных средств путем предоставления банку заведомо ложных сведений.

При этом Ч. С., зная о том, что имевшегося у него как индивидуального предпринимателя имущества недостаточно для обеспечения обязательств по кредитному договору, предложил Ч. М. выступить в качестве его поручителя и создать тем самым видимость предоставления в качестве залога принадлежащего ей на праве собственности имущества, на что последняя согласилась.

Реализуя умысел, Ч. С. подал в банк заявление на предоставление кредита в сумме 30 млн руб. под залог недвижимого имущества и оборудования, принадлежащих Ч. М. Одновременно им была заполнена анкета заемщика, в которой он с целью создания видимости намерения погашать взятые на себя обязательства указал заведомо ложные сведения о том, что целью получения кредита является пополнение оборотных средств крестьянско-фермерского хозяйства с целью увеличения объема продаж и получения прибыли, а в качестве источника погашения задолженности указал выручку от реализации масла и жмыха. Кроме того, Ч. С. с целью создания видимости платежеспособности своего хозяйства внес в анкету ложные сведения об отсутствии у него просроченных долгов, не указал о наличии у хозяйства кредиторской задолженности на сумму, превышающую 4 млн руб. Сотрудники банка одобрили получение кредита Ч. С. на сумму 30 млн руб.

При оформлении документов на получение кредита Ч. М., создавая видимость предоставления своего имущества в залог, внесла запись «Ч. М.» в первый экземпляр договора ипотеки, после чего, воспользовавшись тем, что сотрудница банка отвлеклась, передала Ч. С. второй и третий экземпляры договора ипотеки.

Последний с целью поставить под сомнение подлинность почерка и подписей Ч. М. подписал эти экземпляры от ее имени. Этими действиями Ч. С. и Ч. М. имитировали передачу под залог движимого и недвижимого имущества на общую сумму 31 999 500 руб.

Сотрудники банка, заключив с Ч. С. шесть дополнительных соглашений на предоставление кредитов, предусмотренных основным кредитным договором, перечислили на расчетный счет Ч. С. денежные средства в общей сумме 30 млн руб.

Если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации предоставил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то его действия в случае причинения им крупного ущерба кредитору следует квалифицировать по ч. 1 ст. 176 УК РФ.

Мошенничество в сфере кредитования окончено в момент получения виновным реальной возможности пользоваться или распорядиться похищенными денежными средствами. Эта возможность возникает с момента получения виновным наличных денежных средств. Если же предметом преступления были безналичные денежные средства, мошенничество в сфере кредитования окончено с момента зачисления денег на банковский счет лица, завладевшего ими путем обмана, либо на счета других лиц, на которые похищенные денежные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Субъект мошенничества в сфере кредитования – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, заключившее с банком или иным кредитором кредитный договор.

Надо сказать, что Верховный Суд РФ постановлением Пленума от 30 ноября 2017 г. рекомендовал нижестоящим судам радикально изменить практику применения ст. 159¹ УК РФ. До этого постановления к мошенничеству в сфере кредитования практика относила хищение денежных средств, совершенное лицом, использовавшим

поддельные документы, удостоверяющие личность. Такие преступления составляли значительную часть деяний, квалифицированных по ст. 159¹ УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ, несомненно, посчитал, что субъектом рассматриваемого преступления может быть лишь лицо, понимаемое как заемщик в гражданском праве. Поэтому он указал, что в случаях, когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по ст. 159¹ УК РФ отсутствует, ответственность виновного наступает по ст. 159 УК РФ (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.). С таким представлением о субъекте преступления можно согласиться. Однако, строго говоря, для этого необходимо признать бланкетность законоположений ст. 159¹ УК РФ.

Мошенничество при получении выплат (ст. 159² УК РФ). По ст. 159² УК РФ квалифицируется хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, связанное с незаконным получением социальных выплат, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Предмет преступления – денежные средства, иное имущество (специальный транспорт, продукты питания, лекарственные средства, технические средства реабилитации), предоставляемые населению в качестве мер социального обеспечения за счет средств бюджетной системы РФ. Верховный Суд РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. указал, что для целей ст. 159² УК РФ к социальным выплатам, в частности, относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого

помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т.п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания. Не относятся к социальным выплатам по смыслу ст. 159² УК РФ гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, малого и среднего предпринимательства. Мошенничество при получении указанных выплат квалифицируется по ст. 159 УК РФ (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Объективная сторона заключается в хищении денежных средств или иного имущества при получении социальных выплат (пособий, субсидий, пенсий, компенсаций), установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Обман (как активный, так и пассивный) должен относиться к обстоятельствам, служащим основанием для осуществления тех или иных социальных выплат. К заведомо ложным и (или) недостоверным сведениям могут относиться сведения о личности получателя, состоянии его здоровья, наличии у него детей, иждивенцев, об участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства.

Практика показывает, что это преступление нередко совершается посредством как активного, так и пассивного обмана. Так, М., получая пенсию по старости, обратился в отдел социального обеспечения с заявлением о постановке его пенсионного дела на учет, предоставив пенсионное дело и выписку из своего паспорта, сознательно скрыв от сотрудников отдела социального обеспечения сведения о том, что ранее его пенсионное дело уже поставлено на учет в отделе по социальной защите населения и он получает пенсию по старости. Сотрудники отдела социального обеспечения

приняли от виновного документы, на основании которых, а также на основании «Соглашения о гарантиях прав государств-участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» М. была назначена пенсия по старости пожизненно. После чего М. были перечислены денежные средства в общей сумме 1 219 303 руб. 93 коп. Денежные средства М. снял с расчетного счета и распорядился ими по своему усмотрению.

Заведомо ложные, недостоверные сведения должны быть представлены в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать решения о производстве выплаты. Эти органы, учреждения или организации являются и адресатом умолчания о фактах, влекущих прекращение получения социальных выплат.

Преступление окончено с момента, когда лицо получило реальную возможность пользоваться и распоряжаться переданным ему имуществом. Если лицо путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах получило документ (справку, удостоверение, сертификат и пр.), подтверждающий его право на получение социальных выплат, однако по не зависящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось им для получения социальных выплат, содеянное следует квалифицировать в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству при получении выплат, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умысел лица был направлен на использование данного документа для совершения преступлений, предусмотренных чч. 3 или 4 ст. 159² УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159² УК РФ, может быть лицо, как не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат, так и обладающее таким правом (например, в случае введения в заблуждение относительно фактов, влияющих на размер выплат) (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ). С объективной стороны преступление – хищение, совер-

шенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Платежные карты – средство совершения преступления. Платежные карты (кредитные, расчетные, иные) представляют собой электронное средство платежа, используемое для безналичных расчетов, снятия со счета посредством банкомата наличных денег. Используемая для совершения хищения платежная карта должна быть либо поддельной, либо принадлежащей другому лицу. Подделка может быть как полной, так и частичной. Способ и качество подделки не влияют на квалификацию содеянного. Принадлежащая другому лицу платежная карта – это карта, на которую у виновного нет ни действительного, ни предполагаемого права. К таким картам следует относить как похищенную, так и найденную платежную карту.

Способ совершения преступления – обман уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Уполномоченный работник – это лицо, на которое возложены обязанности по консультированию (клиентов кредитной организации, покупателей, заказчиков), приему платежей, передаче товаров и т.д. Обман может заключаться как в сообщении заведомо ложных сведений о принадлежности карты виновному, так и в умолчании о незаконном владении им платежной картой.

Так, по ст. 159.3 УК РФ был осужден Т., совершивший преступление при следующих обстоятельствах. Т. 30 июля 2017 г. в терминале банкомата обнаружил банковскую карту на имя Н. У него возник умысел на хищение денежных средств, зачисленных на счет этой карты. Реализуя умысел, Т. путем обмана работников торговых организаций, вводя их в заблуждение относительно своей личности и права распоряжаться денежными средствами, зачисленными на счет кредитной карты, использовал последнюю при оплате покупок в магазинах г. Оренбурга на общую сумму 18 587 руб. 43 коп., причинив потерпевшему значительный ущерб.

Если выдача наличных денежных средств с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу карты осуществлялась посредством банкомата, без участия уполномоченного работника кредитной организации, содеянное не образует мошенничества и квалифицируется по ст. 158 УК РФ как кража. Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал квалифицировать действия виновного как кражу и в случаях, когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Он также отметил, что если изготовление, приобретение, хранение, транспортировку поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, лицо совершило в целях их использования им же для совершения преступления, предусмотренного чч. 3 или 4 ст. 158 УК РФ, чч. 3 или 4 ст. 159 УК РФ, чч. 3 или 4 ст. 159³ УК РФ либо чч. 3 или 4 ст. 159⁶ УК РФ, которое по не зависящим от него обстоятельствам не смогло довести до конца, то содеянное следует квалифицировать как совокупность приготовления к указанному преступлению и оконченного преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Также Пленум Верховного Суда РФ указал, что сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компью-

терных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, заведомо непригодных к использованию, образует состав мошенничества и подлежит квалификации по ст. 158¹ УК РФ или соответствующей части ст. 159 УК РФ.

В случае, когда лицо изготовило, приобрело, хранило, транспортировало с целью сбыта указанные средства платежа, заведомо непригодные к использованию, однако по не зависящим от него обстоятельствам не смогло их сбыть, содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что эти действия были направлены на совершение преступлений, предусмотренных чч. 3 или 4 ст. 159 УК РФ (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Мошенничество в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ). Страхование – вид экономических отношений, призванный обеспечить страховую защиту имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных событий (страховых случаев). Страхование получает юридическое оформление в виде договоров имущественного или личного страхования, заключаемых физическими или юридическими лицами (страхователем) со страховыми организациями (страховщиком). По договору страхования страховщик обязуется выплатить страхователю или выгодоприобретателю определенную денежную сумму при наступлении предусмотренного договором страхового случая. Так, при имущественном страховании страховым случаем признается уничтожение, повреждение, недостача имущества; при личном страховании – причинение вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре лица.

С объективной стороны преступление представляет собой хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая (например, представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного проис-

шествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества), а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю или иному лицу (представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю). Обман может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии (страхователь намеренно не сообщает страховщику о существенных дефектах страхуемого имущества, обусловивших впоследствии порчу этого имущества).

Преступление окончено с момента получения виновным страхового возмещения. Если же лицу не удалось завладеть чужими денежными средствами, содеянное следует квалифицировать как покушение на преступление.

Так, за покушение на хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая был осужден Е. В приговоре Октябрьский районные суд г. Ижевска указал, что преступление было совершено при следующих обстоятельствах. 7 июля 2016 г. Е. по договору купли-продажи приобрел в собственность автомобиль, оформив кредитный договор с банком. Затем Е. заключил договор добровольного страхования автотранспортных средств, оформив полис страхования автотранспортных средств и гражданской ответственности владельцев автомобильного транспорта о страховании приобретенного автомобиля по страховым рискам. В один из дней февраля 2017 г. у Е., испытывающего материальные трудности в выплате ежемесячных платежей по кредитному договору, возник умысел на получение страховой выплаты за якобы похищенный автомобиль, направленный на заведомо ложный донос о хищении автомобиля.

Реализуя задуманное, Е. попросил родственника транспортировать его автомобиль с парковки. 6 февраля 2017 г. Е. позвонил по телефону в дежурную часть отделения полиции и заявил о совершенном хищении принадлежащего ему автомобиля. 7 февраля 2017 г., будучи предупрежденным об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, написал заявление о

преступлении, в котором указал, что неизвестное лицо похитило принадлежащий ему автомобиль. Затем Е. обратился в страховую фирму и сообщил заведомо ложные сведения о факте хищения его автомобиля, написав заявление о наступлении страхового события. Заявление Е. было принято. Денежные средства при подтверждении наступления страхового случая были бы перечислены на расчетный счет, открытый на имя Е. Однако Е. не смог довести задуманное до конца, поскольку сотрудники полиции установили, что хищения автомобиля как такового не было. Суд квалифицировал действия Е. как заведомо ложный донос по ч. 1 ст. 306 УК РФ и как покушение на мошенничество в сфере страхования по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159⁵ УК РФ.

Субъект преступления – лицо, выполнившее объективную сторону преступления (страхователь, лицо, в пользу которого выплачивается страховое возмещение, лицо, представляющее интересы страховщика, эксперт, вступивший в сговор с выгодоприобретателем).

Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Объективная сторона включает деяние, последствие, причинно-следственную связь между ними. Хищение совершается путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. В ст. 159⁶ УК РФ не упомянуты обман или злоупотребление доверием как способы совершения преступления. Из этого следует, что они не являются обязательными признаками объективной стороны мошенничества в сфере компьютерной информации. Для квалификации содеянного по ст. 159⁶ УК РФ достаточно, чтобы имущество было похищено посредством вмешательства в функционирование компьютерных, коммуникационных систем.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. разъяснил, что по смыслу статьи 159⁶ УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или пере-

дачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. Пленум также отметил, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст.ст. 272, 273 или 274¹ УК РФ (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

В случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, произошедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных

сетях, включая сеть Интернет (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по ст. 159, а не 159⁶ УК РФ (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Субъективную сторону мошенничества в сфере компьютерной информации образует прямой умысел на завладение чужим имуществом посредством незаконного вторжения в функционирование средств компьютерной информации.

Лекция 5. РАЗБОЙ

Разбой – наиболее опасная форма хищения чужого имущества. Это преступление посягает на два объекта – собственность и безопасность жизни и здоровья человека. Разбой определен в ст. 162 УК РФ как «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия». Нападение – это насильственное воздействие (физическое или психическое) на потерпевшего. Применяемое для завладения чужим имуществом физическое насилие должно быть опасным для жизни или здоровья. К нему относится насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья. Опасным для жизни или здоровья признается и насилие, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья¹. В судебной практике к такому виду насилия, опасного для жизни или здоровья, относят сдавливание веревкой, шнуром или руками шеи потерпевшего, выталкивание человека на ходу из транспорта, нанесение ударов руками, ногами в жизненно важные органы тела, длительное удержание под водой, надевание на голову воздухо непроницаемого пакета.

Так, по приговору Московского городского суда от 8 апреля 2014 г. К., М. и А. осуждены в том числе по пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Они признаны виновными в совершении разбойного нападения на потерпевшего в целях хищения чужого имущества с при-

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 9 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 2. С. 5. П. 21.

менением насилия, опасного для жизни и здоровья, и с угрозой применения такого насилия, с применением предмета, используемого в качестве оружия, организованной группой, в особо крупном размере. В апелляционной жалобе осужденный К. просил приговор в этой части изменить, считая себя непричастным к совершению разбойного нападения, оспаривал квалификацию своих действий, так как, по его мнению, был совершен грабеж, а не разбой.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 сентября 2014 г. апелляционную жалобу оставила без удовлетворения, указав следующее. Виновность осужденных в данном преступлении установлена показаниями потерпевшего, уличавшего осужденных в совершенном на него нападении и пояснявшего о нанесении ему ударов по голове, угрозах К. пистолетом и нанесении ударов рукояткой этого пистолета по затылку, о похищении у него сумки с деньгами. Неубедительными являются доводы К. о том, что действия осужденных по указанному преступлению следует квалифицировать как грабеж, а не разбой. Как следует из заключения судебно-медицинского эксперта, потерпевшему действительно были причинены телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. Вместе с тем как разбой следует квалифицировать нападение с применением насилия, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, но в момент причинения создавало реальную опасность для его жизни и здоровья. Потерпевший показал, что воспринимал пистолет как боевой, опасался за свою жизнь и здоровье. Кроме того, установленные судом обстоятельства нападения на потерпевшего, в ходе которого ему наносились удары руками и металлической рукояткой пистолета в жизненно важные части тела – голову и шею, а также количество нападавших, факт внезапности нападения, демонстрация и применение в отношении потерпевшего пистолета в совокупности свидетельствуют как о применении в отношении потерпевшего насилия, опасного для жизни и здоровья, так и об угрозах применения этого насилия. Таким образом, при установ-

лении и оценке обстоятельств содеянного суд в приговоре подробно проанализировал совокупность исследованных доказательств и обоснованно признал доказанным факт совершения осужденными разбойного нападения.

Причинение потерпевшему тяжкого, легкого или средней тяжести вреда здоровью охватывается составом разбоя и дополнительной квалификации по ст.ст. 111, 115, 112 УК РФ не требует. Если же потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений – по ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. отметил: «Если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105, а также по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ» (п. 22).

Завладение имуществом потерпевшего после его убийства состава разбоя не образует. Так, по приговору Самарского областного суда от 27 июля 2001 г. М. осужден за убийство и разбой. В кассационном порядке уголовное дело не рассматривалось. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, удовлетворила жалобу в части и изменила приговор по следующим основаниям.

Согласно приговору суда действия М., связанные с умышленным лишением жизни потерпевшей Р. и с последующим хищением ее имущества, суд квалифицировал как разбой с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью, а также как убийство, сопряженное с разбоем. Суд указал в приговоре, что через некоторое время после убийства им в ходе ссоры потерпевшего С. в квартиру пришла его бабушка – Р. Она начала ругать его и обзывать, спрашивала, зачем он взял спиртные напитки. Тогда он встал, схватил ее за шею и стал душить, а когда потерпевшая упала на пол, взял с пола веревку, обмотал вокруг ее шеи и завязал. Поняв, что Р. мертва, он перенес ее в комнату, а затем снял с нее золотые изделия, после чего, уходя из квартиры, забрал телевизор, магнитофон и другое имуще-

ство. Судом было признано, что это убийство совершено М. в ходе ссоры с потерпевшей и без цели сокрытия другого преступления.

Судебная коллегия отметила, что доказательств, свидетельствующих о том, что М. при убийстве потерпевшей Р. преследовал цель завладеть ее имуществом путем разбоя, в приговоре не приведено; изъятие и присвоение осужденным принадлежавших двум потерпевшим вещей после убийства Р. само по себе не свидетельствует о том, что мотивом лишения ее жизни явилось незаконное завладение имуществом. Исходя из изложенного, судебная коллегия переквалифицировала действия М. с п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ в ред. от 8 декабря 2003 г. как тайное хищение чужого имущества на общую сумму 21 360 руб. Судебная коллегия также исключила квалифицирующий признак убийства Р. «сопряженное с разбоем», предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

К насилью, опасному для жизни или здоровья потерпевшего, следует относить и введение в организм потерпевшего против его воли опасного для жизни или здоровья сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества.

Агрессивное воздействие на потерпевшего посредством применения насилия, опасного для жизни или здоровья, может быть как открытым (внезапным или ожидаемым), так и скрытным (удар сзади, выстрел из засады, введение в организм потерпевшего путем обмана сильнодействующего вещества). Внезапность, открытость, скрытность действия не составляют основных признаков разбоя. Они, как верно заметил Г.Н. Борзенков, имеют производный, подчиненный характер¹.

УК РФ, подразделив насилие в составе разбоя на физическое и психическое, последнее обозначил термином «угроза применения насилия». Угроза применения насилия в составе разбоя – это устрашение человека неминуемым применением к нему физического насилия, опасного для жизни или здоровья (угроза убить,

¹ Российское уголовное право : в 2 т. М., 2006. Т. 2: Особенная часть. С. 199.

причинить тяжкий, средний, легкий вред здоровью). Угроза может иметь разные формы выражения – угроза словом, жестом, демонстрацией оружия, иных предметов, применение которых может причинить вред здоровью или жизни потерпевшего, другими действиями, выражающими намерение виновного.

Угроза должна быть наличной (представлять собой угрозу применить физическое насилие немедленно), конкретной (преступник должен угрожать в применении именно физического насилия, опасного для жизни или здоровья), реальной (содержать в себе действительную опасность). Цель угрозы – принуждение потерпевшего к отказу от сопротивления при захвате его имущества, передаче имущества нападающему. При этом не имеет значения, имел ли виновный действительное намерение и фактическую возможность осуществить угрозу. Для оценки содеянного как разбой достаточно того, чтобы угроза создавала у потерпевшего убеждение в полной ее реальности, в решимости преступника осуществить угрозу, если он встретит какое-либо противодействие со стороны потерпевшего. Определяя характер угрозы, ее действительность, необходимо учитывать как субъективное восприятие угрозы потерпевшим, так и субъективное отношение к угрозе самого нападающего (он должен рассчитывать на нее как на средство, достаточное для достижения цели завладения чужим имуществом). Надо учитывать и объективные обстоятельства преступления (место, время его совершения, численность преступников, формы выражения угрозы).

При отсутствии насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия действия виновного не могут квалифицироваться как разбой. Так, Московским районным народным судом г. Твери П., К. и другие признаны виновными, наряду с иными преступлениями, в разбое, квалифицированном пп. «а», «е» ч. 2 ст. 146 (ч. 3 ст. 162) УК РСФСР. В августе 1992 г. П. организовал преступную группу для завладения имуществом Ка. Они пришли к нему домой. Там К. приставил к виску Ка. не-

кий предмет, после чего все участники преступления избили потерпевшего, причинив легкие телесные повреждения, и забрали его имущество на 743 600 руб. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ о переквалификации действий осужденных с пп. «а», «е» ч. 2 ст. 146 (ч. 3 ст. 162) на ч. 3 ст. 145 (пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161) УК РСФСР. В своем определении по делу П. и др. она указала следующее. Действия П., К. и других в части завладения имуществом Ка. ошибочно квалифицированы как разбойное нападение. Как видно из показаний потерпевшего Ка., он не мог рассмотреть предмет, находившийся в руках К. Происшедшее он, Ка., воспринимал лишь как ограбление, считая, что нет опасности для его жизни и здоровья. Жена Ка. – очевидец преступления – показала, что оружия в руках К. она не видела. П., К. и другие участники преступления на следствии и в суде категорически отрицали наличие у них каких-либо предметов или оружия. Не обнаружен такой предмет и в ходе предварительного следствия. При сложившихся обстоятельствах действия П., К. и других должны быть переквалифицированы с пп. «а», «е» ч. 2 ст. 146 (ч. 3 ст. 162) на ч. 3 ст. 145 (пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161) УК РФ, предусматривающую ответственность за грабеж, совершенный повторно, по предварительному сговору, с проникновением в жилище и соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего.

Насилие при разбое (физическое, психическое) может применяться как к собственнику, иному владельцу имущества, так и к другим лицам (членам семьи потерпевшего, лицам, в ведении которых находится имущество, лицам, которые, как полагает преступник, могут помешать ему совершить преступление, и др.). Как справедливо отмечал Б.С. Никифоров, при разбое, именно потому, что это преступление необходимо связано с насилием над личностью, потерпевшим не обязательно является собственник имущества или лицо, обладающее, пользующееся или ведающее имуще-

ством. Потерпевшим при разбое может быть любое лицо, которое попытается оказать сопротивление изъятию имущества или к которому преступник, имея в виду подавить возможное, по мнению виновного, сопротивление с его стороны, применит физическое или психическое насилие (например, домашняя работница, перевозящий вещи шофер, лицо, случайно оказавшееся на месте совершения преступления, и т.д.). При разбое насилие может быть применено или угроза насилем может быть обращена к лицу, которое заведомо для преступника не является владельцем имущества и не может или не будет сопротивляться его изъятию. Например, насилие применяется к ребенку, жене, родителям, чтобы оказать таким образом воздействие на родителей, мужа, сына или дочь. При этом нет необходимости, чтобы между собственником или владельцем имущества и лицом, к которому применяется насилие или угроза, существовали родственные или иные поддающиеся формальной констатации отношения¹.

Насилие может применяться до изъятия имущества, в процессе изъятия чужого имущества. Если же насилие применяется для того, чтобы избежать задержания за уже совершенное преступление против собственности, состава разбоя нет. В этом случае содеянное будет образовывать совокупность преступлений: преступление против собственности (кража, мошенничество, грабеж) и преступление против личности (против порядка управления).

Так, приговором Московского областного суда И. был признан виновным в разбойном нападении, совершенном по предварительному сговору группой лиц с применением оружия, и покушении на убийство из корыстных побуждений с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Как было указано в приговоре, И. и Ч., также осужденный по этому делу за разбой, совершенный по предварительному сговору группой лиц с примене-

¹ Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 97.

нием оружия, договорились украсть со склада совхоза зерно. Для этого И. и Ч. около 10 часов вечера поникли в склад. Находясь внутри склада, они стали разыскивать мешки, в которые можно было бы насыпать зерно. В это время их заметил сторож Д. И. и Ч., не совершив кражи, бросились бежать. Убегая, И. выстрелил в преследовавшего их Д. из оружия. Ранив Д., осужденные скрылись. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР своим определением изменила приговор Московского областного суда в отношении И. и Ч.: действия их переквалифицировала с п.п. «а» и «б» ч. 2 ст. 91 на ст. 15 и ч. 2 ст. 89 УК РСФСР (покушение на кражу, совершенную по предварительному сговору группой лиц) и исключила осуждение И. по ст. 15, п. «а» ст. 102 УК РСФСР (покушение на убийство из корыстных побуждений). В своем определении судебная коллегия отметила, что состав разбоя следует признавать в случаях, когда насилие являлось средством завладения имуществом либо его удержания. Как видно из обстоятельств дела, И. и Ч. кражи не совершили, а лишь пытались ее совершить и бросились бежать, застигнутые на месте преступления, Иванов при этом пытался убить потерпевшего с целью сокрытия другого преступления.

Разбой (в основном составе) окончен с момента применения насилия для изъятия чужого имущества. На это указывает законодательная формулировка «нападение в целях хищения». Однако возникает вопрос, охватывает ли состав разбоя фактически наступившие последствия в виде противозаконного завладения чужим имуществом. Как справедливо утверждает в юридической литературе, если разбой реально привел к завладению имуществом, оно (завладение) входит в состав разбоя как признак его объективной стороны; насильственное изъятие имущества составляет неременный конститутивный признак разбоя как формы хищения¹.

¹ Владимиров В.А., Лягунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1979. С. 117.

Надо сказать, что многие авторы рассматривают понятия «нападение», «применение насилия, опасного для жизни или здоровья либо угроза его применения» как неравнозначные. Так, И.Г. Филановский рассматривал «нападение» и «насилие» как «самостоятельные и даже параллельные, а скорее, последовательные действия». По его мнению, разбой представляет собой совокупность двух последовательных действий субъекта преступления – нападения и насилия, причем время разрыва между этими действиями значения не имеет¹.

В.А. Владимиров полагал, что «нападение образует такой же неперенный признак разбоя, как и насилие, которые в совокупности, в их неразрывном единстве характеризуют его объективную сторону...». Он определял нападение как «агрессивно-противоправное действие, совершаемое с какой-либо преступной целью и создающее реальную и непосредственную опасность немедленного применения насилия как средства достижения этой цели². Различает нападение и применение насилия в составе разбоя В.В. Векленко. Он, в частности, усматривает нападение в набрасывании на голову потерпевшего одежды или других предметов, чтобы лишить его возможности оценивать окружающую обстановку³. Как сложное преступление, состоящее из двух действий – нападения и применения насилия – рассматривает разбой В.И. Плохова. Она считает, что нападение действительно может быть без насилия, опасного для жизни и здоровья, но с обязательным внезапным, агрессивным воздействием на объекты охраны⁴. По мнению И.Ч. Галимова, нападение тесно связано с насилием, но не тождественно ему. Нападение он рассматривает как процесс, по времени предше-

¹ Курс советского уголовного права (Часть Особенная). Л., 1973. Т. 3. С. 784–785.

² Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 63.

³ Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 105.

⁴ Плохова В.И. Особенная часть уголовного права. Часть первая. Барнаул, 2006. С. 172.

ствующий применению насилия, во время которого существует реальная опасность его применения¹.

Представляется, что суждение о «нападении» и «применении насилия» как о неравнозначных понятиях неубедительно. Об этом прежде всего говорит семантика слов «нападение» и «насилие». В русском языке слово «нападение» означает быстрое, стремительное действие, предпринятое против кого-либо, чего-либо с целью захвата, нанесения урона, ущерба. Его синонимы: налет (быстрое, стремительное нападение); удар. Синонимы глагола «напасть» (от которого производно отглагольное существительное «нападение») – налетать, ударить, обрушиться, навалиться. Посредством термина «нападение» в русском языке раскрывают значение слов, обозначающих насильственные действия. Например, слово «наброситься» определяется как «совершить стремительное нападение, обычно с целью нанести физические повреждения». Антоним слова «нападение» – защита; антоним глагола «напасть» – защитить, защититься, отбиться². Кроме того, нельзя не отметить, что авторы, разграничивающие понятия «нападение» и «насилие», не объясняют, в чем же, собственно, выражается нападение, не включающее в себя насилие (физическое, психическое), как внезапное, агрессивное воздействие на «объекты охраны», как «противоправное умышленное действие, предпринятое с целью завладения имуществом и создающее реальную опасность немедленного применения насилия, опасного для жизни или здоровья», «как процесс, по времени предшествующий применению насилия, во время которого существует реальная опасность его применения». Вряд ли можно согласиться с утверждением, что при разбое нападение образуют прицеливание из засады, подкрадывание сзади с ножом, сближение с потерпевшим, вступление с ним в диалог с целью создания

¹ Галимов И.Х. Разбой: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 10.

² Словарь русского языка. М., 1958. Т. 2. Ст. 519; Словарь синонимов. М., 1997. С. 243, 256; Словарь антонимов русского языка. М., 1997. С. 149–151.

благоприятной обстановки для последующего насилия. Очевидно, в этих случаях виновный никакой агрессии как таковой не проявляет. Если о чем и можно говорить в этих случаях, то только о приготовлении к применению насилия к потерпевшему.

Не случайно Верховный Суд РФ рассматривал и рассматривает понятия «нападение», «применение насилия» применительно к разбою как тождественные. Уместно отметить, что Верховный Суд РФ только насильственное содержание включает в «нападение» и в составе бандитизма. Криминологические исследования свидетельствуют, что объективную сторону разбоя не образует какое-либо нападение, не соединенное с применением насилия. Так, практически во всех изученных В.М. Вьюновым преступлениях завладение имуществом совершалось посредством применения насилия, как физического, так и психического. В частности, в 45,6% случаев виновные угрожали потерпевшему насилием, опасным для жизни или здоровья, в 54,4% изученных преступлений они применили насилие, опасное для жизни или здоровья¹.

Очевидно, что разночтения в трактовке объективной стороны разбоя predetermined определением этого преступления в ст. 162 УК РФ как нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Эта формулировка действительно позволяет полагать, что объективная сторона разбоя включает в себя, наряду с нападением, и насилие (физическое, психическое).

Исдержки законодательного определения разбоя имеют свои истоки в старом российском уголовном законодательстве. Следует напомнить, что состав разбоя впервые в развернутом виде был

¹ Вьюнов В.М. Разбой: уголовно-правовая характеристика : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 14–15; См. также: Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой М., 1997. С. 467–468; Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2000. С. 420; Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск, 2014. С. 89.

сформулирован в Своде законов уголовных дел 1832 г. Под разбоем понималось «нападение на какое-либо место, жительство, деревню, двор, или какое-либо здание для похищения имущества, произведенное открытою силою и с явно опасностью для самого лица, насилием угрожаемого»¹. При этом нормы об ответственности за разбой стояли в стороне от норм, устанавливающих наказание за незаконное завладение чужим имуществом, поскольку под разбоем предполагалось деяние в большей мере публичного, а не частного характера. В Уложении о наказаниях разбой был отнесен к разряду похищения с насилием. По мнению составителей Уложения, определение разбоя в Своде законов уголовных не давало полного понятия об этом преступлении и не было «согласно с тем, которое оному присвоено общим мнением и употреблением сего слова»². Поэтому разбой был определен в Уложении как «всякое на кого-либо, для похищения принадлежащего ему или находящегося у него имущества, нападение, когда оно учинено открытою силою с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здоровья или свободы лица или лиц, подвергшихся нападению» (ст. 2208 Уложения ред. 1857 г., ст. 1627 Уложения ред. 1866, 1885 гг.).

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: Свод законов уголовных. СПб., 1842. Т. 15. Ст. 792. Напомним, что составители Свода в своем понимании разбоя несколько отошли от сложившегося к началу XVII в. представления, в соответствии с которым разбой предполагал нападение шайки преступников на мирных жителей с целью завладения их имуществом. В Своде законов уголовных объективная сторона разбоя была ограничена по месту совершения преступления нападением на населенные пункты, жилые дома, здания.

² Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 г. в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 690.

В Уголовном уложении 1903 г. определение разбоя было сформулировано точнее и экономнее. В ст. 589 этого закона говорилось: «Виновный в похищении чужого движимого имущества с целью присвоения, посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы, за сей разбой наказывается».

В УК РСФСР 1922 г. словесная формула, раскрывающая понятие разбоя, стала еще более краткой, при этом его составители вернули термин «нападение» в число слов, обрисовывающих сущность действия при разбое. Разбой был определен как «открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем» (ст. 184). Эта формулировка в своей основе была воспроизведена в УК РСФСР 1926 г. С некоторыми редакционными изменениями она перешла и в УК РСФСР 1960 г. В главном она сохранилась и в действующем УК РФ.

Надо сказать, что в определении, данном в Своде законов уголовных, слово «нападение» относительно точно выражало смысл правового предписания, поскольку под разбоем в то время понимали преступление, совершаемое группой лиц, состоящее в набеге на место жительства людей (его захвате) с целью завладения имуществом. В Уложении о наказаниях разбой, как мы уже сказали, был отнесен к деяниям частного, а не публичного характера. В то же время составители Уложения, стремясь, по всей видимости, сохранить определенную стабильность языковой формы уголовного закона, при описании понятия разбоя использовали словосочетание «нападение, когда оно учинено открытою силою... сопровождалось...», «произведенным открытою силою». Для законодательства середины XIX в., когда в правовых актах преобладали многословные определения тех или иных юридических понятий, такой прием описания противоправных действий был, безусловно, приемлемым. Из текста статьи Уложения видно, что речь идет об открытом завладении имуществом, учиненном (произведенном, устроенном) путем насилия или угроз. Авторы Уголовного уложе-

ния 1903 г., определяя разбой, отказались от ряда устаревших к концу XIX в. слов и выражений. Словесная конструкция «нападение, учиненное...» была заменена выражением «похищение чужого имущества... посредством». Несомненно, что составители Уголовного уложения, кроме стилистических соображений, учли и логику конструирования понятий различных форм похищения имущества. Коль скоро разбой – одна из форм похищения чужого имущества, то в определении его понятия они указали ближайший род («похищение») и видовое отличие (насильственный способ завладения имуществом).

Известно, что при подготовке проекта УК РСФСР 1922 г. его авторы использовали Уложение о наказаниях 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г. Но определение разбоя из этих нормативных актов они не переняли. В УК РСФСР 1922 г. появилась новая редакция определения разбоя. В ней смысловая нагрузка легла на словосочетание «нападение... соединенное с насилием». На первый взгляд, обрисовка объективной стороны разбоя стала более удачной, особенно в сравнении с Уложением о наказаниях, содержавшем детальные, можно сказать, казуистические предписания. Однако нельзя не увидеть, что разработчики УК РСФСР 1922 г., включив термин «нападение» в конструкцию законодательной формулы (надо полагать, для того чтобы подчеркнуть высокую общественную опасность разбоя) и заменив слово «учинено» причастием «соединенное», сместили тем самым акцент в определении разбоя с нападения, т.е. действия, состоявшего в насилии, на насилие как самостоятельный, помимо и наряду с нападением, способ действия.

Нужно сказать, что в публикациях 1980-х – начала 1990-х гг. проблема законодательного определения разбоя специально не рассматривалась. Авторы, по всей видимости, считали, что имевшаяся в УК РСФСР 1960 г. дефиниция была совершенной и не нуждалась в серьезной переработке. Лишь некоторые из ученых, анализируя систему преступлений против собственности, предлагали внести в формулировку понятия разбоя изменения.

Так, Н.И. Загородников и А.В. Наумов полагали, что в новом УК разбой нужно определить как «нападение с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия»¹. Аналогичное определение разбоя предлагалось в проекте УК РСФСР, подготовленном Министерством юстиции РСФСР (в качестве варианта к определению разбоя как «применения насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или угрозы непосредственным применением такого насилия с целью хищения чужого имущества»). Разбой как «похищение чужого движимого имущества, совершенное с насилием, опасным...» был определен в проекте УК РФ, подготовленном Государственно-правовым управлением Президента РФ. Однако в окончательном проекте УК РФ 1996 г. была принята формулировка: «разбой – нападение с целью хищения... совершенное с применением насилия...». С незначительным на первый взгляд редакционным изменением (вместо «с целью хищения» законодатель записал в ст. 162 УК РФ «в целях хищения») она вошла в действующий закон.

Субъективная сторона разбоя. Разбой относится к преступлениям, совершаемым с прямым умыслом. При разбое виновный сознает, что, завладевая чужим имуществом, он тем самым посягает на собственность; предвидит, что путем безвозмездного изъятия чужого имущества он причинит имущественный ущерб собственнику этого имущества. Волевой момент умысла на завладение чужим имуществом включает в себя желание противоправно завладеть чужим имуществом и обратить его в свою пользу либо пользу других лиц. В интеллектуальный момент умысла в отношении применения насилия, опасного для жизни или здоровья, входит осознание виновным того, что он завладевает чужим имуществом посредством применения насилия, это насилие является средством

¹ Загородников Н.И., Наумов А.В. Совершенствование уголовного законодательства об охране социалистической и личной собственности // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 82.

изъятия и обращения в пользу виновного или других лиц; угроза по своему характеру способна утратить потерпевшего. Волевой момент умысла в этой части включает в себя желание применить насилие для изъятия чужого имущества.

Волевой момент умысла виновного в разбое, состоящий в желании завладеть чужим имуществом посредством применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы его применения, определяет цель его действий. К ней в УК РФ отнесены «цели хищения» (цель обратить чужое имущество в свою пользу, пользу других людей; цель незаконного безвозмездного обогащения; цель доставить себе или другим лицам имущественную выгоду).

Если насилие, опасное для жизни или здоровья, применялось к потерпевшему не «в целях хищения чужого имущества», содеянное не образует разбоя. Так, Зеленоградским судом г. Москвы С. был осужден по п. «г» ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 213 и ч. 4 ст. 222 УК РФ. Он был признан виновным в том, что в ночь с 26 по 27 декабря 1997 г. в состоянии алкогольного опьянения в квартире из хулиганских побуждений в присутствии посторонних лиц, нецензурно выражаясь, избил В., нанес ему множественные удары руками по лицу, затем нанес удары пустой стеклянной бутылкой по голове и ножом в бедра, причинив легкий вред здоровью. После этого С. завладел имуществом потерпевшего – газовым пистолетом ИЖ-79 стоимостью 795 руб., который затем незаконно носил при себе, а 28 декабря 1997 г. продал его за 200 руб.

Президиум Московского городского суда 26 октября 2000 г. удовлетворил протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ об изменении приговора. Своим постановлением он изменил приговор в отношении С., переквалифицировал его действия с п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ, в остальной части оставив решение без изменения. При этом он указал следующее. На основании собранных по делу доказательств суд правильно квалифицировал действия С. по ч. 3 ст. 213 и ч. 4 ст. 222 УК РФ. Однако в части квалификации его действий по п. «г» ч. 2 ст. 162

УК РФ приговор подлежит изменению. По смыслу ст. 162 УК РФ действия лица образуют состав преступления – разбойное нападение – лишь в том случае, если нападение на потерпевшего совершается с корыстной целью, т.е. когда насилие, опасное для жизни или здоровья, применяется с целью завладения имуществом потерпевшего или для удержания похищенного. Как установлено по делу, С. избил В. из хулиганских побуждений, а не с целью завладения его имуществом. По показаниям потерпевшего В. и свидетелей, С. никаких имущественных претензий к В. не предъявлял, ни деньги, ни газовый пистолет у потерпевшего не требовал.

Таким образом, из материалов дела видно, что С. из хулиганских побуждений избил В., после чего открыто похитил у него имущество, причем при завладении газовым пистолетом насилия к потерпевшему не применял. Поскольку избиение потерпевшего было окончено до возникновения у осужденного умысла на завладение его имуществом и применение насилия в данном случае образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, оно не может расцениваться как средство похищения чужого имущества. Действия С. следует квалифицировать по ч. 1 ст. 161 УК РФ как открытое хищение чужого имущества (грабеж)¹.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 11. С. 12.

Лекция 6. КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ХИЩЕНИЯ

Хищение, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Этот квалифицирующий признак имеет свой прообраз в российском уголовном законодательстве. О совершении кражи, грабежа, мошенничества «сговорившимися на то лицами», совершенными «по уговору несколькими лицами» говорилось в ст.ст. 1643¹, 1654, 1671 Уложения 1845 г. Оно предусматривало возвышение наказания одной степенью, «когда разбой учинен несколькими сговорившимися на то лицами, хотя и без составления настоящей для сего шапки...» (ст. 1632). Совершение разбоя «сговорившимися на то лицами» означало его совершение несколькими лицами, предварительно на то согласившимися¹. Законодатель тех лет полагал, что предварительное соглашение многих лиц «сообщает ассоциации больше твердости, а ее действиям – больше стройности и порядка»². Уложение 1903 г. выделяло разбой, учиненный «несколькими лицами, вторгшимися для сего в обитаемое здание или иное помещение» (ст. 589). УК РСФСР 1960 г. к квалифицированному относил разбой, совершенный по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 91, п. «а» ч. 2 ст. 146). Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» разъяснил, что под хищением, «совершенным по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором участвовали двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении»³.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. М., 1994. Т. 1. С. 334.

² Белогриц-Котляровский Л. Особые виды воровства – кражи по русскому праву. Киев, 1883. С. 73.

³ Уголовный кодекс РСФСР : с изм. и доп. на 1 января 1975 г. с приложением постановочных материалов. М., 1975. С. 169.

Квалифицирующий признак «совершение хищения по предварительному сговору группой лиц» предусмотрен частями вторыми ст.ст. 158, 159–159⁶, 160, 161, 162, 164 УК РФ. Совершение хищения группой лиц предполагает непосредственное участие в совершении хищения двух и более вменяемых лиц, достигших ко времени совершения преступления возраста уголовной ответственности, заранее договорившихся о совместном совершении хищения.

Соглашение о совместном совершении хищения между двумя и более лицами может быть достигнуто задолго до совершения преступления или непосредственно перед ним. Форма соглашения о совместном совершении хищения не имеет значения для квалификации содеянного как совершенного группой лиц по предварительному сговору. Для юридической оценки деяния значимо лишь содержание сговора относительно основных признаков состава преступления. Так, совершение разбоя по предварительному сговору группой лиц следует вменять лишь в случае, если будет установлено, что группа лиц предварительно договорилась о совершении хищения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Совместное совершение хищения означает, что два и более лица непосредственно выполняют объективную сторону преступления. При этом для квалификации содеянного как совершенного группой лиц не обязательно, чтобы каждый из соисполнителей полностью выполнял объективную сторону преступления; для признания хищения совершенным группой лиц достаточно, чтобы соисполнитель хотя бы частично выполнил действия, образующие объективную сторону того или иного хищения. Так, при грабеже один из соисполнителей может применять к потерпевшему насилие (физическое или психическое), другой отбирать в это время у него имущество. В случае совершения разбоя, сопряженного с проникновением в жилище, помещение, иное хранилище, один из преступников может взламывать двери, второй – применять к потерпевшему насилие, третий – завладевать имуществом.

Суды порой упускают из вида это обстоятельство и принимают решения, не основанные на законе. Так, Ленинградским областным судом 15 ноября 2005 г. Б., Е. и К. осуждены по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе по пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ. По делу также осужден Р. В порядке возмещения материального ущерба с осужденных в пользу потерпевшей В. взыскано солидарно 692 317 руб. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 апреля 2006 г. приговор в части осуждения Б., Е. и К. по пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ отменила по следующим основаниям.

Судом первой инстанции установлено, что, имея сговор на совершение открытого хищения имущества В. с применением насилия, не опасного для его жизни и здоровья, Р., Б., Е. и К. 2 февраля 2004 г. прибыли в поселок, где в то время находился В., и спрятались за хозяйственной пристройкой для наблюдения за его действиями. Дождавшись, когда В. вошел в гараж, Р. последовал за ним и совершил разбойное нападение на В. и А., а также убийство В. В момент, когда Р. входил в гараж, Б., Е. и К., посчитав, что их заметили, убежали и, как указано в приговоре, «возложили» на Р. исполнение запланированного грабежа и дожидались его возле автомобиля, на котором приехали.

Учитывая, что действий, непосредственно направленных на ограбление В., совершенных Б., Е. и К., не установлено, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определила, что состав преступления, предусмотренного пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, за совершение которого они осуждены, отсутствует. В определении указано, что в их действиях имеется добровольный отказ от совершения преступления. Поводом к бегству этих лиц с места происшествия послужило предположение о том, что их заметило постороннее лицо, но это обстоятельство не создавало для них реальной опасности быть задержанными и не препятствовало доведению преступления до конца. Преступление они прекратили на стадии приготовления к нему. Отказ осужденных от ограбления В. был окончательным, так как попыток завершить

преступление они не делали. Мотивы отказа для юридической оценки их действий значения не имеют. Последующие действия также не влияют на квалификацию, поскольку не связаны с противоправным завладением имуществом потерпевшего. Вывод суда о возложении Б., Е. и К. исполнения запланированного преступления на Р. доказательствами не подтверждается и является предположением. Судебная коллегия признала, что приговор в части осуждения Б., Е. и К. по пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. Согласно положениям ст.ст. 379, 380 УПК РФ данное обстоятельство является основанием для отмены приговора. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении Б., Е. и К. в части их осуждения по пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ отменила и уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в их действиях состава преступления; исключила из приговора указание о взыскании в солидарном порядке с Б., Е., К. в пользу В. 692 317 руб. в порядке возмещения материального ущерба.

Исполнителем мошенничества (чч. 5–7 ст.ст. 159, 159¹ УК РФ), присвоения или растраты может быть только лицо, обладающее признаками специального субъекта. Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснил, что эти преступления надлежит считать совершенными группой лиц по предварительному сговору лишь в случае, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта этих преступлений, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (п. 28).

Пленум также отметил, что, исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ, лица, не обладающие соответствующим статусом или полномочиями, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, либо с заемщиком, либо с лицом, которому вверено

имущество, должны нести уголовную ответственность по ст. 33 и, соответственно, по ч. 5, 6 или 7 ст. 159, ст. 159¹ или ст. 160 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил судам, что лицо, организовавшее преступление либо склонившее к совершению кражи, грабежа или разбоя заведомо не подлежащего уголовной ответственности участника преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность как исполнитель содеянного. При наличии к тому оснований, предусмотренных законом, действия указанного лица должны дополнительно квалифицироваться по ст. 150 УК РФ (п. 13). Этим постановлением Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судам в случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям ст.ст. 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насильем либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками (п. 14). Вторая часть этой рекомендации вызывает сомнения, поскольку предлагается усматривать группу с предварительным сговором в случаях, когда собственно предварительного сговора на совершение грабежа или разбоя не было.

Совершение разбоя организованной группой. Этот квалифицирующий признак разбоя известен российскому уголовному праву

со времен Уложения 1845 г. Оно выделяло разбой, грабеж, кражу, учиненные «составившейся для того, или вообще для преступления сего рода, шайкой» (ст.ст. 1633, 1639, 1645). Уложение 1845 г. не определяло понятия шайки, однако текст закона давал основание утверждать, что основной признак этой формы соучастия заключается в постоянном характере сообщества, обращении преступной деятельности как бы в ремесло. Шайка предполагала «вперед составленное соглашение» на совершение преступного деяния. При этом было возможным существование шаек двух видов: составленных для совершения нескольких преступлений, определенных в роде «но не в данных случаях»; составленных для совершения одного или нескольких преступлений, определенных заранее «в данных случаях». Судебная практика в XIX в. необходимым признаком шаек второго вида признавала внутреннюю организацию преступного сообщества¹.

О хищении, совершенном шайкой, говорилось в Уложении 1903 г. (ст. 589), указах Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Повышенную ответственность за совершение разбоя организованной группой предусматривал УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 1 июля 1994 г.).

Надо сказать, что после издания указов от 4 июня 1947 г. Верховный Суд СССР неоднократно разъяснял нижестоящим судам, что под организованной группой следует понимать группу из двух или более лиц, предварительно организовавшихся для совершения одного или нескольких хищений². Признаки организованной

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. М., 1984. Т. 1. С. 335–337.

² Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1951 гг. М., 1952. С. 121–131; О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1954 г. № 5 // Уголовный кодекс РСФСР. 1957. С. 113.

группы (применительно к УК РСФСР 1960 г.) раскрывал и Верховный Суд Российской Федерации. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» указывалось, что организованная группа – это устойчивая группа из двух или более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений. Такая группа характеризуется, как правило, высоким уровнем организованности, планированием и тщательной подготовкой преступления, распределением ролей между соучастниками и т.п.¹

В соответствии с ч. 3. ст. 35 УК РФ организованной группой признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Из этого определения следует, что организованной группе присущи такие признаки: 1) устойчивость; 2) предварительная (заранее состоявшаяся) объединенность ее участников для совершения одного или нескольких преступлений.

Устойчивость как признак организованной группы предполагает стойкость преступных устремлений участников группы, способность группы противостоять внешнему воздействию и не распадаться под влиянием каких-либо факторов. Об устойчивости группы свидетельствуют длительный по времени или интенсивный период ее преступной деятельности, складывающийся из значительного числа преступлений, постоянство форм и методов преступной деятельности, техническая оснащенность членов группы, длительность подготовки даже одного преступления и т.д.

Предварительная объединенность участников организованной группы заключается в более прочных, чем в группе по предварительному сговору, связях между членами организованной группы; организованная группа тщательно планирует преступления; члены

¹ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2001. С. 678.

организованной группы заранее согласовывают основные моменты будущего преступления; в организованной группе предварительно распределяются функции участников.

Действия участников организованной группы образуют соисполнение хищения (независимо от роли того или иного лица в содеянном), без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Так, по приговору Челябинского областного суда от 5 сентября 2011 г. О., К., Б., Г., Ч., Н. осуждены по п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, а также по другим статьям УК РФ. О., К., Б., Г., Ч., Н. признаны виновными в совершении в составе организованной группы краж автомобилей с находившимся в них имуществом потерпевших, а также в совершении других преступлений, связанных с кражами автомобилей. В кассационных жалобах осужденные и адвокаты в защиту их интересов просили приговор изменить, так как, по их мнению, не имеется доказательств того, что преступления совершались организованной группой. Утверждали, что кражи совершались спонтанно, поводом к совершению преступлений послужило безответственное поведение потерпевших, оставлявших автомобили на неохраняемых стоянках.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 29 мая 2012 г. приговор оставила без изменения по следующим основаниям. В судебном заседании установлено, что осужденные О., Б., Г. и Ч. были знакомы между собой, планировали совершение краж автомобилей, производили подготовку к совершению инкриминируемых преступлений, среди них имелась определенная специализация, а при совершении преступлений распределялись роли. Они изучали устройство автомобилей, способы их открытия и запуска двигателей без санкционированного владельцем отключения сигнализации, изготавливали и приобретали для этих целей специальное оборудование, подбирали автомобили, подходящие для хищения, определяли наиболее удобное время для совершения преступления, способы безопасного перегона автомобиля от места хищения к месту дальнейшего хранения либо реализации. У осужденных имелись заранее приготовленные места для сокрытия, раз-

бора автомобилей, каковыми являлись гаражи. Группа осужденных лиц была устойчивой, имела высокую степень организованности, участники заранее объединились для совершения преступлений. Об этом же свидетельствуют количество потерпевших (38 человек) и продолжительность времени совершения преступлений. В этой связи суд пришел к обоснованному выводу о том, что в действиях О., К., Б., Г. и Ч. имеется квалифицирующий признак совершения краж организованной группой. Также обоснованно по этому же признаку квалифицированы действия осужденного Н. Неоднократность обращения Н. к одним и тем же лицам с просьбой похитить автомобили с интересующими его характеристиками, согласованный способ передачи ему похищенных автомобилей, заранее определенное и подготовленное место, куда они будут помещены, последующая передача Н. лицам, непосредственно участвовавшим в совершении кражи, денег за полученные автомобили указывают на то, что Н. к моменту первого обращения к группе осужденных с просьбой похитить автомобиль был осведомлен о том, что группа лиц систематически совершает кражи автомобилей и их деятельность носит организованный характер. Н. присоединился к указанной организованной группе лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений, и в соответствии со ст. 33 УК РФ его действия образуют соучастие в совершении инкриминируемых ему преступлений. Поскольку он является участником организованной преступной группы, то в соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ должен нести ответственность как соисполнитель.

Хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ). Предмет преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, составляют предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Предметы – это материальные объекты, вещи. Документы – материальные носители данных с зафиксированной на них информацией, предназначенные для ее передачи во времени и пространстве. Особая ценность предметов или документов определяется их уникальностью, исключительностью, неповторимостью. Особую историче-

скую, научную, художественную, культурную ценность могут иметь предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок, предметы и документы, относящиеся к жизни и деятельности выдающихся государственных деятелей, деятелей науки, литературы, искусства, картины, рисунки целиком ручной работы, оригинальные гравюры, эстампы, старинные книги, редкие музыкальные инструменты, почтовые марки, старинные монеты, ордена, медали и другие предметы коллекционирования, редкие коллекции и образцы флоры и фауны и т.д.

В судебной практике сложилось правило, в соответствии с которым особая историческая, научная, художественная или культурная ценность предметов или документов должна определяться на основе экспертного заключения с учетом не только стоимости этих предметов и документов в денежном выражении, но и их значимости для истории, науки и культуры. Так, Кировский районный суд г. Саратова установил, что в июне 2016 г. у П., состоящего в должности начальника отдела технического и хозяйственного обеспечения Государственного архива Саратовской области, возник умысел, направленный на совершение тайного хищения книг, имеющих особую историческую, научную и культурную ценность, принадлежащих Саратовской области в лице Государственного архива.

Осуществляя свой умысел, П. в июне 2016 г. неоднократно проникал в помещение архива и похитил 46 книг «Коллекции метрических книг церковей Саратовской губернии». Похищенными книгами П. распорядился по своему усмотрению, продав их.

В соответствии с экспертным заключением № 17 от 06 октября 2016 г., проведенным экспертом по культурным ценностям Управления Министерства культуры России по Приволжскому федеральному округу, метрические книги в количестве 46 штук «Коллекции метрических книг церковей Саратовской губернии» представляют особую историческую, научную и культурную ценность, относятся к рукописям, документальным памятникам, архивам, созданным более 50 лет назад. Согласно заключению эксперта ЭЦ «Э» № 86 от 20 декабря 2016 г. стоимость одной метрической книги в период с 20 июня по

07 июля 2016 г. составляла 26 828 725 руб. каждая, общая стоимость 46 метрических книги составляла 1 234 121 350 руб. С учетом обстоятельств содеянного П. был осужден по ч. 1 ст. 164 УК РФ за хищение документов, имеющих особую историческую, научную и культурную ценность.

Объективная сторона преступления состоит в противоправном безвозмездном изъятии предметов или документов, имеющих особую ценность, из чужого законного владения и (или) обращении их в пользу виновного или других лиц. Способ хищения может быть тайным или открытым, насильственным или ненасильственным; хищение может быть совершено путем обмана или злоупотребления доверием. От способа преступления зависит решение вопроса о моменте окончания хищения предметов или документов, имеющих особую ценность. В случае хищения этих предметов или документов путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежа преступление окончено с момента, когда похищенное поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению. При хищении предметов или документов путем разбоя преступление окончено в момент нападения.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом на завладение собственно предметами или документами, имеющими особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

Часть 2 ст. 164 УК РФ предусматривает ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, повлекшее уничтожение, порчу или разрушение этих предметов или документов. Уничтожение предметов или документов означает их истребление в качестве объекта внешнего мира, утрату ими особой ценности для истории, культуры, науки. Разрушение представляет собой разновидность уничтожения, оно предполагает утрату тем или иным объектом своей целостности. Под порчей понимается утрата предметами или документами тех или иных свойств как объектов исторического, культурного наследия.

Субъективная сторона хищения предметов, имеющих особую ценность, повлекшего их уничтожение, порчу или разрушение предполагает как умышленное, так и неосторожное отношение виновного к последствиям совершенного им деяния.

Кража, мошенничество, присвоение или растрата, причинившие значительный ущерб гражданину. В примечании 2 к ст. 158 УК РФ сказано, что значительный ущерб гражданину в статьях гл. 21 (за исключением ч. 5 ст. 159 УК) определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее 5 тыс. руб. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что при квалификации кражи по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство и др. Если ущерб, причиненный в результате кражи, не превышает 5 тыс. руб. либо ущерб не наступил по обстоятельствам, не зависящим от виновного, содеянное может квалифицироваться как покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину при условии, что умысел виновного был направлен на кражу имущества в значительном размере.

В постановлении от 30 ноября 2017 г. Пленум Верховного Суда РФ отметил, что мошенничество, присвоение или растрата, совершенные с причинением значительного ущерба гражданину, могут быть квалифицированы как оконченные преступления по ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159³, ч. 2 ст. 159⁵, ч. 2 ст. 159⁶ или ч. 2 ст. 160 УК РФ соответственно только в случае реального причинения значительного имущественного ущерба. При этом он обратил внимание судов на то, что мнение потерпевшего о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественное положение потерпевшего (п. 31).

Хотелось бы отметить, что, раскрывая содержание понятия «причинение значительного ущерба гражданину», УК РФ ограничился общим указанием, что значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее 5 тыс. руб. Нельзя не увидеть, что при определении значительности ущерба с учетом имущественного положения потерпевшего уголовная ответственность виновного ставится в прямую зависимость от обстоятельств, характеризующих потерпевшего. Но они, как правило, неизвестны преступнику. Также следует отметить, что квалификация преступлений с учетом значительности причинения ущерба гражданину не согласуется с провозглашенным Конституцией РФ равенством прав и свобод человека и гражданина независимо от имущественного положения.

Хищение в крупном, особо крупном размерах. В соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ хищение признается совершенным в крупном размере в случае завладения имуществом, стоимость которого превышает 250 тыс. руб. В случае завладения имуществом, стоимость которого превышает 1 млн руб., содеянное образует хищение в особо крупном размере. Вопрос о крупном или особо крупном размерах решается в соответствии с п. 4 примечаний к ст. 158 УК РФ для целей чч. 3 и 4 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 159², в соответствии с пп. 2 и 3 примечаний к ст. 159 УК РФ для целей чч. 6 и 7 ст. 159 УК РФ и в соответствии с примечанием к ст. 159¹ УК РФ для целей чч. 3 и 4 ст. 159¹, чч. 3 и 4 ст. 159³, чч. 3 и 4 ст. 159⁵, чч. 3 и 4 ст. 159⁶ УК РФ (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

При определении стоимости похищенного имущества следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене похищенного его стоимость может быть установлена на основании заключения экспертов. Решая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хищение группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, по признакам «в крупном размере», «в особо крупном размере», следует исходить из общей стоимости похищенного

всеми участниками группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

Как хищение в крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает 250 тыс. руб., а в особо крупном размере – 1 млн руб., если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или в особо крупном размере.

Кража, грабеж, разбой совершенные с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Относя проникновение в жилище, помещение или иное хранилище к числу квалифицирующих эти преступления обстоятельств, законодатель справедливо учел, что завладение чужим имуществом, сопряженное с преодолением каких-либо препятствий, затрудняющих к нему доступ (так называемых строительных, конструктивных преград, запирающих устройств), свидетельствует о большей активности антиобщественной направленности личности преступника. Проникновение в качестве способа совершения хищения является, как правило, показателем высокой интенсивности корыстной мотивации преступного поведения; оно говорит о стремлении преступника завладеть чужим имуществом, несмотря ни на что. Проникновение в жилище, помещение, иное хранилище делает более вероятным причинение вреда как отношениям собственности, так и таким личным благам человека, как жизнь и здоровье¹. Законодатель также принял во внимание, что хищения, соединенные с незаконным проникновением в жилище, посягают на провозглашенную Конституцией РФ неприкосновенность жилища; соединенные с проникновением в помещение, иное хранилище – на отношения по обеспечению безопасности, сохранности имущества, принадлежащего государству, юридическим лицам, гражданам².

¹ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 106.

² Бойцов А.И. Преступления против собственности. М., 2002. С. 617.

Надо сказать, что квалифицирующий признак «проникновение в жилище, помещение или иное хранилище» в том или ином виде давно известен русскому уголовному законодательству. Так, Русская Правда наиболее опасной признавала кражу имущества, совершенную в ночное время из «клетки», т.е. бревенчатой постройки (жилого дома, амбара, кладовой при доме). По Русской Правде, убийство вора, пойманного ночью во дворе («у клетки») или непосредственно в процессе кражи («у которое татбы»), не влекло за собой наказания¹. Соборное уложение 1649 г. кражу, совершенную «в дому», относило к числу наиболее опасных преступлений против собственности. При этом Уложение не проводило различия между дневной и ночной кражей и допускало убийство «татя» с «поличным» как во время совершения преступления, так и во время погони за ним, когда он оказывал сопротивление².

Артикул воинский 1715 г. из числа иных выделял кражу из жилых помещений и хранилищ («Ежели кто... отопрет сундуки, хоромы воровскими ключами...»), – толкование к Артикулу 185). В толковании к Артикулу 185 упоминался и ненасильственный грабеж без оружия, соединенный с проникновением в помещение, жилище. В нем говорилось: «Ежели кто ворвется без оружия, или войдет в дом без насильства в конюшню или хоромы... от чего никакого насилия или убийства опасатись не надлежало...»³. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. к числу наиболее опасных имущественных преступлений относило те из них, которые были сопряжены с проникновением в жилые дома, нападением на другие обитаемые здания, селения. Так, к квалифицированному был отнесен разбой с нападением на дом, иное обитаемое здание или целое селение. Грабеж, совершенный шайкой путем открытого нападения на дом или иное обитаемое место, то-

¹ Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940.

² Памятники древнерусского права. М., 1957. Вып. 6.

³ Российское законодательство X–XX веков : в 10 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 362.

же признавался квалифицированным преступлением. Квалифицированным преступлением Уложение считало и кражу со взломом. При этом в ранней редакции Уложения (1845 г.) различались два вида кражи со взломом. К первому были отнесены кражи со взломом, который можно условно назвать «внешним». При совершении таких краж преступник получал доступ к имуществу путем подкопа под дом или иное здание, посредством разрушения ворот, наружных дверей здания, пролома стен, кровли дома или иного здания. Второй вид образовывали кражи с «внутренним» взломом – кражи, при которых взлом ограничивался повреждением окон, внутренних дверей здания, шкафов, сундуков, ларцов или иных хранилищ, в которых находились вещи.

Уложение в редакции Закона от 18 мая 1882 г. отказалось от деления взлома на «внешний» и «внутренний». К числу квалифицированных оно стало относить кражу «из обитаемого строения или с его двора, или из находящихся во дворе построек посредством взлома преград, препятствующих доступу во двор, в обитаемое строение или из одной его части в другую, либо находящихся на сих преградах запоров», а также кражу, совершенную таким же способом из «казенного или общественного здания, хотя и необитаемого, но охраняемого стражею». Наказание возвышалось по усмотрению суда одной или двумя степенями за кражи, при совершении которых виновные влезли в окно, перелезли через стену, забор или иную ограду или же вошли в дом под вымышленным предлогом. Повышенное наказание влекли за собой кражи из запертых хранилищ движимого имущества посредством разрушения или повреждения на месте преступления этих хранилищ или же «препятствующих доступу в оные запоры»¹.

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривал более строгое наказание за кражи, совершенные посредством взлома преград или запоров, препятствующих доступу во двор, в строение или из одной его части в другую, из запертых

¹ Законы уголовные. СПб., 1909. С. 498.

хранилищ движимого имущества посредством их разрушения или повреждения на месте преступления или же препятствующих доступу в них запоров, с применением (для открывания замков) отмычек, иных орудий или принесенных виновным поддельных или подобранных ключей (ст. 170.1). По Уставу наказание за кражу могло быть увеличено в случае, «когда для совершения кражи виновные влезли в окно, перелезли через стену, забор или иную ограду или же вошли в дом под вымышленным предлогом» (ст. 170)¹.

УК РСФСР 1922 г. усиливал ответственность за кражу с применением орудий или инструментов или других технических приспособлений (п. «б» ст. 180)². О краже, совершенной с применением технических средств, говорилось в УК РСФСР 1926 г. (ст. 162)³. УК РСФСР 1960 г. (в редакции до декабря 1982 г.) к числу квалифицированных относил кражу, совершенную с применением технических средств (ст. 89, 144)⁴. Этот кодекс, как и предшествующие ему советские уголовные законы, не раскрывал понятия «технические средства». В науке уголовного права, судебной практике под техническими средствами понимали, как правило, технику совершения преступления; к ним относили не только предметы, используемые для проникновения в помещение, взлома хранилищ, завладения имуществом, но и различные приемы совершения кражи без употребления каких-либо инструментов и орудий (проникновение в квартиру под видом монтера, пожарного, перелезание через забор, влезание в окно и пр.)⁵.

В декабре 1982 г. законодатель изменил редакцию статей УК РСФСР 1960 г., предусматривающих ответственность за кражу. Квалифицирующий признак «применение технических средств» был заменен признаком «проникновение в помещение, иное хра-

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1900. С. 349.

² Уголовный кодекс РСФСР. М., 1922. С. 20.

³ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1953. С. 20.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1962. С. 56.

⁵ Жижиленко А.А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. С. 77.

нилище, жилище» (ст. 89, 144). Квалифицирующий признак «проникновение в помещение, иное хранилище, жилище» был включен и в составы таких преступлений, как грабеж и разбой¹. При этом законодатель не объяснил, что, собственно, надо понимать под проникновением, жилищем, помещением, иным хранилищем. Ответы на эти вопросы давались в уголовно-правовой литературе, постановлениях пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР. УК РФ 1996 г. дополнил рассматриваемый квалифицирующий признак указанием на незаконность проникновения, определениями таких объектов проникновения, как «жилище», «помещение», «хранилище» (примечания к ст. 139, 158).

Применительно к УК РФ 1996 г. незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище – это противоправное тайное либо открытое в них вторжение с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Проникновение с внешней (объективной) стороны может быть как ненасильственным, так и насильственным, осуществляться как непосредственно, так и опосредованно (без входа в жилище, помещение или иное хранилище с использованием для изъятия имущества каких-либо технических приспособлений, дрессированных животных, лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других предусмотренных законом обстоятельств). Уместно напомнить, что в русской уголовно-правовой литературе образно говорилось: проникновение – это вторжение злой воли преступника в помещение. В наше время понятие проникновения разъясняет Верховный Суд РФ. В частности, в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. он отметил, что проникновение в жилые и нежилые строения или сооружения может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение (п. 18). Такая трактовка проникновения находит выражение и в решениях по конкретным уголовным делам.

¹ О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 49.

По приговору Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 25 июля 2006 г. А. осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ. Он признан виновным в том, что 30 сентября 2005 г. в г. Сургуте совершил разбойное нападение на потерпевшую П. с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с незаконным проникновением в помещение. В кассационном порядке дело не рассматривалось. Постановлением президиума суда Ханты-Мансийского автономного округа от 31 октября 2008 г. приговор в отношении А. изменен, наказание смягчено. В надзорной жалобе осужденный просил о пересмотре состоявшихся в отношении него судебных решений, указывая, что его действиям дана неправильная юридическая оценка, поскольку в киоск он не проникал. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 мая 2009 г. изменила приговор городского суда и постановление президиума суда автономного округа, указав следующее. В соответствии с ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Вывод суда при квалификации содеянного, что в ходе разбойного нападения имело место насилие, а не угроза насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшей, является несостоятельным. Доводы жалобы о том, что А. не проникал в киоск, признаны необоснованными. Как следует из показаний потерпевшей П., которые суд положил в основу приговора, осужденный, требуя деньги, преодолевая ее сопротивление, через окно киоска пытался рукой дотянуться до кассового аппарата. При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу, что в ходе разбойного нападения А. проник в помещение киоска.

Незаконность проникновения означает, что в жилом или нежилом помещении либо ином хранилище оказывается лицо, не имеющее на то правомочий либо согласия собственника, владельца помещения или строения, иных лиц, ведающих жилым или нежилым помещением, иным хранилищем на законном основании.

Под жилищем в соответствии со ст. 139 УК РФ понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

Под помещением понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях (ч. 1 примечания 3 к ст. 158 УК). Хранилище – это хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей (ч. 2 примечания 3 к ст. 158 УК РФ).

При квалификации кражи, грабежа, разбоя как совершенных с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, необходимо выяснять, с какой целью виновный в них оказался и когда у него возник умысел на завладение чужим имуществом. Если виновный оказался в них правомерно, не имея намерения совершить хищение, но затем совершил кражу, грабеж или разбой, квалифицирующий признак «незаконное проникновение» в его действиях отсутствует. Квалифицирующий признак отсутствует и в случае совершения заранее запланированного хищения лицом, правомерно оказавшимся в том или ином помещении.

Так, Б. был признан виновным в тайном хищении чужого имущества с причинением значительного ущерба потерпевшей (супруги на момент совершения преступления), с незаконным проникновением в жилище. В дальнейшем приговор был пересмотрен в кассационном порядке и внесены изменения в соответствии с действующим законодательством, не касающиеся квалификации действий Б. как совершение тайного хищения чужого имущества.

Суд надзорной инстанции судебные решения оставил без изменения. В надзорной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного просил приговор изменить, полагая, что из осуждения Б. подлежит исключению признак кражи «с незаконным проникновением в жилище». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 7 августа 2012 г. надзорную жалобу частично удовлетворила, указав следующее. Б. признан виновным в краже, совершенной с причинением значительного ущерба потерпевшей, с незаконным проникновением в жилище – квартиру, откуда он тайно похитил имущество А. на общую сумму 44 700 руб. Вместе с тем с 14 июля 2010 г. осужденный был зарегистрирован и проживал в квартире, откуда было совершено тайное хищение имущества супруги в период с 4 по 6 ноября 2010 г. В материалах дела имеется исковое заявление потерпевшей А. о признании осужденного Б. утратившим право пользования указанной квартирой, поданное в суд до совершения Б. преступления, а также решение суда от 25 ноября 2010 г. о расторжении брака, т.е. после совершения им преступления. В соответствии с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется.

Учитывая изложенное, осуждение Б. по квалифицирующему признаку кражи «с незаконным проникновением в жилище» необоснованно, так как согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, дети и родители. Поскольку данная норма относит супруга к членам семьи собственника, то до расторжения брака он не утрачивает права пользования жилым помещением по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 31 ЖК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переqualificировала действия Б. на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (в ред. от 7 марта 2011 г.), поскольку им совершено тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину.

Разрушение или повреждение в процессе проникновения замков, дверей, окон, решеток, стен, потолка жилого или нежилого помещения требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ (в случаях причинения значительного ущерба). По ст. 167 УК следует дополнительно квалифицировать содеянное и в случае умышленного уничтожения или повреждения иного имущества потерпевшего, не являвшегося предметом хищения, например мебели, бытовой техники и других вещей.

Казалось бы, можно говорить, что в УК РФ квалифицирующий признак «проникновение» получил необходимую обрисовку. Однако нельзя не увидеть, что нормативно-правовое наполнение этого признака могло быть и более совершенным.

Так, обращает на себя внимание логическая и системная несогласованность определений жилища и помещения как объектов проникновения. Как уже было сказано, к жилищу УК РФ отнес индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания. Помещение – это строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях.

Нельзя не заметить, что в определении жилища просматривается такое соотношение понятий: понятие «строение» шире понятия «помещение»; последнее представляет собой внутреннюю часть строения. В определении помещения как объекта проникновения принято иное соподчинение понятий: «помещение» – понятие более общее; оно охватывает собой строения и сооружения. Излишне объяснять, что юридические определения не должны содержать противоречивые суждения. Наполняя конкретным содержанием правовые понятия, юридические определения обрисовывают тем самым пределы действия норм права. Очевидно, что нечеткость

в определениях тех или иных понятий препятствует пониманию смысла правовых предписаний, создает условия для произвольного применения норм права.

Уместно напомнить, что ЖК РФ к жилищу как объекту жилищных прав относит «жилые помещения» – изолированные помещения, пригодные для постоянного проживания граждан (отвечающие установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства – ст. 15 УК РФ). В ч. 1 ст. 16 ЖК РФ названы виды жилых помещений, образующих жилищный фонд: жилой дом; часть жилого дома; квартира; часть квартиры; комната. Как видим, в жилищном законодательстве в качестве обобщающей избрана категория «помещение»; к функциональному признаку жилища отнесена пригодность изолированного помещения для постоянного проживания; к юридическому – принадлежность помещения к жилищному фонду. УК РФ, в отличие от ЖК РФ, понятие «жилище» наполнил широким содержанием. Уголовно-правовое определение жилища дает основание относить к объекту проникновения не только собственно жилые помещения, но и иные места обитания людей, по букве ЖК РФ не являющиеся жилищем, – сараи, бани, оранжереи, летние кухни, беседки, иные хозяйственные постройки, землянки, шалаши, предназначенные их собственниками для временного проживания. Но очевидно, что такая трактовка понятия «жилище» искажает смысл уголовно-правового запрета, предполагающего более строгую ответственность за преступление, наносящее вред не только отношениям собственности, но и такому социальному и личному благу, как неприкосновенность жилища.

Трудно представить, что законодатель, провозглашая в ст. 25 Конституции РФ неприкосновенность жилища, имел в виду не только помещения, специально предназначенные для свободного проживания человека, но и любые иные места обитания человека, не отвечающие установленным (применительно к жилым помещениям) санитарным и техническим нормам и правилам, иным требованиям российского законодательства. Также заметим, что уго-

ловное законодательство РФ (как это следует из содержания ч. 1 ст. 2 УК РФ) призвано защищать от преступных посягательств значимые для личности, общества и государства общественные отношения, охранять права и законные интересы субъектов этих отношений. Уголовное право, как справедливо подчеркнул В.П. Малков, охраняет от преступных посягательств такие общественные отношения и ценности, которые вместе с тем охраняются и регулируются и другими отраслями права¹.

Сказанное, думается, убеждает, что уголовный закон должен исходить из интересов защиты права на неприкосновенность жилища не как любого места обитания человека, а жилища как объекта жилищных прав. В связи с этим в УК РФ необходимо: 1) согласовать содержание примечания к ст. 139 с положениями ст.ст. 15–19 ЖК РФ; 2) объекты проникновения при хищениях обрисовать словами «жилое, нежилое помещение, хранилище».

В УК РФ следует также определить, что именно следует понимать под проникновением как способом действия при совершении кражи, грабежа, разбоя. В законодательном определении проникновения необходимо учесть его интерпретации в уголовно-правовой науке, судебной практике. При этом надо иметь в виду, что правоприменитель нуждается не столько в общем определении «проникновения», сколько в знании конкретных границ этого понятия. Их можно обозначить в деталях, перечислив в УК типичные ситуации совершения посягательств на собственность посредством проникновения в жилые, нежилые помещения, хранилища. Такой прием для конструирования дефинитивной нормы, быть может, не самый подходящий. Но преимущество его очевидно: лица, применяющие уголовный закон, получают из текста статьи необходимую информацию о виде запрещенного поведения.

Как показывает изучение судебной практики, типичными приемами проникновения являются: 1) полное или частичное нарушение целостности запирающих устройств, элементов строений (две-

¹ Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 21.

рей, окон, стен, потолков, фундаментов, полов и т.д.); 2) обман лиц, находящихся в жилом или нежилом помещении, на охраняемой территории; 3) применение приспособлений, позволяющих изъять похищенное без фактического перемещения преступника в строение, хранилище; 4) использование заранее подготовленных или обнаруженных на месте преступлений ключей; 5) «свободный доступ» (проникновение в жилище через открытое окно, незапертую дверь, незакрытый аварийный выход, вентиляционные шахты и т.д.); 6) использование «невнимательности» потерпевшего (виновный прячется в помещении с целью похищения имущества); 7) вторжение в жилое, нежилое помещение посредством применения насилия к лицу, открывшему дверь в это помещение.

Представляется, что эти приемы проникновения можно отразить в УК РФ достаточно обобщенными понятиями: «взлом», «специальные приспособления и приемы», «свободный доступ», «применение насилия». «Взлом» охватывает случаи устранения преград или запоров. «Специальные приспособления и приемы» включают в себя применение для изъятия имущества технических устройств, обман как средство получения доступа к имуществу, иные ухищрения виновного. Термин «свободный доступ» означает, что кража совершена из незакрытого жилого, нежилого помещения, хранилища. Словосочетание «применение насилия» предполагает психическое или физическое воздействие на потерпевшего.

С учетом изложенного возможна такая редакция определения проникновения в примечаниях к ст. 158 УК РФ: «Под проникновением в статьях настоящей главы понимается незаконное тайное или открытое, путем взлома, свободного доступа, применения специальных приемов, насилия вторжение в жилое, нежилое помещение, хранилище с целью совершения кражи, грабежа или разбоя». Хищение с проникновением образуют и действия лица, непосредственно не входившего в жилое, нежилое помещение, хранилище, но изъывшего из них чужое имущество при помощи технических устройств.

Кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. При совершении такой кражи виновный похищает имущество из карманов одежды потерпевшего, из предметов (сумки, чемодана, портфеля, рюкзака и т.п.), находившихся в руках потерпевшего или в непосредственной близости от него.

Так, Тушинский районный суд города Москвы установил, что В. совершил кражу из одежды, находившейся при потерпевшем. В. 11 марта 2015 г., находясь у дома 14, корпус 3 по улице Планерной в г. Москве, имея умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, находясь в непосредственной близости с П., убедившись, что за его действиями никто не наблюдает и они незаметны для потерпевшего, просунул руку в задний карман джинсов, одетых на П., откуда взял мобильный телефон марки «Samsung» модели «Galaxy Ace Duos GT S6802» черного цвета стоимостью 3 500 руб. После чего В., удерживая при себе похищенное, с места совершения преступления скрылся и в дальнейшем распорядился похищенным по своему усмотрению, причинив таким образом потерпевшему значительный материальный ущерб на сумму 3 500 руб. Действия В. суд квалифицировал по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кражу, совершенную с причинением значительного ущерба гражданину, из одежды, находившейся при потерпевшем.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. обратил внимание судов, что по смыслу закона ответственность по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ наступает за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака. Пленум Верховного Суда также отметил, что особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т.п.) значения для квалификации преступления по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ не имеют,

так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения (п. 23¹).

Кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Трубопровод – инженерное сооружение, предназначенное для транспортировки газообразных и жидких веществ, разжиженных и пылевидных масс, а также твердых веществ в виде раствора. УК РФ относит трубопровод к хранилищу (примечание 3 к ст. 158 УК РФ). Кража может быть совершена из любого составного элемента трубопровода. Так, М. в поле между селами по предварительному сговору и совместно с неустановленными лицами, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство, с использованием электросварочного и другого оборудования незаконно врезался в трубу магистрального нефтепровода «Обводной вокруг Чеченской Республики» и перекачал в емкость, установленную в кузове автомашины, тонну нефти, которую в последующем реализовал. Действия М. суд квалифицировал по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. разъяснил: «Если в ходе совершения кражи нефти, нефтепродуктов, газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215³ УК РФ» (п. 20). «При квалификации кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) не учитываются расходы, связанные с устранением повреждений нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода» (п. 25).

Мошенничество, присвоение или растрата с использованием служебного положения. Под использованием служебного положения понимается использование служащим для завладения чужим имуществом своих служебных прав, обязанностей, функций (организационно-распорядительных, административно-хозяйственных). К лицам, использующим свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159¹, ч. 3 ст. 159², ч. 3 ст. 159³, ч. 3 ст. 159⁵, ч. 3 ст. 159⁶, ч. 3 ст. 160 УК РФ), относятся должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, служащие этих организаций (например, лицо, использующее для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

Действия организаторов, подстрекателей и пособников мошенничества, присвоения или растраты, заведомо для них совершенных лицом с использованием своего служебного положения, квалифицируются по соответствующей части ст. 33 УК РФ и по ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159¹, ч. 3 ст. 159², ч. 3 ст. 159³, ч. 3 ст. 159⁵, ч. 3 ст. 159⁶ или по ч. 3 ст. 160 УК РФ соответственно.

Признак совершения преступления с использованием своего служебного положения отсутствует в случае присвоения или растраты принадлежащего физическому лицу (в том числе индивидуальному предпринимателю) имущества, которое было вверено им другому физическому лицу на основании гражданско-правовых договоров аренды, подряда, комиссии, перевозки, хранения и других или трудового договора. Указанные действия охватываются ч. 1 ст. 160 УК РФ, если в содеянном не содержится иных квалифицирующих признаков, предусмотренных этой статьей.

Так, приговором Майкопского районного суда Республики Адыгея от 21 октября 2015 г. М. была осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ

к двум годам лишения свободы. М. признана виновной в присвоении чужого имущества с использованием своего служебного положения. В кассационном представлении государственный обвинитель просил приговор изменить, переqualифицировать действия М. с ч. 3 на ч. 1 ст. 160 УК РФ, поскольку в ее деянии отсутствует квалифицирующий признак совершения преступления «с использованием своего служебного положения».

Президиум Верховного Суда Республики Адыгея 23 июня 2016 г. кассационное представление удовлетворил по следующим основаниям. Он указал, что при рассмотрении уголовного дела были допущены существенные нарушения уголовного закона, повлиявшие на исход дела. Как установлено судом, согласно приказу Управления Федеральной почтовой связи Республики Адыгея – филиала ФГУП «Почта России» и трудовому договору М. работала в должности почтальона третьего класса отделения почтовой связи. В соответствии с квалификационной характеристикой выполняла служебные полномочия, заключавшиеся в том числе в выплате на дому пенсий и пособий. Трудовым договором была предусмотрена ее материальная ответственность за причинение ущерба работодателю. 19 мая 2015 г. М., получив денежные средства, подлежащие выплате населению, и ведомости на их выплату, подделала в ведомости подпись их получателя К. и присвоила 2 333 руб., которыми распорядилась по своему усмотрению. Действия М. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Однако под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ. Из материалов уголовного дела усматривается, что М. работала почтальоном и какими-либо из перечисленных выше полномочий не обладала, а исполняла трудовые обязанности, и ее действия подлежали квалификации

по ч. 1 ст. 160 УК РФ. При таких обстоятельствах президиум Верховного Суда Республики Адыгея приговор изменил, действия М. переквалифицировал с ч. 3 на ч. 1 ст. 160 УК РФ, назначил наказание в виде обязательных работ на срок 60 часов.

Мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение. Лишение права гражданина на жилое помещение отнесено к квалифицирующим признакам мошенничества (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Содержание этого признака раскрыто в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. В нем сказано, что для целей ч. 4 ст. 159 УК РФ правом на жилое помещение признается принадлежащее гражданину на момент совершения преступления право собственности на жилое помещение или право пользования им (в частности, право пользования членами семьи собственника, право пользования на основании завещательного отказа, право пользования на основании договора ренты и пожизненного содержания с иждивением, право пользования на основании договора социального найма). Если в результате мошенничества гражданин лишился права на жилое помещение, то действия виновного надлежит квалифицировать по ч. 4 ст. 159 УК РФ независимо от того, являлось ли данное жилое помещение у потерпевшего единственным и (или) использовалось ли оно потерпевшим для собственного проживания. Верховный Суд РФ разъяснил нижестоящим судам, что по смыслу ч. 4 ст. 159 УК РФ в ее взаимосвязи с примечанием к ст. 139 УК РФ и ст. 16 ЖК РФ к такому жилому помещению относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната в жилом доме или квартире независимо от формы собственности, входящие в жилищный фонд. Те обстоятельства, что данное помещение не соответствует санитарным, техническим и иным нормам, непригодно для проживания, на квалификацию содеянного не влияют. В качестве жилого помещения не могут рассматриваться объекты, не являющиеся недвижимым имуществом, – палатки, автоприцепы, дома на колесах, строительные бытовки, иные помещения, строения и сооружения, не входящие в жилищный фонд (п. 9).

Верховный Суд РФ также отметил, что если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права (например, в случае хищения денег при заключении фиктивного договора аренды жилого помещения либо хищения денег под видом привлечения средств для участия в долевом строительстве многоквартирных домов), то в действиях виновного отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г.).

Практика показывает, что мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение, нередко представляет собой детально разработанное преступление. Так, по приговору Пермского краевого суда от 13 апреля 2012 г. И. осужден, в числе прочего, по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. И. признан виновным в покушении на мошенничество при следующих обстоятельствах. Решив незаконно обогатиться путем обращения в свою собственность квартиры, принадлежащей С., осужденный установил с ним доверительные отношения, предложив заняться совместным бизнесом. Реализуя свой умысел, действуя из корыстных побуждений, злоупотребляя доверием потерпевшего и обманывая его, И. предложил С. оформить на него доверенность на распоряжение принадлежащей С. квартирой с целью получения кредита на ведение совместного бизнеса. Введенный в заблуждение потерпевший выдал нотариально удостоверенную доверенность на И. с правом распоряжаться своей квартирой. Затем И. убедил С. оформить договор купли-продажи квартиры, принадлежащей потерпевшему. Используя выданную ему доверенность, И. передал договор купли-продажи указанной квартиры для регистрации сделки и оформления на себя права собственности на квартиру. Умысел И. по завладению квартирой С. (стоимостью более 1 млн руб.) не был доведен до конца по не зависящим от него обстоятельствам. В кассационной жалобе осужденный просил приговор отменить, указывая, что его вина в покушении на мошенничество не доказана.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 июня 2012 г. приговор оставила без изменения, а кассационную

жалобу – без удовлетворения, указав следующее. Из показаний И. усматривается, что у него возник умысел на завладение квартирой потерпевшего путем обмана последнего и злоупотребления его доверием. С этой целью, пользуясь доверительными отношениями с потерпевшим, И. уговорил С. оформить на него доверенность на распоряжение квартирой и подписать с ним договор купли-продажи жилого помещения. После этого И. сдал в регистрационную палату документы, необходимые для перерегистрации права собственности на квартиру потерпевшего на себя. Согласно показаниям потерпевшего С., И., с которым у него были дружеские отношения, предложил заняться совместным бизнесом, для чего требовался кредит. По предложению И. он оформил на него доверенность на принадлежащую ему (С.) квартиру. Также по предложению И. С. заключил с ним договор купли-продажи этого жилого помещения. Затем И. уговорил его написать в договоре, что деньги за квартиру С. от И. получены, что не соответствовало действительности. И. пообещал, что после получения кредита он уничтожит доверенность и договор купли-продажи, но не сделал этого и, обманув С., подал документы в регистрационную палату для оформления квартиры в свою собственность. После этого потерпевший обратился в регистрационную палату с заявлением о запрете всех действий по распоряжению своей квартирой и отменил свою доверенность на И. Выводы о виновности И. в покушении на мошенничество также основаны на показаниях свидетелей, материалах регистрационного дела по заявлению И. об оформлении квартиры потерпевшего в свою собственность и других доказательствах. С учетом изложенного суд первой инстанции правильно квалифицировал действия осужденного И. как покушение на мошенничество – ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо огра-

ничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении). Как насильственный грабеж судебная практика оценивает открытое завладение чужим имуществом, сопряженное с введением в организм потерпевшего вещества, не представляющего опасности для его жизни или здоровья. Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, – это устрашение, запугивание потерпевшего возможным нанесением побоев, совершением других насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы.

Насилие при грабеже (физическое, психическое) представляет собой средство изъятия чужого имущества или его удержания непосредственно после изъятия. Оно предшествует завладению чужим имуществом или сопутствует ему.

На практике этому моменту должного внимания иногда не уделяется, что влечет за собой неправильное применение уголовного закона. Так, Т. был признан виновным в открытом хищении шапки, принадлежащей Х., совершенном с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего, и осужден по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. В кассационной жалобе осужденный оспаривал квалификацию его действий в отношении потерпевшего Х., поскольку, квалифицируя его действия как грабеж с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, суд вместе с тем указал в приговоре, что удары потерпевшему он нанес на почве личных неприязненных отношений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор в связи с неправильным применением уголовного закона, указав следующее. Согласно уголовному закону квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ подлежит такое открытое хищение чужого имущества, в ходе которого насилие, не опасное для жизни и здоровья, применяется с целью завладения имуществом потерпевшего или для удержания похищенного. Между тем установленные судом фактические обстоятельства дела указывают на то, что насилие в отношении потерпевшего Х. со стороны

осужденного применялось на почве личных неприязненных отношений. Каких-либо данных, свидетельствующих о применении осужденным насилия с целью завладения имуществом потерпевшего либо удержания похищенного, в судебном заседании не установлено и в приговоре не приведено. Из имеющихся в деле доказательств следует, что, когда потерпевший после конфликта с осужденным и нанесением обоюдных ударов зашел в помещение магазина, забыв подобрать слетевшую с головы шапку, осужденный тайно похитил ее. Таким образом, вывод суда о том, что насилие к потерпевшему Х. осужденным применено с целью завладения его имуществом, противоречит установленным судом обстоятельствам, при которых было совершено преступление. С учетом изложенного судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия Т. с пп. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ (хищение шапки у Х.) и ст. 116 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ).

По приговору Октябрьского районного суда г. Белгорода от 16 августа 2007 г. Б. осужден к лишению свободы: по ч. 1 ст. 112 УК РФ; по п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ; по п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ; по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. По данному делу осужден также А., надзорное производство в отношении которого не возбуждено. Б. признан виновным в умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавшего длительное расстройство здоровья; в изнасиловании, совершенном группой лиц; в насильственных действиях сексуального характера, совершенных группой лиц; в грабеже, совершенном с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. В надзорной жалобе адвокат, защищавший интересы Б., просил о пересмотре приговора, в том числе по тому основанию, что квалифицирующий признак совершения грабежа «с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья» вменен в вину Б. излишне.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 сентября 2009 г. удовлетворила надзорную жалобу адвоката

частично, указав следующее. Как видно из приговора, Б. осужден в том числе за то, что после совершения совместно с А. изнасилования З., а также насильственных действий сексуального характера в отношении нее, действуя из корыстных побуждений и осознавая, что воля потерпевшей к сопротивлению подавлена путем применения к ней физического насилия, открыто завладел ее мобильным телефоном и распорядился им по своему усмотрению. Указанные действия осужденного квалифицированы судом как грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. Между тем установленные судом фактические обстоятельства дела, подтвержденные и показаниями самой потерпевшей З., указывают на то, что насилие в отношении нее со стороны осужденных применялось при совершении изнасилования и насильственных действий сексуального характера и преследовало своей целью подавление воли З. к сопротивлению при удовлетворении ими своих сексуальных потребностей. По смыслу действующего уголовного закона квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ подлежит такое открытое хищение чужого имущества, в ходе которого насилие, не опасное для жизни и здоровья, применяется с целью завладения имуществом потерпевшего или для удержания похищенного. При таких обстоятельствах насилие, примененное к потерпевшей в связи с ее изнасилованием и совершением насильственных действий сексуального характера, не может расцениваться как направленное на похищение ее имущества. Действия Б. пере-квалифицированы с п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ.

От применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, следует отличать применение физических усилий для непосредственного захвата имущества (так называемый рывок). При рывке виновный применяет физическую силу не к потерпевшему, а к его имуществу (срывает цепочку с шеи, браслет с руки, шапку с головы, вырывает сумку из руки). Так, 20 ноября 2017 г. Центральный районный суд г. Оренбурга признал С. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. Суд установил, что С., находясь у подъезда дома в г. Оренбурге, потребовала,

чтобы Н. сняла с себя золотые украшения и отдала их ей. Потерпевшая не подчинилась требованию С. Тогда С. вырвала из мочки правого уха потерпевшей золотую серьгу и скрылась с похищенным с места преступления.

Разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Пункт «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ предусматривает в качестве последствия преступления фактическое причинение здоровью потерпевшего вреда, признаки которого определены ч. 1 ст. 111 УК РФ. Разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ не требует, за исключением случая наступления смерти потерпевшего от причиненного ему при разбое тяжкого вреда здоровью. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. сказано: «Если в ходе разбойного нападения с целью завладения чужим имуществом потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, что повлекло за собой наступление его смерти по неосторожности, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений – по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ» (п. 21).

Иным решение, как представляется, быть не может, поскольку состав разбоя не охватывает лишение жизни потерпевшего, равно как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, не включает в себя завладение чужим имуществом посредством насилия, опасного для жизни или здоровья.

Пленум Верховного Суда указал судам, что если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью

потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по ч. 4 ст. 111 или п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ соответственно (п. 14¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г.).

Разбой, совершенный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, – квалифицирующий признак разбоя, имеющий свою историю в российском уголовном праве. Так, Уголовное уложение 1903 г. к квалифицированному относило разбой, совершенный лицом, «запасшимся оружием или орудием для нападения или защиты» (п. 5 ч. 2 ст. 589). Составители Уложения полагали, что вооруженное состояние виновного составляет такое обстоятельство, которое дает виновному значительный перевес над потерпевшим и ставит последнего в серьезную опасность, если между ними возможно столкновение. Если эта возможность переходит в факт, то вооруженное состояние виновного становится угрозой важным личным благам потерпевшего. Под оружием Уложение 1903 г. понимало предметы, изготовленные специально для нападения или защиты (оружие огнестрельное или холодное); под орудием для нападения или защиты – предметы, заменяющие собой оружие («всякое опасное орудие, пригодное для нападения и защиты, и притом опасное для жизни не только вообще, но и в данном случае»)¹. К последним составители Уложения относили, в частности, топор, лом.

УК РСФСР 1926 г. (в ред. от 26 августа 1929 г.) среди квалифицирующих признаков разбоя назвал вооруженность. В комментариях к этому кодексу вооруженность объясняли как обладание собственно оружием. Так, М.М. Исаев писал: «Под оружием понимается как огнестрельное, так и холодное. Под понятие последнего подойдут кинжалы, финские, но не карманные ножи». По его мнению, к вооруженному разбою не относились случаи, когда виновный для совершения преступления запасся таким предметом, который может быть также

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1905. С. 205.

использован и для защиты, и для нападения, например лом, взятый для того, чтобы сломать забор; топор, чтобы прорубить стену и т.п.¹

В УК РСФСР 1960 г., как и в Уложении 1903 г., было дано широкое определение вооруженности как квалифицирующего признака разбоя. В нем говорилось о разбое «с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия» (п. «б» ч. 2 ст. 91, п. «б» ч. 2 ст. 146). Применительно к этой статье под оружием (в собственном смысле слова) понимались предметы, специально предназначенные или приспособленные для поражения живой цели, ношение и хранение которых без специального разрешения запрещено законом². К другим предметам, используемым в качестве оружия, были отнесены предметы, которыми могли быть причинены потерпевшему телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья (бритва, топор, ломик, дубинка и т.п.). Под применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия, понималось как их использование для причинения телесных повреждений, так и использование для подкрепления угрозы³. УК РФ 1996 г. к квалифицированному также отнес разбой, совершенный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, означает, что с их помощью виновный осуществляет физическое насилие, устрашает жертву. Оружие – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели. Оружие может быть огнестрельным, холодным, метательным, пневматическим, газовым. Оно должно быть пригодным для причинения вреда здоровью или жизни человека. Поэтому к оружию не относятся макеты оружия, его имитации, предметы, утратившие качества оружия в силу объективных обстоятельств.

¹ Исаев М.М. Имущественные преступления. М., 1938. С. 36, 41.

² Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1984. С. 207.

³ О судебной практике по делам о грабеже и разбое. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1975. С. 175.

Предметы, используемые в качестве оружия – это всякого рода объекты (помимо собственно оружия), по своим объективным свойствам способные причинить вред здоровью или жизни человека. Как сказано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г., под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т.п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами (п. 23).

К предметам, используемым в качестве оружия, также следует относить взрывчатые вещества, взрывные устройства, легковоспламеняющиеся жидкости (бензин, керосин, ацетон и др.). Их поражающие свойства исключительны высоки, сопоставимы с поражающими свойствами оружия. Так, бензин при горении может вызвать термические ожоги поверхности кожи, дыхательных путей, смерть человека. К предметам, используемым в качестве оружия, относится заведомо негодное или незаряженное огнестрельное, пневматическое, газовое оружие, примененное для причинения вреда здоровью потерпевшего посредством нанесения ему ударов.

Пленум Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. рекомендовал квалифицировать как вооруженный разбой действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения насилия (п. 23).

Для квалификации действий виновного как совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, не имеет значения, были ли оружие или другие предметы приготовлены заранее или взяты на месте совершения преступления.

Если виновный угрожал заведомо для него негодным или незаряженным оружием или его имитацией, не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или

здоровья, его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 162 УК РФ (разбой, не сопряженный с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия). Если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным, незаряженным оружием или имитацией оружия, содеянное образует грабеж.

Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать, как уже говорилось, их использование как для физического воздействия на потерпевшего, так и для его устранения. Уместно отметить, как понимал и понимает категорию «применение оружия» Верховный Суд РФ. Его позиция отражена как в решениях по конкретным уголовным делам, так и в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. В частности, она нашла выражение в определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу А., Г., К., Я.

По приговору Кемеровского областного суда от 17 декабря 2010 г., вынесенному с участием присяжных заседателей, А., Г., К., Я. осуждены за совершение преступлений, в том числе за разбой с применением оружия, с незаконным проникновением в помещение, организованной группой, в целях завладения имуществом в особо крупном размере. Согласно приговору А., Г., К. и Я. в целях завладения имуществом договорились совершить разбойное нападение на работников ювелирного магазина. 6 июня 2008 г. в соответствии с заранее разработанным планом Г. и Я. на автомобиле под управлением К. приехали к магазину. Прибывший туда же на другом автомобиле А. остался наблюдать за обстановкой, чтобы предупредить при возникновении опасности и не допустить входа в магазин посетителей. В 12 часов 15 минут Г. и Я., удостоверившись, что в помещении ювелирного магазина отсутствуют посетители, вошли туда. Г. направил пистолет на продавца, а Я. стал складывать в сумку ювелирные изделия. Похитив их, нападавшие скрылись с места происшествия.

В кассационной жалобе адвокат просил приговор в отношении Г. отменить, полагая, что из осуждения Г. подлежат исключению квалифицирующие признаки разбоя: «с применением оружия», так

как Г. лишь демонстрировал пистолет; «с незаконным проникновением в помещение», так как нападение совершено в рабочее время, когда доступ в магазин был свободным. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 октября 2011 г. приговор изменила, указав следующее. Доводы защитника о том, что из осуждения Г. за нападение на работников магазина необходимо исключить квалифицирующий признак разбоя «с применением оружия», нельзя признать состоятельными. Для квалификации разбоя как совершенного с применением оружия достаточно угрозы оружием лицам, подвергшимся нападению, или третьим лицам в подтверждение готовности его применения для целей разбоя. Нападение на магазин было совершено осужденными А., Г., К., Я. в рабочее время в тот момент, когда он был открыт для свободного доступа. С учетом изложенного исключен из осуждения А., Г., К., Я. квалифицирующий признак совершения разбоя «с незаконным проникновением в помещение».

В постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. Верховный Суд РФ разъяснил, что под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при разбое следует понимать их умышленное использование лицом как для физического воздействия на потерпевшего, так и для психического воздействия на него в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья (п. 23).

По мнению Верховного Суда РФ, если применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, охватывалось умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, все участники совершенного преступления несут ответственность по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соисполнители и в том случае, когда оружие и другие предметы были применены лишь одним из них (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 г.). Следует сказать, что в случае применения оружия действия виновного требуют, при наличии к тому оснований, квалификации по ст. 222 УК РФ.

Лекция 7. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, НЕ ОБРАЗУЮЩИЕ ХИЩЕНИЯ

Вымогательство (ст. 163 УК РФ). Термином «вымогательство» в российском уголовном законодательстве первоначально обозначали «высшую степень лихоимства» должностных лиц. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. под вымогательством понималась всякая прибыль или иная выгода, приобретаемая по делам службы притеснением или же угрозами и вообще страхом притеснения, всякое требование подарков или же не установленной законом платы и вообще выгоды по делу, касающемуся службы виновного, под каким бы то ни было видом или предлогом; всякие не установленные законом поборы деньгами или вещами или чем либо иным; всякие незаконные наряды обывателей на свою или же чью либо работу (ст. 377).

Деяния, представлявшие собой вымогательство в современном его понимании, Уложением были отнесены к числу преступлений против свободы частных лиц и именовались «угрозами». Статьи 1545, 1546 предусматривали ответственность за угрозы «лишить кого-либо жизни», «причинить кому-либо насильственные действия», «произвести поджог», когда «к тому было присоединено требование выдать или положить в назначаемое для того место сумму денег, или вещь, или письменный акт, или что либо иное, или же принять на себя какие либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого либо законного права...»

В Уголовном уложении 1903 г. такого рода деяния были отнесены к имущественным преступлениям. Они наполнили собой состав вымогательства как насильственного принуждения «к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу» (ст. 590).

К имущественным преступлениям отнесли вымогательство и УК РСФСР 1922, 1926 гг. В УК РСФСР 1926 г. вымогательство определялось как «требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного свойства под страхом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества» (ст. 174). В УК РСФСР 1960 г. под вымогательством понималось требование передачи имущества, права на имущество, совершения действий имущественного характера (в случае совершения преступления против личной собственности граждан) под угрозой насилия, оглашения позорящих сведений, истребления имущества (ст.ст. 95, 148 в ред. до июля 1994 г.).

Уголовный кодекс РФ 1996 г. определяет вымогательство как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» разъяснил, что к предмету вымогательства по смыслу ст. 163 УК РФ относится чужое (т.е. не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права (п. 2) Под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в ст. 163 УК РФ следует понимать удостоверенную в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества. К другим действи-

ям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота, исполнение потерпевшим за виновного обязательств) (п. 3).

Если требование передачи имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера является правомерным, но сопровождается указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, то такие действия не влекут уголовную ответственность за вымогательство. При наличии признаков состава иного преступления (например, угрозы убийством, самоуправства) содеянное следует квалифицировать по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56).

Пленум Верховного Суда РФ также отметил, что потерпевшим от вымогательства может быть признан не только собственник или законный владелец, но и другой фактический обладатель имущества (например, лицо, осуществляющее охрану имущества либо имеющее к нему доступ в силу служебных обязанностей или личных отношений), которому причинен физический, имущественный или моральный вред (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56) По смыслу ч. 1 ст. 163 УК РФ к близким потерпевшего следует относить его близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственников (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве с потерпевшим), а также лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56).

Объективная сторона вымогательства состоит из сложного действия, включающего в себя: требование передачи чужого имуще-

ства или права на чужое имущество или совершения других действий имущественного характера; угрозу применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества или распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Требование – это не терпящее возражений предложение виновного передать ему чужое имущество или право на имущество или совершить другие действия имущественного характера. Угроза применения насилия – это угроза лишить потерпевшего или его близких свободы, избить их, причинить легкий, средний, тяжкий вред их здоровью, лишить их жизни, совершить в их отношении насильственные действия сексуального характера. Угроза уничтожения или повреждения чужого имущества – это угроза привести в полную или частичную непригодность принадлежащее потерпевшему или его близким имущество. Угроза распространить сведения, позорящие потерпевшего или его близких – это угроза распространить сведения, содержащие утверждения о нарушении потерпевшим или его близкими действующего законодательства, совершении ими нечестного поступка, об их аморальном поведении в личной, общественной жизни, недобросовестности в производственной, предпринимательской деятельности. Так, Волоколамским городским судом Московской области по ч. 1 ст. 163 УК РФ был осужден Г. Суд установил, что Г. требовал от А. 200 тыс. руб., высказывая при этом угрозы распространить сведения о том, что А. «нетрадиционной сексуальной ориентации и педофил».

Угроза распространить иные сведения, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, – это угроза распространить сведения, составляющие коммерческую, налоговую, банковскую, личную или семейную тайну. Так, за вымогательство был осужден Т., который, имея электронную базу конструкторско-технологической и бухгалтерской документации, составляющей коммерческую тайну ОАО, предъявил руководящим лицам ОАО требование о передаче

ему 5 млн руб. под угрозой распространения посторонним лицам этой документации.

Виновный может угрожать распространением как соответствующих действительности, так и ложных сведений. Под распространением следует понимать сообщение таких сведений в какой-либо форме хотя бы одному лицу. Распространение образуют опубликование сведений в печати, трансляция по радио и телевидению, демонстрация в кинохроникальных программах, распространение в сети Интернет, изложение в публичных выступлениях, служебных характеристиках и т.д. Угроза, независимо от ее вида, должна быть реальной, действенной, вызывающей у потерпевшего страх претерпеть личный неимущественный, имущественный вред, если он не совершит в пользу виновного или иных лиц действий, приносящих им имущественную выгоду.

Предъявляя требование имущественного характера, виновный угрожает применить насилие, уничтожить или повредить имущество, распространить сведения, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких не немедленно, а в более или менее отдаленном будущем при условии, если потерпевший не выполнит предъявленного к нему требования виновного¹. Так, за вымогательство был осужден К., который, узнав от своей знакомой об интимных отношениях между нею и Х., потребовал от последнего 1 тыс. руб. и назначил срок передачи денег на 15 сентября 2001 г. В случае невыполнения этого требования К. угрожал рассказать девушке, с которой дружил Х., а также третьим лицам позорящие сведения о его, Х., прежней интимной стороне жизни².

¹ Вызывает сомнение утверждение, что для оценки угрозы как реальной не имеет значения, выражено виновным намерение осуществить ее немедленно либо в будущем (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г.). Намерение немедленно осуществить угрозу применения насилия – атрибут такого преступления, как разбой.

² Судебная практика по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. М., 2005. С. 439.

Форма, в которую облекается угроза, безразлична для состава вымогательства: она может быть словесной, письменной, выраженной конклюдентными действиями, может принимать внешний характер просьбы, угроза может быть непонятна для третьих лиц и доступна лишь потерпевшему.

Отсутствие угрозы как объективного признака вымогательства влечет отсутствие состава этого преступления. Так, приговором Верхнеуральского районного суда Челябинской области от 24.08.2014 г. В. был осужден за ряд преступлений, в том числе и за вымогательство. Судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда действия осужденного переквалифицировала с п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ на ч. 1 ст. 116 УК РФ. В обоснование принятого решения судебная коллегия указала, что суд первой инстанции правильно установил, что осужденный потребовал от потерпевшей деньги, а получив отказ, нанес ей несколько ударов и покинул место преступления. Однако квалифицировал содеянное суд первой инстанции неверно. Судебная коллегия отметила, что вымогательство, по смыслу закона, окончено с момента предъявления требования на имущество, подкрепленного угрозой. Квалифицированное вымогательство может быть связано с применением насилия. При этом момент незаконного реального завладения имуществом, если это вообще случится в будущем, существенно оторван по времени от момента совершения вымогателем самих преступных действий. Признавая в действиях осужденного наличие вымогательства, суд не указал на объективные действия виновного, связанные с угрозами. Суд также не учел, что осужденный просил дать ему деньги немедленно, а не в будущем. Из установленных судом обстоятельств следует, что действия В. не содержали признаков вымогательства¹.

Вымогательство имеет формальный состав; преступление окончено с момента доведения до сведения потерпевшего требо-

¹ О судебной практике Челябинского областного суда за четвертый квартал 2014 года : обзор судебной практики Челябинского областного суда от 25.02.2015 г.

ваний имущественного характера, сопряженных с названными в законе угрозами. Не образуют совокупности преступлений неоднократные требования под указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, обращенные к одному или нескольким лицам, если эти требования объединены единым умыслом и направлены на завладение одним и тем же имуществом или правом на имущество либо на получение материальной выгоды от совершения одного и того же действия имущественного характера. Как единое преступление следует квалифицировать и требование, направленное на периодическую передачу потерпевшим имущества (например, ежемесячную передачу определенной денежной суммы) (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г.).

Реализация угроз находится за рамками состава вымогательства и требует дополнительной квалификации по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности, за исключением случаев, когда физическое насилие применяется к потерпевшему или его близким в качестве средства, подкрепляющую основную угрозу. В этих случаях содеянное квалифицируется либо по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (вымогательство, совершенное с применением насилия), либо по п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство, совершенное с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего). Пункт «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ охватывает совершение действий, причиняющих потерпевшему физическую боль, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью (дополнительной квалификации по ст.ст. 112, 115, 116, 117 не требуется). Диспозицией п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ охватывается как умышленное, так и неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Если умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего повлекло по неосторожности его смерть, содеянное следует квалифицировать по п. «в» ч. 3 ст. 163 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Вымогательство, сопряженное с умышленным лишением потерпевшего жизни, квалифицируется по ст. 163 УК и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Распространение в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и

(или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст.ст. 128.1, 137, 155 или 183 и ст. 163 УК РФ. Уничтожение или повреждение в ходе вымогательства чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение потерпевшему значительного ущерба, образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст.ст. 163 и 167 УК РФ (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г.).

Субъективная сторона вымогательства предполагает прямой умысел. Виновный сознает, что не имеет права на чужое имущество, на совершение в его пользу действий имущественного характера, сознает содержание угрозы, принуждающей потерпевшего к поведению, приносящему имущественную выгоду виновному или иному лицу, и желает посредством такой угрозы принудить потерпевшего к выполнению его требования. Мотивы и цели вымогательства могут быть как корыстными, так и иными.

К квалифицирующим признакам вымогательства (помимо применения насилия, причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего) УК РФ отнес совершение вымогательства: группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ); в крупном размере (п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ); организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ); в целях получения имущества в особо крупном размере (п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ). Содержание этих квалифицирующих признаков аналогично содержанию соответствующих квалифицирующих признаков хищения.

Так, в случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает

требование, либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Если лицо осуществляет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то, при отсутствии признаков участия в составе организованной группы, его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части ст. 163 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г.) Вымогательство считается совершенным в крупном либо особо крупном размере, если требование направлено на передачу чужого имущества, права на имущество, производство работ или оказание услуг, стоимость которых на момент предъявления требования превышает стоимость, указанную в п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г.)

Вымогательство в виде требования передачи чужого имущества под угрозой применения насилия необходимо ограничивать от грабежа, совершенного с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, разбоя, совершенного с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья. При грабеже и разбое угроза является средством завладения чужим имуществом или его удержания, при вымогательстве – средством принуждения потерпевшего к совершению в будущем, более или менее отдаленном, действий имущественного характера.

При решении вопроса об ограничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насилием, следует учитывать, что при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем. В случаях, когда вымогательство сопряжено с непосред-

ственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений, эти действия, в зависимости от характера примененного насилия, должны дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г.).

Из сказанного становится очевидным, что проводить разграничение насильственного грабежа, разбоя и вымогательства необходимо в первую очередь по направленности умысла на завладение чужим имуществом. Составы грабежа и разбоя предполагают направленность умысла на завладение имуществом в настоящем (в момент применения насилия – физического или психического – либо сразу же после его применения). При вымогательстве умысел направлен на завладение чужим имуществом в будущем (не в момент угрозы, а через некоторое время). Уместно напомнить, что к разбою УК РФ относит нападение в целях хищения, т.е. нападение в целях изъятия и обращения виновным чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Сущность вымогательства, как это видно из ст. 163 УК РФ, заключается в противозаконном требовании, соединенном с запугиванием, угрозой причинения вреда (имущественного, физического, иного), с помощью которых виновный принуждает лицо к удовлетворению этого требования. Состав вымогательства предполагает такие действия виновного и потерпевшего: требование, соединенное с угрозой применения насилия или его применением; результат требования в виде принуждения потерпевшего к передаче имущества; передача потерпевшим виновному требуемого имущества¹.

Во-вторых, нельзя не видеть различия в степени свободы поведения потерпевшего при грабеже, разбое и вымогательстве. Так, при разбое «свободы» поведения потерпевшего нет, потерпевший целиком находится во власти преступника; вымогательство, в от-

¹ Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 2005. С. 121–123.

личие от разбоя и грабежа, предполагает относительную «свободу» следующего за незаконным требованием поведения потерпевшего, передачу виновному имущества как результат сознательного выбора жертвы между двумя возможностями.

Третий признак разграничения насильственного грабежа, разбоя и вымогательства – назначение применения насилия к потерпевшему. При грабеже и разбое насилие (физическое, психическое), применяется для немедленного завладения чужим имуществом или его удержания (во время или непосредственно после применения насилия). В вымогательстве психическое насилие (нередко подкрепляемое физическим) выступает средством принуждения потерпевшего к совершению действий, приносящих преступнику имущественную выгоду в будущем, а не в момент применения угрозы.

Следует сказать, что законодательное определение вымогательства не раскрывает всей специфики этого преступления. Определив вымогательство как «требование передачи чужого имущества...», законодатель, вольно или невольно, акцентировал внимание на форме преступного действия (требование, как известно, предполагает категорическое заявление, приказ, ультиматум). Но наука уголовного права, судебная практика давно пришли к выводу, что для состава вымогательства форма, в которую облекается угроза, безразлична; она, как уже было сказано, может быть словесной, письменной, выражаться конклюдентными действиями, принимать характер просьбы, угроза может быть непонятна для третьих лиц и доступна лишь потерпевшему. Необходимо только, чтобы угроза вызвала у потерпевшего страх потерять ценное для него благо (имущество, доброе имя, здоровье, жизнь и т.д.), если он не совершит в пользу виновного или иных лиц действий, приносящих им имущественную выгоду. А для внушения такого страха иногда бывает достаточно лишь одного намека, сделанного в вежливой форме. Криминологические исследования показывают, что преступники порой создают обстановку, склоняющую потерпевшего к выполнению определенных действий. Примером являются ситуа-

ции, когда вымогатель организует своего рода «психическую атаку» на потерпевшего (анонимными угрозами по телефону, инсценировками нападений, уничтожения и повреждения имущества и т.п.), а затем предлагает тому совершить в его пользу действия имущественного характера.

Законодатель также дал основание полагать, что требование в составе вымогательства существует как бы помимо угрозы, наряду с угрозой (насилия, уничтожения, повреждения имущества, разглашения сведений о потерпевшем, его близких) как иным действием. Но психическое насилие является системообразующим признаком вымогательства, поэтому законодателю следовало бы точнее выразить это обстоятельство. В легальной дефиниции вымогательства, к сожалению, не получила адекватного отражения и такая его существенная черта, как направленность на завладение чужим имуществом в будущем. Но именно этим моментом и отличается вымогательство от других преступлений против собственности, в частности от разбоя, совершенного с угрозой применения насилия. Следует указать и на излишнюю казуистичность законодательской формулировки применительно к описанию шантажа как средства принуждения потерпевшего к совершению действий, удобных виновному. Представляется, что сведения, позорящие потерпевшего или его близких, охватываются понятием сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Не упоминает УК РФ о цели вымогательства, однако такая «экономия» в обрисовке состава вымогательства не способствует единообразию правоприменения. Уместно напомнить, что Уголовное уложение 1903 г. определяло его как принуждение, совершенное посредством телесного повреждения, насилия над личностью, наказуемой угрозы (ст. 590). В составе вымогательства была названа цель преступления – доставить себе или другому имущественную выгоду.

Сходным образом определяло Уголовное уложение 1903 г. и действие в составе шантажа. Согласно ст. 615 Уложения под шан-

тажом понималось побуждение, с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к передаче имущества, или к уступке права по имуществу, или к вступлению в иную невыгодную по имуществу сделку посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений.

О вымогательстве как принуждении говорилось и в проекте УК СССР. Этим проектом к вымогательству предполагалось относить принуждение потерпевшего к передаче имущества или прав на имущество, или предоставлению имущественных выгод путем угрозы совершить насилие над личностью или повредить или истребить имущество¹. Так же определялось вымогательство и в советской уголовно-правовой литературе. В частности, А.А. Жижиленко, М.М. Исаев, А.А. Пионтковский, М.А. Гельфер писали, что вымогательство – это принуждение к передаче имущества. Некоторые современные авторы тоже говорят, что вымогательство – это «понуждение», «принуждение» потерпевшего к определенному действию имущественного характера.

Как представляется, законодателю следует учесть подход к определению вымогательства, использованный разработчиками Уголовного уложения 1903 г., проекта УК СССР. Его реализация позволит четче обрисовать в УК РФ существенные признаки вымогательства, что создаст условия как для эффективного действия уголовно-правовой нормы, так и для соблюдения законности при ее применении. В УК РФ определение вымогательства может быть таким: «Принуждение к передаче чужого имущества... в пользу виновного или иных лиц посредством угрозы применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». В этом определении должное выражение получают как характер действия, так и направленность действия на противозаконное завладение чужим имуществом в будущем. Слово «принуждение» характеризует

¹ Проект Уголовного Кодекса СССР. М., 1939. С. 193.

действие не как завладение чужим имуществом, а как противозаконное воздействие на потерпевшего. Раскрывает оно и направленность этого воздействия – вызвать страх у потерпевшего и склонить его тем самым к поведению, приносящему имущественную выгоду виновному или иному лицу, в пользу которого он действовал.

Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК). УК РФ предусматривает ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения. Объективная сторона этого преступления включает деяние, последствие (причинение имущественного ущерба), причинно-следственную связь между ними.

Деяние совершается путем обмана или злоупотребления доверием. В этом преступлении обман или злоупотребление доверием имеют, как образно отметила Н.В. Огородникова, иную окраску, чем при хищении. При хищении они являются средством незаконного и безвозмездного завладения чужим имуществом, в рассматриваемом преступлении – средством незаконного удержания у себя имущества, подлежащего передаче лицу, имеющему на него права¹. Обман или злоупотребление доверием исключают получение собственником или законным владельцем тех доходов (денег, ценных бумаг, вещей), которые они получили бы при обычных условиях гражданского оборота. Обман или злоупотребление доверием могут выражаться в представлении лицом подложных документов, освобождающих от уплаты обязательных платежей (кроме указанных в ст.ст. 194, 198, 199 УК РФ), от платы за коммунальные услуги, в изменении показаний приборов учета потребленных коммунальных услуг, незаконном подключении к сетям теплоснабжения, электроснабжения.

На практике как причинение ущерба путем обмана или злоупотребления доверием квалифицируют незаконное пользование

¹ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.А. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 287.

электрической и тепловой энергией, незаконное пользование услугами телефонной связи, незаконное получение услуг по сети Интернет, незаконное обращение работником в свою пользу платежей, подлежащих передаче работодателю, использование в личных целях предоставленных по работе автотранспортных средств, машин или механизмов, уклонение от уплаты нотариальных тарифов, уклонение от уплаты за проезд.

Так, Ленинский районный суд Санкт-Петербурга установил, что И., будучи генеральным директором общества с ограниченной ответственностью «Лотос», по договорам аренды нежилого помещения получил в пользование помещение общей площадью 104,7 кв. м. Это помещение он использовал в своей предпринимательской деятельности, оборудовал его источниками потребления электроэнергии: 6 морозильными камерами для хранения полуфабрикатов и мороженого, 6 холодильными камерами для хранения различных напитков и алкогольной продукции, 2 холодильными стеллажами типа «Горка», используемыми для хранения молочной и скоропортящейся продукции. При этом он, зная, что для использования арендуемого помещения с эксплуатацией источников потребления электроэнергии необходимо заключить договор электроснабжения и не желая оплачивать потребление электроэнергии, нашел специалистов, при помощи которых самовольно подключил помещение к линии электропередачи и безучетно потреблял электроэнергию. Общий объем потребленной электроэнергии составил 432 002 кВт·ч на сумму 2 361 250 руб. 79 коп.

Преступление окончено в момент причинения собственнику или законному владельцу имущественного ущерба в крупном размере. Имущественный ущерб заключается не в прямых убытках, как при хищении, а в неполучении должного, в упущенной выгоде. В случаях незаконного использования чужого имущества ущерб может выражаться, наряду с неполучением должного, и в уменьшении, утрате эксплуатационных свойств этого имущества. Ущербом в крупном размере признается ущерб, превышающий 250 тыс. руб.

При причинении ущерба в меньшем размере лицо привлекается (при наличии оснований) к административной ответственности по ст.ст. 7.20, 7.27.1 КоАП РФ. Лицо может быть также привлечено к гражданско-правовой ответственности.

Субъективную сторону преступления образует прямой умысел. Цель и мотив преступления не являются обязательными признаками состава причинения имущественного ущерба.

Субъект причинения имущественного ущерба – лицо, достигшее возраста 16 лет. Лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также должностные лица, причинившие имущественный ущерб с использованием своего служебного положения, несут ответственность, при наличии к тому оснований, по ст.ст. 207, 285 УК РФ.

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ). Это преступление было известно УК РСФСР 1960 г. Статья 212¹ этого закона предусматривала ответственность за угон автотранспортных средств или других самоходных машин без цели их хищения. В то время считалось, что объектом угона является безопасность движения на автотранспорте, в связи с чем угон был отнесен к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (гл. 10 УК РСФСР 1960 г.). Однако впоследствии было признано, что угон транспортного средства причиняет ущерб главным образом его собственнику или законному владельцу, поэтому законодатель посчитал вполне оправданным рассматривать неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения как преступление против собственности.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, является автомобиль или иное транспортное средство. Автомобиль – это транспортная безрельсовая машина преимущественно на колесном ходу, приводимая в движение собственным двигателем (внутреннего сгорания, электрическим или паровым).

Под иными транспортными средствами, за угон которых без цели хищения предусмотрена уголовная ответственность по ст. 166

УК РФ, следует понимать транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации предоставляется специальное право (автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, мопеды, тракторы и другие самоходные машины, иные транспортные средства с двигателем внутреннего сгорания или электрическим двигателем, а также маломерные катера, моторные лодки и иные суда, угон которых не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ). Не являются предметом данного преступления велосипеды, гребные лодки, гужевой транспорт и т.п. (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, выражается в неправомерном завладении чужим автомобилем или иным транспортным средством. Завладение – это противозаконное изъятие автомобиля или иного транспортного средства из владения собственника (законного владельца) и его обращение (переход) в противозаконное владение виновного. Способ завладения может быть тайным, открытым, обманным, насильственным. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством предполагает его перемещение с места, на котором оно находилось, и поездку на нем. При этом для квалификации содеянного по ст. 166 УК РФ не имеет значения, кто именно управлял угнанным транспортным средством – сам ли виновный или же собственник (законный владелец) транспортного средства, вынужденный это делать помимо своей воли, в результате применения к нему физического насилия или угрозы его применения.

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения окончено с момента отъезда (начала движения) либо перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось (стоянки, гаража, автопарка), без включения двигателя этого транспортного средства – посред-

ством буксировки, перевозки на другом транспортном средстве и т.д. Для квалификации угона как оконченного преступления не имеет значения, на какое расстояние было перемещено транспортное средство.

Так, Е. был осужден за неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения при таких обстоятельствах. Е. в состоянии опьянения шел по улице села и, увидев на дороге лежащий мотоцикл «Минск» и спавшего рядом человека, подошел к нему. Желая завладеть мотоциклом, нанес спящему удары по голове обухом топора, пытался завести мотоцикл, покатил его по дороге, переместив на 15 м. Однако увидевшие это граждане окриками его остановили, и он бросил мотоцикл на землю. В кассационной жалобе Е. не согласился с оценкой его действий как угона, считая, что транспортным средством он не завладел. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении по делу Е. указала, что суд правильно квалифицировал действия Е., так как завладение транспортным средством считается оконченным с момента, когда транспортное средство уведено с места его нахождения любым способом¹.

Покушение на угон образуют действия лица, пытавшегося взломать замки дверей автомобиля, системы охранной сигнализации, завести двигатель либо с целью угона начать движение, если действия этого лица были пресечены или по иным не зависящим от него обстоятельствам ему не удалось реализовать умысел на использование транспортного средства в личных интересах без цели хищения.

Неправомерность завладения автомобилем или иным транспортным средством означает, что виновный не имел ни действительного, ни предполагаемого права пользоваться чужим автомобилем или иным транспортным средством. Судебная практика не усматривает неправомерного завладения в действиях водителя, самовольно использовавшего закрепленное за ним транспортное средство для личной поездки, в действиях членов семьи владельца

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 5. С. 8.

автомобиля, пользовавшихся этим автомобилем без согласия его владельца. Лица, совершившие угон транспортного средства, нередко завладевают им с целью присвоения находившегося в транспортном средстве имущества. Действия этих лиц образуют два преступления – угон транспортного средства и хищение чужого имущества.

Субъективная сторона преступления предполагает прямой умысел. Совершая угон, виновный сознает, что незаконно завладевает чужим транспортным средством, и желает совершить такое действие. При этом необходимо, чтобы виновный не преследовал цели хищения транспортного средства, не намеревался присвоить его целиком или по частям. При угоне умысел виновного направлен на противоправное временное пользование чужим транспортным средством без согласия его собственника или законного владельца (для поездки, перемещения груза, использования транспортного средства как орудия разрушения каких-либо преград, изъятия имущества, причинения вреда здоровью, убийства и т.д.).

Так, З. был признан виновным в том, что после совершенного убийства потерпевшего, взяв ключи от его автомашины, проследовал к месту, где автомашина была оставлена потерпевшим, и перегнал ее в другое место. Указанные действия осужденного З. были квалифицированы в том числе по ч. 1 ст. 166 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что доводы осужденного о том, что в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 166 УК РФ, ввиду того что он не преследовал цели совершить угон автомобиля, а перегнал его на другое место с целью скрыть улики совершенного убийства, необоснованны. Как установлено судом, З. после убийства потерпевшего завладел автомобилем и совершил поездку на нем, переместив автомобиль потерпевшего в другое место. При таких обстоятельствах вывод суда о виновности З. в угоне автомобиля, принадлежавшего потерпевшему, является обоснованным, а квалификация его действий по ч. 1 ст. 166 УК РФ – правильной.

Пленум Верховного Суда РФ вполне обоснованно указал, что в тех случаях, когда лицо неправомерно завладело автомобилем или

иным транспортным средством, намереваясь возратить его владельцу за вознаграждение, содеянное образует не угон, а хищение (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г.).

Перемещение транспортного средства без намерения использовать его в личных интересах не образует неправомерного завладения этим транспортным средством.

Так, по приговору Щекинского районного суда Тульской области от 15 октября 2010 г. осуждены Н. по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 166 УК РФ и М. по ч. 1 ст. 166 УК РФ. М. признан виновным в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения (угон), а Н. – в пособничестве в совершении данного преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев материалы дела, указала следующее. Согласно ч. 1 ст. 166 УК РФ объективная сторона данного преступления заключается в неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения. При этом под неправомерным завладением транспортным средством понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям. Указанные требования закона не учтены судом по настоящему делу. Выводы суда о незаконном завладении М. чужим автомобилем и поездке на нем, а также об оказании Н. пособничества М. в незаконном завладении чужим автомобилем и поездке на нем не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в судебном заседании.

М., работавший администратором-диспетчером транспортной компании «Р», пояснил в судебном заседании, что 19 мая 2010 г. фирмой «А» была спланирована акция, направленная на то, чтобы водители компании «Р» не смогли поставить автобусы для посадки пассажиров в г. Щекино. Приехав в г. Щекино, он увидел, что посадка пассажиров в автобус производится в 70 м от обычной стоянки в связи с тем, что стоянка была занята автомобилями фирмы «А». Его просьбы освободить стоянку от автомобилей не были исполнены. Тогда он подцепил один конец троса к транспортному средству фирмы «А», другой – к своему автомобилю и поехал, но

транспортное средство осталось на месте, затем он отцепил трос. Умысла на угон транспортного средства фирмы «А» у него не было, он преследовал цель только освободить место под стоянку автобуса своей фирмы.

Представитель потерпевшего о действиях М. в судебном заседании дал аналогичные показания, пояснив, что два транспортных средства стояли напротив диспетчерской компании «Р». Сначала у диспетчерской появился Н., потом на автомобиле подъехал М., который подошел к группе мужчин и попросил их убрать транспортные средства, стоявшие напротив диспетчерской фирмы «Р». После этого М. и Н. пошли к транспортным средствам, присоединили одно из них тросом к машине М., которая под управлением М. тронулась и сдвинула транспортное средство с места. Потерпевший вызвал милицию, М. уехал, а Н. был задержан сотрудниками милиции. Свидетели подтвердили показания М. Приведенным доказательствам, свидетельствующим о том, что осужденные не имели умысла на завладение чужим транспортным средством для использования его в личных целях, суд не дал надлежащей оценки в приговоре. Вместе с тем перемещение транспортного средства путем буксировки на незначительное расстояние от места стоянки, исчисляемое несколькими метрами, с целью освобождения места для парковки автобуса, без намерения использования транспортного средства в личных интересах не может рассматриваться как неправомерное завладение транспортным средством.

Указанные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, не приняты во внимание ни судом первой, ни судом второй инстанции. В связи с изложенным осуждение М. по ч. 1 ст. 166 УК РФ за неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (угон), а Н. – по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 166 УК РФ за пособничество в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения (угоне) является незаконным и необоснованным. Судебная коллегия состоявшаяся в отношении осужденных судебные решения отменила, уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием

в деяниях состава преступления, признав за М. и Н. право на реабилитацию.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 14 лет.

Часть 2 ст. 166 УК РФ предусматривает ответственность за угон: совершенный группой лиц по предварительному сговору (п. «а»); с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «в»). Частью 3 ст. 166 УК РФ установлена ответственность за деяния, предусмотренные чч. 1 или 2 этой статьи, совершенные организованной группой либо причинившие особо крупный ущерб. Частью 4 ст. 166 УК РФ предусмотрена ответственность за угон, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Содержание этих квалифицирующих признаков (за исключением «причинения особо крупного ущерба») аналогично содержанию соответствующих квалифицирующих признаков хищения.

В частности, неправомерное завладение чужим транспортным средством без цели хищения группой лиц по предварительному сговору предполагает, как и при хищении, выполнение действий, образующих объективную сторону преступления, не менее чем двумя лицами, вменяемыми и достигшими возраста уголовной ответственности. Для вменения этого квалифицирующего признака достаточно, чтобы соучастники совершали ранее согласованные действия, входящие в собственно процесс завладения транспортным средством. Пленум Верховного Суда РФ отметил, что при неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения несколькими лицами по предварительному сговору действия каждого следует рассматривать как соучастие в преступлении, т.е. как соисполнительство (ч. 2 ст. 34 УК РФ), квалифицируя содеянное ими по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ, независимо от того, кто из участников преступной группы фактически управлял транспортным средством (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г.).

Под причинением особо крупного ущерба понимается причинение собственнику или законному владельцу транспортного средства реального имущественного вреда на сумму, превышающую 1 млн руб. При квалификации содеянного как причинившего особо крупный ущерб следует исходить из фактически понесенных владельцем расходов, связанных с ремонтом найденного автомобиля в случае, если он был поврежден во время угона. Если указанное транспортное средство получило технические повреждения, исключающие возможность его восстановления и дальнейшей эксплуатации, размер причиненного ущерба исчисляется исходя из фактической стоимости транспортного средства на день совершения преступления. В названных случаях дополнительной квалификации действий лица по ст. 168 УК РФ не требуется (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г.).

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и последующее его умышленное уничтожение или повреждение подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 166 УК РФ и при наличии к тому оснований ст. 167 УК РФ, если эти деяния причинили владельцу транспортного средства значительный ущерб, а действия виновного лица не квалифицированы как угон транспортного средства без цели хищения по признаку причинения потерпевшему особо крупного ущерба (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г.).

Неправомерное завладение транспортным средством, не причинившее реального материального ущерба собственнику, не может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 166 УК РФ. Верховным Судом Республики Татарстан 14 октября 1999 г. И. (ранее судимый 2 августа 1999 г. по ч. 1 ст. 228 УК РФ) осужден по ч. 3 ст. 166, п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 162, ч. 5 ст. 33 и пп. «в», «з», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ, А. – по ч. 3 ст. 166 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По этому же приговору осужден Х. И. и А. признаны виновными в убийстве Е. группой лиц в ходе ссоры и драки, а также в неправомерном завладении в ночь с 29 на 30 октября 1998 г. автомашиной

потерпевшего без цели хищения группой лиц по предварительному сговору, с причинением крупного ущерба; кроме того, И. – в совершении 20 мая 1999 г. разбойного нападения с целью завладения имуществом в крупном размере по предварительному сговору с Х., с применением предметов, используемых в качестве оружия, и пособничестве в убийстве С.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения. Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об изменении судебных решений в части осуждения И. и А. по ч. 3 ст. 166 УК РФ: перекалфикации их действий на п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ 25 декабря 2002 г. приговор и кассационное определение изменил, указав следующее. Вывод суда о неправомерном завладении И. и А. автомашиной «ВАЗ-2108», принадлежавшей Е., без цели ее хищения, с причинением крупного ущерба сделан исходя из стоимости автомашины – 55 749 руб. Однако для квалификации преступления по ч. 3 ст. 166 УК РФ по признаку причинения крупного ущерба необходимо установить, что в результате неправомерного завладения транспортным средством собственнику причинен реальный материальный ущерб (в частности, повреждением, уничтожением). Автомашина «ВАЗ-2108» обнаружена на дороге в день совершения преступления – 30 октября 1998 г., на ней существенных повреждений не выявлено. В дальнейшем она передана владельцу – Н., который претензий по поводу ее технического состояния не предъявлял и гражданский иск не заявлял. При таких обстоятельствах квалифицирующий признак неправомерного завладения автомобилем без цели хищения – «причинение крупного ущерба» – вменен осужденным необоснованно, в связи с чем их действия следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ. В силу изложенного приговор и кассационное определение в отношении И. и А. изменены: их действия перекалфицированы с ч. 3 ст. 166 УК РФ на п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ.

Лекция 8. УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА

Часть 1 ст. 167 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба. Предмет этого преступления – частное, государственное, общественное, иное имущество, имеющее экономическую ценность, как движимое, так и недвижимое, как одушевленное, так и неодушевленное: здания, сооружения, средства связи, механизмы, лесные массивы, посевы, домашние птицы и животные, предметы домашнего обихода и т.д. Преступление образует уничтожение или повреждение чужого имущества. Из этого следует, что уничтожение или повреждение своего имущества не образует преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Однако если в результате уничтожения или повреждения своего имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускавшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества. В этом случае стоимость имущества, принадлежащего виновному, должна быть исключена из общего размера ущерба, причиненного в результате уничтожения или повреждения имущества, которое являлось его совместной собственностью с иными лицами.

Объективная сторона преступления включает в себя: деяние, уничтожающее или повреждающее чужое имущество; общественно опасное последствие в виде причинения значительного ущерба собственнику или иному владельцу имущества; причинную связь между деянием и наступившим последствием.

Уничтожение чужого имущества означает как его истребление в качестве объекта внешнего мира, так и приведение этого имуще-

ства в полную непригодность для использования по целевому назначению. Повреждение имущества – это утрата имуществом тех или иных полезных свойств, что делает его временно непригодным для использования по своему назначению. В отличие от уничтожения, представляющего собой безвозвратную потерю имущества, повреждение предполагает качественное ухудшение предмета, которое может быть устранено посредством ремонта, реставрации и т.п.

Уничтожение или повреждение имущества может быть результатом действий, предполагающих механическое, физическое, химическое и другое энергетическое воздействие на материальные предметы, в результате чего прекращается их существование в прежнем виде (уничтожение имущества) либо существенно уменьшается их потребительская ценность (повреждение имущества). Уничтожение и повреждение имущества может быть и результатом бездействия – неосуществления виновным необходимых мер по защите имущества от разрушительного воздействия физических, химических, биологических и иных факторов. Обязанность совершения определенных действий по защите имущества может быть обусловлена договором, служебным положением лица, его предшествующим поведением.

Общественно опасное последствие в виде причинения значительного ущерба означает причинение потерпевшему (собственнику, владельцу имущества) реального значительного имущественного ущерба. Значительность ущерба – оценочная категория. Поэтому для ответа на вопрос, является ли причиненный преступлением имущественный ущерб значительным, следует исходить из стоимости уничтоженного или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являющегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества. При этом значи-

тельный ущерб гражданину не может составлять менее 5 тыс. руб. (примечание 2 к ст. 158 УК РФ)¹.

Субъективная сторона преступления характеризуется умыслом – прямым или косвенным. Виновный осознает общественно опасный характер своих действий (бездействия), предвидит, что этими действиями (бездействием) будет уничтожено или повреждено чужое имущество, и желает уничтожить или повредить чужое имущество. Преступление может быть совершено по любым мотивам, в том числе по корыстным (уничтожение, повреждение чужого имущества за вознаграждение, полученное от заказчика этого преступления).

При похищении каких-либо предметов, составляющих часть уничтожаемого, повреждаемого имущества, содеянное образует совокупность преступлений – уничтожение, повреждение имущества и хищение в той или иной его форме (кражу, грабеж, разбой). Если виновный уничтожил или повредил имущество в целях воздействия на принятие решений или дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, содеянное представляет собой террористический акт (ст. 205 УК РФ). Если же целью уничтожения, повреждения предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения был подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, содеянное следует квалифицировать как диверсию (ст. 281 УК РФ).

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

¹ Определение общественно опасных последствий в составе умышленного уничтожения или повреждения имущества как «причинения значительного ущерба» создает неравные условия для защиты собственности физических и юридических лиц и уголовной ответственности виновных. Эта неопределенная категория затрудняет оценку содеянного в случаях уничтожения, повреждения имущества организаций, имеющих высокий уровень хозяйственного положения и финансового состояния.

Часть 2 ст. 167 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества, причинившее значительный ущерб, совершенное: 1) из хулиганских побуждений; 2) путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом; 3) повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Уничтожение или повреждение имущества из хулиганских побуждений – деяние, мотив которого выражает пренебрежительное отношение виновного к правилам общежития, общепринятым нормам морали, праву собственности других лиц. В хулиганских побуждениях проявляются наглость, крайний эгоизм виновного, его желание проявить себя посредством разрушения, порчи чужого имущества. Уничтожение или повреждение чужого имущества из хулиганских побуждений совершается, как правило, без повода или с использованием незначительного предлога в качестве повода для совершения преступления.

Так, 9 октября 2017 года Пушкинским районным судом г. Санкт-Петербурга был осужден С. по ч. 2 ст. 167 УК РФ за умышленное повреждение чужого имущества с причинением значительного ущерба, совершенное из хулиганских побуждений. Суд установил, что С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес один удар левой рукой по ветровому стеклу автомобиля «Фольксваген Passat», принадлежащего потерпевшей П., после чего в продолжение своего преступного умысла связкой ключей, находящейся в его (С.) правой руке, нанес удары по корпусу вышеуказанного автомобиля, повредив ветровое стекло, капот, крыло переднее левое, боковую часть переднюю левую вышеуказанного автомобиля, причинив тем самым своими действиями потерпевшей П. значительный материальный ущерб на общую сумму 87 695 руб. 60 коп.

Уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом предполагает действия, создающие угрозу причинения вреда другому имуществу, жизни или здоровью людей. Поджог – это умышленное воспламенение предметов, составляющих чужое имущество. Взрыв – осво-

бождение большого количества энергии в ограниченном объеме за короткий промежуток времени. Иной общеопасный способ – это воздействие разрушительных сил природы, бактериологическое, радиологическое, химическое загрязнение имущества и т.п.

Если при уничтожении, повреждении чужого имущества общеопасным способом предусмотренные законом последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное не может квалифицироваться как оконченное преступление.

Так, Ульяновским областным судом Ш. был осужден по пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 162, ч. 2 ст. 167 УК РФ. По делу осуждены также А. и С. Преступления, как указано в приговоре, были совершены при следующих обстоятельствах. 19 мая 1999 г. Ш., А. и С. с целью кражи ценностей приехали к дому Н. С. остался на улице следить за обстановкой, а Ш. и А. договорились о завладении ценностями с применением насилия. Обманным путем проникнув в дом, Ш. и А. совершили убийство Д. и Н. С целью сокрытия следов преступления, уничтожения и повреждения имущества Ш. разбросал перед газовым камином в зале дома тряпки и бумагу, облил их спиртными напитками и поджег. Похитив 800 руб., все трое скрылись. Через некоторое время огонь в доме погас. Огнем было уничтожено и повреждено имущество Н. на сумму 440 руб. Президиум Верховного Суда РФ, удовлетворив надзорную жалобу осужденного Ш. о пересмотре приговора по ч. 2 ст. 167 УК РФ частично, указал следующее. В части квалификации действий осужденного, связанных с поджогом, судебные решения изменены по таким основаниям. Судом установлено, что Ш. с целью сокрытия следов преступления, имея умысел на уничтожение и повреждение имущества потерпевшего, поджег в его доме тряпки и бумагу и скрылся, но огонь через некоторое время погас. В результате этих действий осужденного огнем было уничтожено и повреждено имущество Н. на сумму 440 руб.

Суд пришел к выводу о том, что деяние осужденного не повлекло причинения значительного ущерба, однако «умысел Ш. был направлен на уничтожение следов преступления в доме по-

терпевшего, для чего он и поджег тряпки и бумаги... и лишь по случайности огонь погас и весь дом и находившееся в нем имущество не сгорели». По смыслу закона умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные путем поджога, влекут уголовную ответственность по ч. 2 ст. 167 УК РФ только в случае реального причинения потерпевшему значительного ущерба. Если в результате указанных действий, непосредственно направленных на поджог чужого имущества, предусмотренные законом последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное при наличии у него умысла на причинение значительного ущерба должно рассматриваться как покушение на уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога. С учетом этих обстоятельств Президиум переквалифицировал действия Ш. с ч. 2 ст. 167 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня, взрывчатых веществ в условиях, исключающих их разрушительное воздействие на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 167 УК РФ, если потерпевшему причинен значительный ущерб.

Приговором Находкинского городского суда Приморского края от 19 июля 2013 г. С. осужден по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ к 1 году 8 месяцам лишения свободы, по ч. 2 ст. 167 УК РФ к 1 году 3 месяцам лишения свободы, по ч. 1 ст. 166 УК РФ к 1 году лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 2 года 3 месяца лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Суд апелляционной инстанции, изучив материалы дела, указал следующее. Как усматривается из установленных судом первой инстанции обстоятельств по делу, С. совершил поджог в зимнее время года автомобиля, стоявшего в безлюдном месте, вдали от построек и иного имущества. Это подтверждается показаниями подсудимого, свидетелей Д. и П., из которых следует, что автомобиль, угнанный у по-

терпевшего В., подсудимый поджег на развилке дорог, ведущих на пляж «Гунгус», а также свидетелей П. и К., пояснивших, что в районе базы отдыха «Гунгус» был обнаружен сгоревший автомобиль, протоколом проверки показаний С., указавшего место, где он сжег автомобиль. Таким образом, поджог не создавал реальной опасности причинения вреда людям или ущерба другому имуществу. В связи с этим суд апелляционной инстанции изменил приговор. Он исключил квалифицирующий признак «совершение путем поджога» из умышленного уничтожения чужого имущества. Учитывая, что деяние виновного повлекло причинение значительного ущерба потерпевшему, действия С. были квалифицированы по ч. 1 ст. 167 УК РФ.

К иным тяжким последствиям, причиненным по неосторожности в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества, относятся: причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью хотя бы одного человека; причинение средней тяжести вреда здоровью двух или более лиц; оставление потерпевших без жилья или средств к существованию; длительная остановка или дезорганизация работы предприятия, учреждения или организации; отключение потребителей от источников жизнеобеспечения – электроэнергетики, газа, тепла, водоснабжения и т.п.

Причинение по неосторожности смерти человеку, тяжкого, средней тяжести вреда здоровью при умышленном уничтожении или повреждении имущества влечет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Если при уничтожении или повреждении чужого имущества виновный предвидел и желал, либо не желал, но сознательно допускал такие последствия своего деяния, как смерть человека, причинение вреда здоровью потерпевшего, либо относился к ним безразлично, содеянное следует квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ) и, в зависимости от умысла и наступивших последствий, как убийство (ст.105 УК РФ) либо причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью (ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ).

Ответственность за деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 167 УК РФ, наступает с 14 лет.

Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ). Уголовная ответственность по ст. 168 наступает при условии уничтожения или повреждения имущества в крупном размере. В соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. руб.

С объективной стороны преступление может быть совершено путем как действия, так и бездействия, выразившихся в нарушении как специальных правил безопасности, так и общих мер предосторожности при обращении с огнем или иными источниками повышенной опасности. Применительно к этому составу источниками повышенной опасности могут быть признаны разного рода механизмы, электрическая энергия высокого напряжения, взрывчатые, ядовитые, легковоспламеняющиеся вещества, пиротехнические изделия. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 14 от 5 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» отметил, что «неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности... может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустранимыми дефектами» (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.).

Так, по ст. 168 УК РФ была осуждена В. Установлено, что она, работая администратором сауны, воспользовалась временным отсутствием в сауне клиентов и разместила на деревянных полках и камнях электропечи-«каменки», расположенной в парной сауны на втором этаже, постиранные ею текстильные изделия. Через полчаса находившиеся в сауне текстильные изделия воспламенились,

что повлекло распространение огня из помещения парной по трубе внутренней вентиляции в малую комнату отдыха, а через дверной проем в помывочную, и далее в коридор, где огонь получил распространение как в сторону малой комнаты отдыха, так и в сторону большой комнаты отдыха; общая площадь возгорания составила 40 кв. м. В результате пожара огнем полностью были уничтожены отделка стен и потолка коридора, помещения малой комнаты отдыха, деревянная кровать, расположенная в ней, отделка стен и потолка помещения парной, коридора и помывочной, а также сантехническое оборудование, расположенное в ней; воздействием высокой температуры и продуктами горения частично повреждены отделка стен и потолка большой комнаты отдыха, расположенной в сауне № 2, отделка стен и потолка коридора административных помещений, расположенных на втором этаже, а также мебель и оргтехника, находящиеся в данных помещениях.

В результате неосторожного обращения В. с электропечью-«каменкой» был причинен материальный ущерб в размере 1 980 700 руб. 92 коп.

Пленум Верховного Суда РФ также указал, что если в результате неосторожного обращения с огнем, повлекшего уничтожение или повреждение чужого имущества, наступила смерть человека, действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности статей, предусматривающих ответственность за причинение смерти по неосторожности и уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г.).

Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной виной. При легкомыслии виновный предвидит возможность уничтожения или повреждения чужого имущества в крупном размере в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, но без достаточных и тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение уничтожения или повреждения чужого имущества. При небрежности виновный не предвидит возможности уничтожения или

повреждения чужого имущества в крупном размере, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог это предвидеть.

Субъект преступления – вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Учебное издание

Библиотека магистранта

Елисеев Сергей Александрович

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Курс лекций

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 29.03.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 11,3.

Тираж 500 экз. Заказ № 3015.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-686-9

9 785946 216869